

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2022 – 2

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 2.6

МОСКВА 2022

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам РАН

Отдел языкознания

Редакционная коллегия серии «Языкознание»:

В.З. Демьянков – д-р филол. наук, главный редактор,
Э.Б. Яковлева – д-р филол. наук, заместитель главного редактора,
Е.В. Майорова – ответственный секретарь, *В.М. Алтатов* –
акад. РАН, *Н.С. Бабенко* – канд. филол. наук, *В.Н. Желязкова* –
д-р филологии, *Е.А. Казак* – канд. филол. наук, *И.В. Кангро* –
д-р филологии, *Л.Р. Комалова* – д-р филол. наук, *В.Г. Кузнецов* –
д-р филол. наук, *Е.М. Миронеско-Белова* – д-р филологии,
А.В. Нагорная – д-р филол. наук, *Е.О. Опарина* – канд. филол.
наук, *В.А. Пицальникова* – д-р филол. наук, *Р.К. Потапова* – д-р
филол. наук, *В.В. Потапов* – д-р филол. наук, *М.Б. Раренко* –
канд. филол. наук, *С.А. Ромашко* – канд. филол. наук,
К.Я. Сигал – д-р филол. наук, *Н.Н. Трошина* – канд. филол. наук

ISSN 2219-8776

DOI 10.31249/ling/2022.02.00

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

© «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание»,
информационно-аналитический журнал, 2022
© ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Теоретические проблемы и отдельные методы

Германские языки : текст, корпус, перевод. Коллективная монография. (Реферат)	6
---	---

Сравнительно-историческое языкознание. История языка

Поможи П. Невозможность эволюционной метафоры : неограмматики, родословное древо языков и языковое родство. (Реферат)	12
---	----

Социолингвистика

Богданов С.И., Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Языковой капитал в структуре человеческого и культурного капитала. (Реферат)	18
Богданов С.И., Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Языковые переписи и мониторинги как инструмент национальной и языковой политики. (Реферат).....	26

Прикладное языкознание. Перевод, переводоведение

Потапов В.В. Лингвокогнитивный подход к созданию автоматизированной системы перевода на основе специализированных параллельных терминологических баз данных. (Обзор)	35
Краснояров А.Ю., Аргузова М.А., Хужамурадов Ж.А., Рахимов С.Р. «Речевое творчество» искусственного интеллекта : какие тексты пишет машина и чем они отличаются от людских. (Обзор)	41

Германистика 2021 : nove et nova. (Реферат)	50
Социальные сети : комплексный лингвистический анализ : в 2-х томах : монография. (Реферат)	60

Коммуникация. Дискурс. Речевые жанры

Важенина В.В., Занозина Е.С., Кан Е.В., Латунина Е.А., Мир- заева Д.У., Солдатова Е.И. Доминирующие дискурсы : на чем и как фокусируют массовое внимание. (Обзор)	81
Чернявская В.Е. Текст и социальный контекст : социолинг- вистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. (Реферат)	96

УРОВНИ ЯЗЫКА

Лексикология. Лексикография. Фразеология

<u>Куликова О.В.</u> Социально-коммуникативная среда англофон- ного сообщества в отражении современного английского языка	103
Цзин-Шмидт Чжо. Эвфемизм. (Реферат)	117
Ефимова В.С. Пути формирования старославянского лекси- ческого фонда. (Реферат)	122
Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Очерки русинской фразео- логии. (Реферат)	128
Меркулова И.А. Лексико-семантические ядра славянских языков в сопоставительном аспекте. (Реферат)	131
Словарь русского языка коронавирусной эпохи. (Реферат)	138

Диалектология

Бондаренко Е.Д. Наивная лингвистика и диалектное языковое сознание. (Реферат)	142
--	-----

Лингводидактика

Майорова Е.В. Практика применения социальной сети Insta- gram при обучении иностранным языкам (Обзор)	150
--	-----

Язык и культура

Заключение : культурная грамотность в действии. (Реферат)	163
Культурно маркированные и экспрессивные знаки языка в тексте и дискурсе. (Реферат)	167

Юрислингвистика

Опарина Е.О. Язык права в свете различия лингвокультур. (Обзор)	175
--	-----

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ОТДЕЛЬНЫЕ МЕТОДЫ

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ : ТЕКСТ, КОРПУС, ПЕРЕВОД.

Коллективная монография / отв. редактор Д.Б. Никуличева. –
М. : Институт языкознания РАН, 2020. – 260 с. (Реферат)

Ключевые слова: памятники письменности; параллельный корпус; одноязычный корпус; историческая стилистика; жанроведение; сетевая коммуникация; антропоцентрическая грамматика.

Коллективная монография выполнена в рамках шестых Чтений, посвященных памяти В.Н. Ярцевой. Книга состоит из трех частей, в каждой из которых представлен материал, посвященный древним и современным германским языкам.

Часть первая «Текст : источник новых историко-филологических и лингвистических данных и интерпретаций в системообразующем, антропоцентрическом, контрастивном, лексикографическом, социокультурном и жанроориентированном аспектах» посвящена историко-филологической и историко-лингвистической проблематике, связанной с изучением памятников письменности на германских языках, относящихся к разным эпохам и ареалам. В статье М.Л. Котина «Выражение видо-временных и модальных отношений в исторических и современных текстах Псалтыри (диахроническое измерение категориальной конвергенции в грамматике глагола)» исследуются несколько фрагментов Псалтыри как части Ветхого Завета на предмет функционирования грамматических категорий в разных языках – не только в германских. Достоверность результатов автор гарантирует тем, что в наличии имеется классический параллельный корпус, восходящий к одному и

тому же источнику и переведенный на другие языки: древневерхненемецкий, средневерхненемецкий, ранненововерхненемецкий, ранненовоанглийский, церковнославянский, русский, старопольский и современный польский. Цель работы – выявление взаимодействия категориальных функций аспектуальности, темпоральности и модальности в рамках религиозного текста. Общий вывод заключается в том, что конструкции с модальными глаголами, используемые для выражения будущего времени в германских языках, обнаруживают тенденцию к маркированию завершенности, тогда как соответствующие им формы совершенного вида будущего времени в языках, имеющих категорию вида славянского типа, напротив, содержат имплицитные сигналы модальности долженствования и волеизъявления.

В статье Е.Б. Яковенко «Англоязычные научные трактаты : историко-культурный контекст и особенности текстовой и языковой организации» рассматриваются вопросы изучения истории языка сквозь призму переводов грамматических трактатов с латинского на древнеанглийский. Тексты переводов анализируются как феномены культурной интерпретации, в результате которой труды на англосаксонском языке приобретали самостоятельность, сопоставимую по своей значимости с оригиналами.

Две соположенные статьи Т.В. Топоровой «Архаизмы и инновации в древнеисландском эпосе : повторы в “Старшей Эдде”» и «Архаизмы и инновации в древнеисландском эпосе : *harað legomena* как аналог имен собственных в “Старшей Эдде”» посвящены древнеисландскому эпическому тексту как источнику сведений о древнегерманской картине мира. Автор исследует противоположные явления: с одной стороны, традиционные для фольклора повторы, а с другой – гапаксы – словоупотребления на основе имен собственных как уникальные инновации, зарегистрированные в Эддических текстах лишь единожды. В статье отмечается, что гапаксы именуют важнейшие космогонические символы (мировое древо, хаос, гибель богов, демиургов и объекты творения).

В статье Н.С. Бабенко «Стилевые ресурсы немецких романых текстов раннего Нового времени (XVI в.)» представлены историко-культурные материалы, демонстрирующие процессы транзита из замкнутого на себе средневекового типа культуры в новую коммуникативную среду. С позиций исторической стилистики и

современного лингвистического жанроведения рассматривается существование в постреформационной Германии особой, исторически обусловленной социокультурной ситуации, сложившейся в немецкой словесности второй половины XVI в. Ее отличительными чертами являлись освоение прежнего опыта использования немецкого языка, расширение границ его применения в книжной культуре и в дискурсивных практиках. Автор отмечает, что оригинальная романная литература, с одной стороны, была площадкой для развития жанрово-стилистического разнообразия книжно-письменной культуры, с другой – создавала предпосылки для выравнивания грамматической формы письменного языка, а также для освоения ресурсов самого немецкого языка в рамках авторской прозы, которая носила не только традиционный, но и поисковый, в том числе и экспериментальный характер.

Жанроведческая проблематика нашла продолжение в статье Е.Г. Беляевской «Медиадискурс как источник исторической динамики жанров англоязычной прессы» на материале современных англоязычных СМИ. Автор рассматривает процессы модификации метадискурса нарратива, которые связаны с акцентированием в тексте эмотивной реакции участников медиасобытия, а также с выдвижением на первый план мнения и оценочного отношения автора текста, берущего на себя роль очевидца произошедшего. Отмечается, что систематизация разных жанров и стилей является частью общей проблемы категоризации, которая большинством исследователей признается основной проблемой, решаемой когнитивной лингвистикой.

Часть вторая «Корпус : электронные ресурсы как источник новых данных для интерпретации грамматических лексических и фразеологических явлений в германских языках» посвящена демонстрации новых возможностей, которые предоставляют электронные ресурсы для анализа материала современных германских языков в их живом функционировании. Обсуждается достоверность получаемых результатов на базе корпусных данных. В статье Д.О. Добровольского «Немецкие модальные глаголы в параллельном корпусе и задачи двуязычной лексикографии» говорится о возможностях работы с корпусами для уточнения семантики отдельных языковых единиц, в частности при изучении немецких модальных глаголов и их русских эквивалентов с использованием

данных параллельного корпуса. Он оказывается «мощным инструментом исследования семантики и прагматики выражений языка оригинала, поскольку в основе перевода этих выражений на другой язык лежит их содержательная интерпретация» (с. 105).

В статье И.С. Париной «Использование корпуса параллельных текстов в исследовании эквивалентности» обсуждаются ограничения, которые обнаруживаются у параллельных корпусов, и показывается, что при четком представлении о том, какой временной промежуток корпус охватывает и какие тексты в него входят, можно получить достоверные сведения о степени эквивалентности лексем.

Е.Б. Кротова в статье «Немецкие идиомы в корпусе (акционально-временные формы)» демонстрирует возможности работы с одноязычными корпусами на примере анализа идиом по сходству их синтаксического поведения. Исследование, в частности, показало парадоксальный результат: идиомы чаще встречаются в претерите, чем в перфекте, что противоречит традиционным представлениям об идиомах как явлениях разговорной речи, где претерит уступает презенсу.

Данные одноязычного корпуса исследуются в статье Р.К. Потаповой и В.В. Потапова «Комбинаторно-деривационный способ словотворчества в немецкоязычной сетевой коммуникации» с целью получения нового знания о продуктивных словообразовательных моделях современного немецкого языка, функционирующего в молодежной сетевой коммуникации. Современное словотворчество молодежного контингента авторы предлагают рассматривать как явление национального литературного языка, для которого характерны, с одной стороны, использование стандартных классических средств словообразования, а другой – создание нестандартных словообразующих средств, искажающих исконный смысловой образ слова и придающих сетевой неологеме уникальную эмотивно-модальную коннотацию (ср.: *merkeln* «не принимать никаких решений», *dönieren* «есть, ужинать», *Kartoffelinternet* «медленно работающий Интернет»). Представления о том, что одноязычные корпуса позволяют исследовать изменения в семантике и прагматике языковых единиц, подтверждена.

В статье Е.А. Кондаковой и Е.В. Морозовой «(Не) политкорректная лексика в немецко-русском словаре : принципы отбора и

лексикографического описания» разрабатываются принципы идентификации слов, которые в настоящий момент только начинают свою «карьеру» в качестве некорректных обозначений (например, *Flüchtling* «беженец»).

Обширный корпусный материал представлен в статье А.В. Нагорной и М.А. Цейтлина «Прецедентное имя **Goldilocks** как метафорический ресурс в англоязычном газетном тексте». Авторы изучают процессы метафоризации слова и устанавливают степень вариативности метафорических употреблений, среди которых наиболее устоявшимся оказывается значение «гармоничное, сбалансированное состояние некоторой системы».

В части третьей «Перевод : источники новых лингвистических данных и интерпретаций в антропоцентрическом, системноцентрическом, контрастивном и лексикографическом аспектах» представлены материалы исследования современных германских языков в их сопоставлении с русским. В статье Е.М. Чекалиной «Выражение неопределенного лица в шведском и русском языках : сопоставительный анализ и перевод» используется методика двустороннего сопоставления художественных текстов на предмет изучения двусоставных предложений с неопределенно-личным местоимением *man* в оригинальных текстах на шведском языке и в их переводах на русский (первый этап) и в переводных с русского на шведский текстах, содержащих предложения с местоимением *man* (второй этап). Такой подход позволил выявить регулярные соответствия относительно двух языков, а также точки расхождений и предпочтений при переводе.

Материал шведского языка, на котором написаны художественные тексты, представлен и в статье Е.Л. Жильцовой «Выделительные конструкции *det är... som* в шведском языке : коммуникативное содержание и особенности его передачи при переводе». Автор анализирует факторы, влияющие на выбор переводчиком того или иного русского эквивалента шведской выделительной конструкции, и выявляет зависимость этого выбора от того, какой член предложения подвергается рематизации.

Группа статей в части третьей выполнена на материале датского и русского языков в рамках проекта «Антропоцентрическая грамматика датского языка». В задачи этого проекта входит исследование того, как на разных участках датской языковой системы

проявляются особенности вербальной ориентации говорящего в коммуникации, пространстве и времени: Э.Б. Крылова «Средства выражения эвиденциальных значений в датском и русском языках и проблема их перевода»; Д.Б. Никуличева «Особенности грамматической ориентации во времени через призму русско-датского перевода»; Е.А. Гурова «Особенности датского речевого этикета в зеркале перевода»; Е.В. Краснова «Анализ датских сложных слов в переводах как средство выявления словообразовательных особенностей датских композитов».

Особенностям перевода идиоматики русского авангарда на английский язык посвящена статья И.В. Зыковой «Английские переводы идиоматики русского авангарда в лексикографическом освещении». В работе рассматривается специфика творческого кредо кубофутуристов, подчеркивается экспериментальный характер идиоматики русского авангарда, а также анализируются особенности английских коррелятов и их лексикографической репрезентации. Принципы лексикографирования идиом демонстрируются на примере авангардного идиома «заумный язык» и его иноязычных коррелятов: *beyonsense language*, *transrational language*, *zaum language*, *transmental language*, *trans-sense language*, *metalogical language*, *nonsense language*.

Н.С. Бабенко

Институт языкознания Российской академии наук

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Поможи П.

**НЕВОЗМОЖНОСТЬ ЭВОЛЮЦИОННОЙ МЕТАФОРЫ :
НЕОГРАММАТИКИ, РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО ЯЗЫКОВ
И ЯЗЫКОВОЕ РОДСТВО**

Pomozi P.

**The impossibility of evolutionary metaphor : neogrammarians,
family trees and linguistic affinity // Researchgate
[электрон. ресурс]. – 2021. – P. 106–128. – URL:
<https://www.researchgate.net/publication/355890043>
(дата обращения: 16.11.2021)**

(Реферат)

Ключевые слова: сравнительно-историческое языкознание (методы); теория младограмматиков; родословное древо языков; финноугорские языки; венгерский язык; звуковые переходы; устные жанры.

Автор статьи приводит аргументы против исходных позиций теории младограмматиков. Согласно данной теории, все языки развиваются из гипотетического праязыка, далее образуя семьи генетически родственных языков, которые разделяются между собой и впоследствии развиваются путем системных, происходящих практически без вариантов расхождений. Первостепенное значение при этом придается области фонетики – звуковым изменениям. Свою критику данной теории, подкрепленную примерами из венгерского языка в сравнении с другими финноугорскими языками, П. Поможи развивает, доказывая негодность ключевого образа

младограмматической теории происхождения и генеалогии языков – метафоры рословного древа языков.

Данная метафора основана на уподоблении языков живым организмам в теории происхождения видов Ч. Дарвина. В лингвистический обиход она была введена А. Шлейхером в середине XIX в. и впоследствии стала догмой. Долгое время она рассматривалась (а некоторыми исследователями рассматривается и сейчас) как единственно возможный научный подход в сравнительно-историческом языкознании.

П. Помоги стремится доказать, что метафора 'древо языков' не является хорошим когнитивным инструментом и в действительности не способствует развитию методов сравнительно-исторического языкознания. Эта метафора неверна в своей основе. Прежде всего, нет доказательств того, что все языки развились из единого протоязыка, подобно тому как виды живых организмов, согласно теории Ч. Дарвина, развились из одноклеточного организма. Следовательно, «древо языков» предстает как «дерево без корней», что лишает этот метафорический образ эвристичности и смысла. Данная метафора в лучшем случае может служить визуальным образом для определенной стадии процесса развития языков и их классификации по генеалогическому принципу.

Далее автор отмечает следующее обстоятельство: между временем возникновения языка как такового и предполагаемым формированием праязыков отдельных языковых семей, которые далее разошлись в группы родственных идиомов, прошел очень долгий срок, не зафиксированный документально. Поэтому можно только строить гипотетические модели происходивших в этот период процессов¹. Имеющийся языковой материал позволяет достоверно отследить только процессы, происходившие в последние несколько тысяч лет. Кроме того, язык вообще не определяется биологическими факторами, поэтому рассматриваемая метафора несостоятельна в принципе. В языке многое обусловлено социальными и культурными причинами, среди которых не последнее место занимают множественные языковые контакты.

---

¹ Dixon R.M.W. The rise and fall of languages. – Cambridge, 1997. – 169 p.; Puszta J. Diskussionsbeiträge zur Grundsprachen Forschung. – Wiesbaden, 1995. – 132 p.

Благодаря контактам в языке происходят не только процессы дивергенции, как в живых организмах, но также конвергентные процессы, которые никак не отражены в метафоре 'древа'. Эта метафора не может отразить взаимодействие и сложность процессов, при том что ни языки, ни говорящие на них сообщества не развиваются однолинейно и строго закономерно, через бинарные деления и простые изменения. Следовательно, бинарная модель, на которой основана теория происхождения видов, далека от реальной картины формирования языков, в частности гипотезы о регулярных и последовательных изменениях. Это доказывается, например, развитием языков в Европе, которое было в равной степени определено сложными процессами дивергенции и конвергенции. Таким образом, делает вывод П. Поможи, метафора 'древо языков' может в лучшем случае служить рамочным каркасом для представления данных о существующих языковых семьях и их «ветвях». По мнению автора, если необходима метафора для представления родства языков, их контактов и процессов схождения – расхождений, то эти признаки и явления могут быть более адекватно репрезентированы через образ сложной сетевой системы¹.

Важный семантический признак метафоры 'древа', который не соответствует картине развития языков, – это предлагаемый ею постулат о происхождении каждого нового вида путем последовательного разделения языков. В биологии существуют строгие ограничения на сочетание видов, при котором возможно появление новой разновидности. В ситуации развития языков таких ограничений не существует: любой язык может вступить в контакт с любым другим, независимо от их происхождения, типологии и социокультурных особенностей. Взаимодействие двух и более языков способно стать причиной таких явлений, как мультилингвизм или образование новых языков (с. 115). В целом в развитии языков социальные факторы значительно перевешивают биологические, и условием первостепенной важности следует признать именно языковые контакты.

---

¹ П. Поможи отмечает, что если выбирать биологическую метафору, на эту роль лучше подходит образ сложного корневища растения, как у перченой мяты (с. 114). – *Прим. реф.*

Автор статьи высказывается в целом скептически относительно возможности реконструкции праязыков для отдельных языковых семей, как и относительно попыток реконструкции любой исторической стадии языка, для которой нет письменных свидетельств. Кроме того, предложенный в свое время младограмматиками метод реконструкции является по своей природе тавтологичным, так как создает логическое кольцо: предлагается на основе фактов, известных по определенным временным срезам, восстанавливать предшествующие стадии, а затем, исходя из полученных данных, объяснять синхронную стадию лексики, семантики, грамматики и фонетики языков.

Как упоминалось выше, серьезными недостатками традиционной методологии реконструкций, идущей от младограмматиков, являются исключительно регулярный характер предполагаемых диахронических изменений и «нормализованность» возникавших форм. Такой подход в принципе исключает возможность возникновения в истории языка вариантных форм. Этот недостаток реконструкций, по мнению П. Поможи, ярко проявляется в сравнительно-исторических исследованиях уральских (финноугорских) языков: уралистика игнорирует способность языков к вариантному развитию, в то время как она представляет собой фундаментальное свойство любого естественного языка.

Представление об обязательной регулярности звуковых изменений, идущее в сравнительно-историческом языкознании от младограмматиков, стало для их последователей догмой. Между тем подобный абсолютизм вредит сравнительно-историческим исследованиям: признание вариантности реконструируемых исторических форм способно повысить их «надежность» и доверие к ним. Картина истории языковых семей и отдельных языков станет при таком подходе более реальной. Исследования XX в. показали, что большое количество сходных или одинаковых звуковых изменений происходили в разных языках и языковых семьях. Эти же исследования позволяют сделать вывод о том, что фонетические / фонологические варианты сосуществовали во времени и пространстве. Их анализ – это и есть, по мнению П. Поможи, изучение исторических звуковых изменений и этимологий. Такой подход может продвинуть понимание исторического развития других уровней языка и его социолингвистических характеристик. В под-

тверждение автор приводит данные, отмечанные З. Кёвечешем. В развитии лексикона венгерского языка значительную роль играют корни слов: около 2300 корней стали этимологической основой 100 000–150 000 лексем и обусловили ядро их семантики¹. Этот факт подтвержден словарями венгерского языка, и для подобного пути развития необходимо интенсивное использование морфофонологических вариантов.

П. Поможи также оспаривает конкретное положение, долгое время считавшееся в уралистике бесспорным и не имеющим исключений: переход в венгерском языке *U *p* > Hung *f* как в случае: венгер. *fuzék* ~ манси *put* ~ ханты *put* ~ эст. *pada* ~ фин. *pata*. Остальные варианты, такие как *p* ~ *p* и *p* ~ *b*, не рассматривались как возможные соответствия. Однако для многих этимологий венгерского языка и установления их родства со словами других языков такое допущение необходимо. Например, общее происхождение венгерских лексем *pulya* «мальчик» и *pulyka* «индейка, цыпленок, молодая птица» признается не всеми исследователями в области уралистики, хотя они объединяются общей семемой 'молодой', к которой во втором слове добавляется деминутивный суффикс *-ka*, обозначающий молодых животных. Семантические параллели со звуком *p* обнаруживаются в других финноугорских языках, в том числе в диалектах эстонского и финского, соответственно *puja* и *poj*. Другой пример: даже авторитетные этимологические словари не упоминают о возможном общем происхождении венгерской лексемы *pörög* «вращаться, поворачиваться» и лексем других финноугорских языков: фин. *pyörä*, эст. *pööra* «колесо», эрзя мордов. *пурдамс* «вращаться». Этимологическое родство этих единиц, судя по их семантике, практически бесспорно, однако оно отвергается на том основании, что данные корни не соответствуют якобы обязательному для венгерского языка звуковому переходу *p* ~ *f*. Автор полагает, что исключения из общего правила звукового перехода объясняются тем, что в современном венгерском языке сохранились и закрепились старые диалектные варианты фонем.

В заключение статьи П. Поможи подчеркивает, что в сравнительно-историческом языкознании, в том числе в финноугрове-

---

¹ Kövecses Z. The Hungarian root *es-* in language and cognition // Language & cognition. – Cambridge, 2015. – № 1. – P. 1–35.

дении, необходимо обновление методов исследования. Попытки реконструкции праязыков отдельных семей, как и стремление восстановить картину реального развития языков на основании обязательных и безвариантных изменений, не дадут позитивных результатов. Это в первую очередь относится к тем хронологическим периодам и регионам, для которых отсутствуют письменные документы.

Перспективным путем развития для сравнительно-исторического направления является изучение тех языковых жанров, в которых сохранились старые «реликтовые» формы (survival elements, букв. «выжившие элементы») (с. 125). В венгерском языке такие жанры есть – к их числу относятся старинные народные песни и баллады, апокрифические народные молитвы, вербальные жанры, сопровождающие детские игры. В разговорных диалектах также сохранились лексико-семантические, звуковые и грамматические черты языковой архаики. Данные устных жанров необходимо сопоставлять с наиболее старыми письменными источниками.

Другое важное направление в развитии методов сравнительно-исторического языкознания – превращение его в междисциплинарную науку. Необходимо активное привлечение достижений и инструментария других дисциплин, например археологии и генетических исследований населения на изучаемых территориях.

Е.О. Опарина

*Институт научной информации по общественным наукам Российской
академии наук (ИНИОН РАН)*

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Богданов С.И., Марусенко М.А., Марусенко Н.М.
**ЯЗЫКОВОЙ КАПИТАЛ В СТРУКТУРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
И КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА :**
**(СОЦИАЛЬНЫЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
ИЗУЧЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВ). –**
СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. – 304 с.¹
(Реферат)

Ключевые слова: человеческий капитал; символический капитал; языковой капитал; экономический капитал; цифровой капитал; коммодификация; языковой стандарт.

Богданов Сергей Игоревич – доктор филологических наук, член-корреспондент Российской академии образования (РАО), и. о. академика-секретаря Отделения российской словесности РАО, член правления Российского общества преподавателей русского языка и литературы, специалист в области русистики и общего языкознания².

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, главный научный сотрудник Института прикладной

---

¹ Выполнено в рамках гос. задания отд. языкознания. – *Н. Т.*

² Автор работ: (рук. проекта) Российский гуманитарный энциклопедический словарь : в 3-х т. – М. : Владос ; СПб. : Изд-во СПбГУ, 2002.; (рук. проекта) Школьный энциклопедический словарь. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2014. – 584 с.; (в соавт. с Марусенко М. А, Марусенко Н.М.) Языковые переписи и мониторинги как инструмент национальной и языковой политики. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. – 344 с.

русистики Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена¹.

Марусенко Наталия Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, специалист в области русистики и общего языкознания².

Актуальные изменения в мировой парадигме языковой политики анализируются с опорой на теорию человеческого капитала, разработанную французским философом и социологом Пьером Бурдьё. Особое внимание в книге уделяется национальным системам образования и их роли в воспроизводстве человеческого капитала и социальных отношений в разных странах. Подчеркивается, что задачей систем образования является формирование реального языкового капитала, обеспечивающего интеграцию людей из разных стран и регионов с переходной экономикой в глобализованную экономику.

Книга состоит из введения и двух разделов.

Во введении указывается, что, согласно теории П. Бурдьё, язык является формой символического капитала, который может быть конвертирован в экономический капитал. Таким образом, язык рассматривается в аспекте коммодификации, т.е. превращения языка в товар, функционирующий на глобальном рынке, на котором различные языки и их формы имеют различную стоимость, определяемую господствующими социальными группами и правящими структурами.

«В России исследования по коммодификации языков направлены на достижение трех главных целей:

---

¹ Автор работ: Языковая политика Франции. – СПб. : СПбГУ, 2011. – 624 с.; Языковая политика Европейского союза: институциональный, образовательный и экономический аспекты. – СПб. : СПбГУ, 2014. – 288 с.; Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна: языковые последствия глобализации. – М. : ВКН, 2015. – 406 с.; Новый мировой языковой порядок. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. – 684 с.; (в соавт. с Богдановым С.И., Марусенко Н.М.) Языковые переписи и мониторинги как инструмент национальной и языковой политики. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. – 344 с.

² Автор работ: (в соавт. с Богдановым С.И., Марусенко М.А.) Языковые переписи и мониторинги как инструмент национальной и языковой политики. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. – 344 с.

1) задокументировать исторический момент вхождения русского языка в обиход наиболее востребованных языков в межнациональной сфере обслуживания;

2) понять, как геополитические, экономические, социальные и демографические факторы влияют на процессы коммодификации языка;

3) сделать соответствующие выводы для преподавания русского языка» (с. 16).

В разделе первом «Человеческий капитал» называются три основных компонента этого понятия: 1) общие компетенции, связанные с языковой и математической грамотностью, со способностью обрабатывать информацию и использовать ее для принятия решений и в процессе обучения; 2) специальные компетенции, связанные с применением отдельных технологий, например, с использованием компьютерных программ различной сложности; 3) технические и научные компетенции, т.е. владение специальными областями знания и аналитическими технологиями. По П. Бурдье, сегодня помимо трех традиционных форм существования человеческого капитала (экономической, культурной и социальной) сформировалась его новая форма – информационная, т.е. цифровой капитал, который может легко трансформироваться в экономический капитал, например в навыки программирования. В отличие от цифрового капитала другие формы человеческого капитала, например, активность в социальных сетях, хотя и трансформируются в социальный капитал, но не повышают ценности человека на рынке труда.

В этом же разделе характеризуется система образования и воспроизводства социальных отношений во Франции, Германии и России (на примере Татарстана). При этом различаются понятия «элитарное образование» и «элитное образование». Элитарное образование – это закрытая система, предназначенная для выходцев из знатных / богатых семей; элитное образование – это открытое высококачественное образование для выходцев из всех социальных слоев в соответствии с высокими интеллектуальными способностями и лидерскими качествами человека. В элитном образовании подготавливаются политико-административная и культурная элиты, причем к последней авторы книги относят специалистов, подготовленных также и в естественно-научных вузах, например

MIT (Massachusetts Institute of technology) в США, Московский физико-технический институт в России, École Polytechnique во Франции.

Выделяются три альтернативных способа измерения человеческого капитала: измерение средней продолжительности обучения, измерение уровня знаний, «самооценка респондентами значений переменных, используемых при построении факторов, характеризующих человеческий капитал» (с. 83). Приводятся следующие данные по структуре совокупного богатства России на 2017 г.: человеческий капитал – 46%, произведенный капитал – 33%, природный капитал – 20% (из них 15% – невозобновляемые источники, 5% – возобновляемые), чистые иностранные активы – 15% (с. 97). Отмечается, что доля человеческого капитала в России намного меньше, чем в среднем в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), где он составляет 70%.

Анализируются также вопросы, связанные с человеческим капиталом в переходных экономиках (к которым относится и экономика РФ), производством и приобретением человеческого капитала: формирование культурного капитала в США; внутрисемейная передача культурного капитала в Японии; роль экономического, культурного, социального капитала и габитуса¹ в выборе учебного заведения. Указывается, что в рейтинге эффективности национальных систем образования (Global Index of Cognitive Skills and Educational Attainment) Россия занимает 34-е место после Польши и Чили. Рейтинг оценивает уровень эффективности систем образования по двум основным группам показателей: 1) когнитивным навыкам (качество чтения и понимания текста, качество математического и естественно-научного образования, оценка образовательных достижений учащихся); 2) уровню образования (индекс грамотности населения и индекс совокупной доли учащихся, получающих среднее и высшее образование). Констатируется, что у российской молодежи мало стимулов для приобретения человеческого капитала: «Во-первых, система образования, являющаяся

---

¹ П. Бурдьё распространил это понятие на индивидуальную деятельность и социальную структуру. Он считает, что люди имеют унаследованные представления об обществе, которые они переформулируют в своих целях, порождая новые понятия, подходящие под их собственную ситуацию» (с. 137).

ухудшенной версией советской системы, не является эффективным инструментом для инвестиций в рыночно ориентированный человеческий капитал: она все еще заточена под компетенции, необходимые для советской экономики; во-вторых, доход от человеческого капитала, формируемого в российской системе образования, недостаточно высок» (с. 109). В связи с этим подчеркивается необходимость реформы российской системы образования, ключевым моментом чего должен стать возврат к российской интеллектуальной традиции, адаптированной к рыночной экономике. Используется понятие децильного отношения, т.е. соотношения доходов 10% наиболее и наименее обеспеченного населения. В 1991 г. оно составляло 1:4,5, в 1994 г. – 1:15, в 2007 г. – 1:16,6, в 2015 г. – 1:15,7. Оптимально же соотношение 1:5 / 1:7. «Как только децильное соотношение достигает 10, это угрожает опасностью социального взрыва» (с. 111). Формулируется следующий неутешительный вывод: «Россия идет по тупиковому пути решения проблемы неравенства распределения личных доходов и формирования качественного человеческого капитала» (с. 113).

В разделе втором «Языковой капитал» язык характеризуется как «ключевая переменная, объясняющая производство и воспроизводство образовательного равенства или неравенства» (с. 146). Подчеркивается особая роль языкового стандарта¹ как важнейшего социокультурного инструмента меритократического общества², т.е. как инструмент достижения социального доминирования. Поскольку степень владения языковым стандартом соотносится со статусом человека в социальной иерархии, владение этим стандартом оказывается одной из важнейших составляющих символического капитала, по П. Бурдьё. Поэтому авторы книги считают, что в данном случае можно говорить о языковом капитале.

Применительно к языку используется понятие легитимации: ее получают избранные устные и письменные речевые практики, если они признаются доминирующими классами и остальным населением. По языковому стандарту, т.е. легитимному языку оце-

---

¹ Имеется в виду литературный вариант государственного языка. – *Прим. реф.*

² Меритократия – принцип управления, согласно которому руководящие посты должны занимать наиболее способные люди независимо от их происхождения и / или финансового достатка. – *Прим. реф.*

ниваются другие варианты языка. Легитимный язык одновременно является властным, обратной стороной которого являются цензура и эвфемизм, указывают авторы. Под последним в концепции П. Бурдьё понимается «подавление критики и отдельных выражений в зависимости от того, что вознаграждается, а что санкционируется в этом (социальном. – *Н. Т.*) поле. Через эвфемизм санкции, налагаемые полем, становятся частью языковых практик, причем их внутренним элементом, а не внешним условием. Как и цензура, эвфемизм помогает формировать габитус говорящих агентов – как их собственные коммуникативные диспозиции, так и их оценку языковой продукции других» (с. 150). Делается вывод, что хотя компетенции в стандартном языке представляют собой форму символического капитала и часто осознаются как ценность правильной (утонченной) речи, этот капитал создается не языком, а властными отношениями. Для того чтобы тот или иной язык был включен в языковой капитал человека, необходима рентабельность владения им, т.е. чтобы языковой капитал с участием данного языка мог конвертироваться в экономический и социальный капитал. Характеризуя использование стандартного языка как неотъемлемую черту элитных школ, авторы опираются на данные по США, Гонконгу, Сингапуру и другим странам.

Сегодня важнейшую часть языкового капитала человека составляет владение английским языком как доминирующим в различных сферах общения. Существенно, что английский язык породил новое измерение социального и экономического неравенства из-за финансового неравенства людей: занятия английским языком как иностранным под руководством преподавателя – носителя этого языка, обладающего «правильным» акцентом (это подчеркивается особо), стоит дорого. Следствием этого являются: 1) языковое и коммуникативное неравенство в ущерб носителям других языков; 2) дискриминация неанглоязычных народов; 3) «колонизация сознания носителей других языков, вызывающая у людей языковую, культурную и психологическую зависимость, приводящую к самоидентификации с английским языком, его культурой и носителями» (с. 169).

Приводятся следующие данные «Евробарометра языков»¹: на английском языке способны общаться 45,9% европейцев, на немецком – 28,7%, на французском – 22,4%, на итальянском – 14,9%, на испанском – 12,8% (с. 172).

С помощью «Евробарометра», т.е. калькулятора весов языков мира, разработанного французским социолингвистом Луи-Жаном Кальве и математиком Аленом Кальве, измеряется языковой капитал человека.

Учитываются следующие факторы: 1) «собственные факторы» (с. 178), т.е. относящиеся только к самому языку: число носителей, энтропия, фактор языка-посредника, статус языка, число переводов с языка и на язык, международные литературные премии, активность в Википедии, изучение в вузах; 2) контекстуальные факторы: индекс человеческого развития, индекс фертильности, присутствие в Интернете. Языки ранжируются по четырем основаниям: по совокупности всех факторов, по собственно языковым факторам, по демографическим факторам, по престижности (табл. 6 на с. 186). Английский язык лидирует по всем четырем основаниям; французский занимает второе место по общему ранжированию и по престижности; немецкий – четвертое место по общему ранжированию и по собственно языковым факторам, русский язык – пятое место по общему ранжированию и по собственно языковым факторам.

В книге анализируются также следующие проблемы языкового капитала в структуре человеческого и культурного капитала:

- 1) современные иностранные языки в англоязычных странах;
- 2) иностранные языки в языковом капитале неанглоязычных многоязычных государств;
- 3) языковой капитал носителей наследственных этнических языков;
- 4) языковой капитал в периоды резких социальных изменений;
- 5) передача языкового капитала;

---

¹ Baromètre des langues dans le mond. – 2017. – URL : <https://www.culture.gouv.fr/Thematiques/Langue-francaise-et-langues-de-France/Nos-missions/Innover-dans-le-domaine-des-langues-et-du-numerique/La-diversite-linguistique-et-la-creation-artistique-dans-le-domaine-numerique/Barometre-des-langues-dans-le-monde-2017> (дата обращения: 02.01.2020) (с. 177).

- 6) автохтонные языки в языковом капитале бывших колониальных стран (на примере Ямайки и Южной Кореи);
- 7) языковой капитал в постиндустриальной (постфордистской) экономике;
- 8) языковой капитал и прямые иностранные инвестиции);
- 9) языковой капитал и академическая мобильность;
- 10) роль языкового капитала в формировании социального капитала мигрантов;
- 11) языковой капитал детей-мигрантов и программы двуязычного обучения.

Н.Н. Трошина

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Богданов С.И., Марусенко М.А., Марусенко Н.М.
ЯЗЫКОВЫЕ ПЕРЕПИСИ И МОНИТОРИНГИ
КАК ИНСТРУМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ
И ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ. –
СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. – 344 с.¹
(Реферат)

Ключевые слова: перепись; мониторинг; этническая / национальная принадлежность / идентичность; родной / материнский / первый / главный / миноритарный / мажоритарный язык; диглоссия; языковая идеология; социетальное двуязычие; этнокультурная / национально-функциональная языковая политика.

Богданов Сергей Игоревич – доктор филологических наук, член-корреспондент Российской академии образования (РАО), и. о. академика-секретаря Отделения российской словесности РАО, член правления Российского общества преподавателей русского языка и литературы, специалист в области русистики и общего языкознания².

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, главный научный сотрудник Института прикладной

---

¹ Выполнено в рамках гос. задания отд. языкознания. – *Н. Т.*

² Автор работ: (рук. проекта) Российский гуманитарный энциклопедический словарь : в 3-х т. – М. : Владос ; СПб. : Изд-во СПбГУ, 2002.; (рук. проекта). Школьный энциклопедический словарь. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2014. – 584 с.; (в соавт. с Марусенко М.А., Марусенко Н.М.) Языковой капитал в структуре человеческого и культурного капитала: (социальные и образовательные аспекты изучения и использования языков). – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. – 304 с.

русистики Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена¹.

Марусенко Наталия Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, специалист в области русистики и общего языкознания².

Дается критический анализ отечественного и зарубежного опыта использования вопросов о языке в переписях и мониторингах. Определяются оптимальные формулировки таких вопросов. Предлагаются проекты двух мониторингов: 1) использования русского языка и других языков народов Российской Федерации (РФ); 2) трансгенерационной передачи языков. Проведение этих мониторингов предусмотрено Поручением Президента РФ от 04.07.2015 г. № Пр-1310.

Книга состоит из предисловия и трех глав.

В предисловии переписи и мониторинги характеризуются как важные инструменты, позволяющие получить реальное представление о социокультурных характеристиках нации. Их главная задача состоит в том, чтобы сообщить властям нужные оценки для возможного принятия превентивных мер в области языковой политики. Отмечается, что различия и неточности в использовании терминологии (индикаторов) могут привести к различиям в полученной статистике. Это существенно, так как если какая-либо группа появляется в официальной статистике как языковое, этническое или расовое сообщество, она становится социально замет-

---

¹ Автор работ: Языковая политика Франции. – СПб. : СПбГУ, 2011. – 624 с.; Языковая политика Европейского союза: институциональный, образовательный и экономический аспекты. – СПб. : СПбГУ, 2014. – 288 с.; Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна: языковые последствия глобализации. – М. : ВКН, 2015. – 406 с.; Новый мировой языковой порядок. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. – 684 с.; (в соавт. с Богдановым С.И., Марусенко Н.М.) Языковой капитал в структуре человеческого и культурного капитала: (социальные и образовательные аспекты изучения и использования языков). – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. – 304 с.

² Автор работ: (в соавт. с Богдановым С.И., Марусенко М.А.) Языковой капитал в структуре человеческого и культурного капитала: (социальные и образовательные аспекты изучения и использования языков). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. – 304 с.

ной независимо от того, признается ли она обществом, подвергается ли дискриминации или ее существование замалчивается.

Оценивая формулировку «К какой национальности (народу) или этнической группе вы себя относите?» (перепись в России в 2002 г.) как неправильную, авторы книги разделяют точку зрения академика В.А. Тишкова, считающего, что эта формулировка помогает зафиксировать людей смешанного происхождения и смешанного этнического самосознания. Правильна формулировка: «Какова ваша этническая (национальная принадлежность (укажите одну, несколько или никакую)» – потому что российская Конституция дает гражданину право не указывать свою национальную принадлежность. Отмечается, что точка зрения В.А. Тишкова совпадает с мнением Бодуэна де Куртенэ, выраженным в 1897 г.: «Принадлежность к национальности определяется самим индивидом, так как только при субъективном самоопределении и самооценке мы имеем дело с личностями, с гражданами¹. Уточняется, что возможна принадлежность к одной и более национальностям, вненациональность, как и 'совмещение в одной голове двух и более языков'². Считая термин «родной язык» («материнский язык») излишне эмоционально нагруженным, В.А. Тишков предлагает заменить его термином «первый язык» (в переписях нередко используется в том же значении термин «главный язык», уточняют С.И. Богданов, М.А. Марусенко и Н.М. Марусенко).

В языковых переписях и мониторингах акцент делается на следующих объектах: 1) первом выученном языке (для выяснения этнического происхождения респондента); 2) наиболее часто используемом языке (для анализа смены языка и эволюции идентичности респондента, так как его ответы могут отражать его этническое происхождение); 3) знание определенного официального языка (для выявления языковых компетенций методом самооценки респондентом: устной речи, письма, чтения, аудирования). На основании полученных данных делаются выводы о: 1) региональном / национальном признании миноритарных языков, часто связанном с удовлетворением территориальных претензий; 2) социальной

---

¹ Бодуэн де Куртенэ И.А. Национальный и территориальный признак в автономии. – СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1913. – С. 15–17.

² Там же. С. 18–19.

интеграции / дискриминации аллофонов; 3) оптимизации двуязычного обучения; 4) помощи в изучении официальных языков; 5) установлении различных порогов и квот.

В главе первой «Вопросы о языке во всеобщих переписях населения» отмечается взаимосвязь идеологии и языковых вопросов, что авторы связывают с усилением роли государства в воспроизводстве этнической и национальной идентичности. Формулировки вопросов о языке свидетельствуют о толковании понятия «главный язык», о желательности / нежелательности многоязычия, о конфликтах, которые затем проявляются при интерпретации результатов переписей. Формулировки вопросов могут зависеть от политических обстоятельств. В качестве примера приводится решение, принятое в 1932 г. в Бельгии о передаче одной официально моноязычной фламандской коммуны за пределами Брюсселя в состав двуязычного Брюсселя, если перепись покажет достаточно высокий процент франкофонов. В ходе этой переписи многие фламандцы самоидентифицировались как франкофоны, так как хотели обучать своих детей на французском языке. Отсутствие языковых вопросов в переписях свидетельствует о наличии в государстве политического или идеологического конфликта, как это было, например, в переписи 2010 г. в Афганистане.

По мнению авторов, можно, при всем разнообразии стран и подходов к языковому аспекту переписей, выявить следующие этапы и тенденции при формулировании вопросов о языке: 1) начало XX в. – 1980-е годы: подчеркивается аспект мышления на материнском языке; 2) 1990–2000-е годы: появляется вопрос «на каком(их) языке(ах) Вы обычно говорите? (Возможны несколько ответов)», что было первой попыткой учета многоязычных носителей и позволило придать официальный статус региональным языкам и диалектам, а также получить статистические данные о реальной диглоссии; 3) начало 2000-х годов: замена термина «материнский язык» на «главный язык», вокруг чего дискуссии продолжаются; авторы книги связывают это с сохранением «представления о врожденных компетенциях, унаследованного от 1950-х годов» (с. 22). Кроме того, дискутируются вопросы о числе главных языков, которые могут быть у человека, и об отражении ситуации диглоссии в переписях (о соотношении стандартных языков и диалектов).

Кратко описываются особенности переписей в различных странах и географических регионах: в Австралии, Австрии, Бельгии, Индии, Ирландии, Канаде, Македонии, Соединенном Королевстве, Уэльсе, США, Франции, Швейцарии, Российской империи, СССР, РФ.

В главе второй «Специальные языковые переписи и мониторинги» проведение таких мероприятий считается необходимым по двум причинам: 1) для получения статистических данных об использовании языков в разных сферах (образовании, культуре, науке, производстве); 2) для анализа процессов, вызывающих изменения языковой ситуации в масштабе всего государства или его отдельных регионов. С сожалением констатируется, что представления чиновников о языковом строительстве значительно расходятся с представлениями основной массы населения о выборе и использовании языков. Причину этого авторы видят «в господствующей языковой идеологии, вытекающей из идеологии национального государства... которое определяет значение языка его связью с национальной идентичностью и гражданством» (с. 121–122).

Понятие «языковая идеология» восходит к трудам Э. Сепира и Б. Уорфа по лингвистической антропологии, основанным на металингвистической концептуализации языка и форм его использования: носители языка имеют представление о качестве языка, его ценности, статусе, нормах, функциях и т.д.: письменный язык всегда оценивается носителями выше, чем разговорный, стандартный язык – выше, чем диалект, и т.д. Влияние языковой идеологии приводит к тому, пишут авторы, что общество считает себя моноязычным, хотя это идеологическое заблуждение возникает в результате игнорирования реальных многоязычных практик, в которых используются как мажоритарные, так и миноритарные языки. Основное различие между ними определяется не количеством их носителей, а их разным отношением к власти, правами и социальными привилегиями для них.

Оптимально ситуация диглоссии (в том числе и соотношения языкового стандарта и диалектов) может регулироваться с помощью социетального двуязычия, при котором вместо разделения и закрепления функций между кодами используется переключение кодов. «Самым важным различием между классическими случая-

ми диглоссии и социетального двуязычия является отсутствие или наличие престижной группы природных носителей миноритарного языка, соответственно... До тех пор, пока эти языки ассоциируются с разными уровнями социально-экономического развития и культуры, социетальное двуязычие может поддерживаться только искусственными мерами – путем нормирования миноритарного языка (возвращения его использования во всех сферах коммуникации) за счет сокращения функций мажоритарного языка» (с. 124).

Проблему утраты / сохранения миноритарных языков авторы связывают не с самими этими языками, а с социальными изменениями, прежде всего с сохранением и развитием жизнеспособных языковых сообществ носителей этих языков. Авторы считают необходимым отказаться от идеи, что языки смогут выжить, если будут созданы грамматики и словари вместо поддержки носителей этих языков и создания условий для языкового разнообразия. Стремление сделать эти языки активно функционирующими во всех сферах современного общения приводит в реальности к распылению ресурсов, в частности к попытке создать огромные словари научно-технических терминов, «что несет в себе опасность новой колонизации языков путем калькирования – в нашем случае с русского языка» (с. 125).

Проблема соотношения миноритарных и мажоритарных языков связана также с проблемой языкового капитала в структуре человеческого капитала (см. об этом подробнее в этом же номере ИАЖ «Языкознание»).

Анализируется остродискуссионная проблема смены парадигмы языковой политики – переход от этнокультурной языковой парадигмы, ориентированной на сохранение языкового разнообразия, к национально-функциональной, основанной на идеологии развития и учитывающей понятие языкового капитала. Согласно этой теории, решения по использованию языка (прежде всего, в сфере образования) принимаются не под давлением извне, а самими национальными акторами, находящимися в национальной среде, под влиянием специфического сочетания социальных, культурных, политических и демографических факторов. Согласно этой концепции, принятие мощного международного языка способствует интеграции многоязычных наций. Острота дискуссий обусловлена тем, что «в соответствии с либеральной политической

теорией государство не должно оказывать одному языку предпочтения перед другими, иначе это было бы злоупотреблением ролью государства как беспристрастного защитника фундаментальных прав человека, распространяющихся на всех граждан» (с. 135). К фундаментальным языковым правам человека относится и право получить образование на том языке, который обучаемый понимает лучше всего. В связи с этим перед носителями миноритарных языков встает вопрос о языке начального школьного образования – важно, чтобы дети могли успешно получать дальнейшее образование и строить профессиональную карьеру. Опыт постсоветских государств, например Эстонии, говорит о том, что высшее образование на национальном языке не дает нужного результата: сегодня доминирующим языком обучения по техническим и экономическим дисциплинам вместо русского (как в СССР) стал английский, и это быстро распространяется на гуманитарные и социальные науки.

С учетом вышеназванных акцентов в национально-функциональной парадигме языковой политики были внесены изменения в Закон «Об образовании в Российской Федерации». Эти изменения подчеркивают право на добровольное изучение этнического языка для тех детей, чьим родным языком он не является, каковым, например, не является татарский язык для русских детей, проживающих в Татарстане. Авторы книги критически относятся к лозунгу местных борцов за малые языки «Малые народы должны говорить на малых языках!» (с. 139), считая этот лозунг бесперспективным: «Для того чтобы на языке можно было создать полноценную культуру и конкурентную науку, численность его носителей должна быть не менее пяти миллионов человек» (с. 139), что подтверждается, например, опытом Финляндии, где условием получения высокооплачиваемой работы является знание шведского языка (второго государственного), а главное – английского. «Сегодняшняя реальность такова: ни на одном из языков коренных национальных меньшинств нельзя получить конкурентоспособное образование» (с. 139). Реальность свидетельствует о том, что многие представители этих народов уже признали преимущества национально-функциональной парадигмы языковой политики, выбирая для своих детей мажоритарные языки в качестве языка обучения. В России таковым является русский язык, спрос на изу-

чение которого связан с присоединением страны к процессам глобализации и модернизации. В книге приводится полный список языков, которыми владеет население РФ (по материалам Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., табл. 13, с. 142–150). Для каждого языка указано число людей, владеющих им (без указания уровня владения), а также абсолютный и процентный прирост / убыль числа владеющих этим языком за годы между двумя переписями.

Образовательная политика может проводиться с опорой на один из двух подходов к начальному образованию – на местном языке или на мажоритарном языке. Отмечается, что в тех странах, где поощряется обучение на этнических языках, происходит разделение этнических групп в сфере образования, в многоязычных городах усиливаются сепаратистские настроения. В реальной ситуации языки несут различную функциональную нагрузку, не все они обладают нужным ресурсом для выполнения всех коммуникативных функций. «Можно сожалеть об этом, бороться с этим или жаловаться на это, но, с другой стороны, можно принять это как данность и учитывать как фактор языковой политики» (с. 156).

Выделяются следующие категории носителей автохтонных языков: «1) носители, у которых первым языком является русский; 2) носители, у которых первым языком является государственный язык республики в составе Российской Федерации; 3) носители, у которых первым языком является этнический язык одного из народов Российской Федерации; 4) носители-билингвы или трилингвы, у которых в функции первого языка используются два или более языков» (с. 159). В соответствии с этими категориями авторы книги предлагают четыре языковые модели россиянина XXI в., представленные в табл. 14–17 (с. 160–162). Называются следующие направления языковой политики в России: 1) обучение первому (материнскому, родному) языку; 2) обучение второму языку; 3) выбор языка обучения; 4) обучение национальному языку за рубежом.

В этой же главе анализируются изменения, внесенные в закон, и эволюция языковой ситуации в образовании (на примере республики Крым и г. Севастополя).

В главе третьей «Мониторинг состояния и использования русского языка и других языков народов Российской Федерации»

излагается программа этого мониторинга, характеризуется транс-
генерационная передача языков народов РФ и рассматривается
понятие жизнеспособности языка.

Н.Н. Трошина

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

**ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ.
ПЕРЕВОД, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ**

УДК: 81'32; 81'33

DOI: 10.31249/ling/2022.02.01

Потапов В.В.¹

**ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К СОЗДАНИЮ
АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ ПЕРЕВОДА
НА ОСНОВЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ БАЗ ДАННЫХ.
(Обзор)**

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация. В обзоре работ лингвокогнитивный подход в исследовании автоматизированной системы перевода нацелен на разработку терминологической базы, которая закрепляет ряд жизненно важных навыков обработки специальной информации на иностранном языке. Речь идет об извлечении технических знаний из иноязычного текста, категоризации технических знаний, усвоении технических знаний, усвоении общетехнической и специальной терминологии, управлении технической терминологией, оперировании иноязычной технической терминологией. В результате синтеза методов когнитивной лингвистики и когнитивного терминоведения сформулирован метод онтолого-терминоведческого анализа технического термина. Интегрированный подход позволил обосновать синтез двух основных методов представления технического знания: метода лингвистической онтологии и метода информационно-

---

¹ © Потапов В.В., 2022.

поискового тезауруса. Микро- и макроструктура терминологической базы данных предметной области «базовое оборудование нефтегазовой отрасли» описаны с позиций лингвокогнитивного моделирования. В рассматриваемых работах представлено лингвистическое обеспечение автоматизированных систем и систем управления базами данных посредством лингвистического описания терминологии в целях создания цифровых терминологических систем и электронных терминологических баз данных.

Ключевые слова: терминологическая база данных; трансферная модель технического знания; когнитивно-коммуникативный подход; лингвистическая онтология; структурное моделирование и формализация единиц языка и речи; терминологическая и статистическая лексикография; автоматизированный перевод.

Представленные к реферированию исследовательские работы [Федюченко, 2020 а; Федюченко, 2020 б; Федюченко, 2020 в; Федюченко, 2021] посвящены актуальнейшей проблеме современной прикладной лингвистики. Речь идет о формировании параллельного корпуса данных, соотносящихся в определенной предметной области со знанием русского и английского языков. Передача технических знаний в данном ракурсе является малоизученной областью корпусной лингвистики, как ни парадоксально это звучит. Обычно при использовании параллельного корпуса в целях перевода опираются на базу данных лексического плана. В данном случае в центре внимания исследователя находятся такие направления, как извлечение иноязычных технических знаний из текстов на иностранном языке, категоризация технических знаний, усвоение технических знаний, усвоение общетехнической и специальной терминологии, управление технической терминологией, оперирование иноязычной технической терминологией.

Важным предстает рассмотрение контента терминологической базы данных как информационно-поискового инструмента. Сюда автор включает следующие этапы: описание технических текстов на родном и иностранном языках, собственно перевод, составление соответствующих глоссариев и т.д. Таким образом, автор исходит из когнитивных основ преобразования знания в переводческих целях. Логичным выглядит рассмотрение понятия

«термин» как единицы знания прикладного терминоведения и собственно перевода, а также построение терминологических баз данных и их инструментальное использование. Таким образом, автор опирается на модель «переводчик – языковая личность: знание языка в совокупности с техническими знаниями». В этом плане лингвокогнитивный метод неразрывно связан с когнитивно-коммуникативным методом, а также с экспертным методом при решении поставленных автором задач, которые заключаются в том, чтобы выявить и описать преимущества применения когнитивно-коммуникативного подхода в исследованиях по отраслевой терминологии; разработать и обосновать методику идентификации общетехнического термина в техническом тексте; описать лингвистическую онтологию как метод репрезентации технического знания и определить способы его представления в терминологии; определить и продемонстрировать принципы построения, структуру и функции трансферной модели технического знания; обосновать выбор формата терминологической базы данных для репрезентации структуры трансферной модели; разработать микро- и макроструктуру терминологической базы данных по базовому нефтегазовому оборудованию. Объектом исследования в данном направлении является техническое знание как лингвистический феномен. В качестве предмета исследования автор в своих работах рассматривает моделирование технического знания в процессе межъязыкового технического коммуникационного процесса.

Общая цель данного научного направления определяется автором как построение трансферной модели технического знания в формате терминологических баз данных. В этом смысле реализуется интегрирование онтологических и терминологических принципов в методологию *когнитивного терминоведения*.

Новым в данных работах предстает реализация принципа исследования технического термина с помощью когнитивно-коммуникативного подхода. Именно в рамках данного подхода автор в анализируемых публикациях разрабатывает метод «онтолого-терминоведческого анализа».

Таким образом, техническое знание интерпретируется как лингвистический объект, который реализуется через терминологию, располагающуюся по четырем уровням: объект, содержание, характер отражения и уровень познания. Следовательно, техниче-

ское знание неразрывно связано с возможностью лингвокогнитивного моделирования. В связи с этим автор активно использует фреймовые структуры трансферной модели технического знания: протофрейм «техническое знание» и четыре фрейма «структурирование технического знания», «применение технического знания», «формирование профессиональной компетентности», «повторное применение технического знания» (перевод). Каждый из фреймов включает определенное число слотов, что отражает законченную ситуацию трансфера технического знания.

Структура терминологических баз данных разработана на основе использования понятий «макроуровень» и «микроуровень». Макроструктура включает систему записей: понятие функции; логико-гносеологический тип понятия; смысловой сегмент текста; визуальный контекст; справочная (энциклопедическая) статья о понятиях, из них – новое, включающее определенное действие и событие; функция базового инструмента; логико-гносеологическая принадлежность. Микроструктура включает шесть типов записи: ключевой термин; лексико-грамматические характеристики ключевого термина; структурные компоненты термина (словосочетания); основное определение термина (дефиниция) со ссылкой на источник; синонимы термина, входящие в гнездо слов; тематическая лексика.

Таким образом, процесс обработки параллельных корпусов, исследуемых автором, включает структурное моделирование и формализацию единиц языка и речи, лингвистическую лексикографию и терминографию, терминологическую и статистическую лексикографию, инженерную лингвистику, автоматизированный перевод, что требует, в свою очередь, использования системы автоматического перевода, автоматизированной информационной системы, системы управления базами данных и т.д.

Автором разработана трансферная модель технического знания на основе интеграции принципов лингвистической онтологии и когнитологии. Визуальный контекст введен в алгоритм баз данных, разработана и внедрена методика построения «действия – события» с включением основных функций смысловых доминант используемого алгоритма. Таким образом, в основу данных авторских работ положен интегрированный подход к описанию технического знания с ориентацией на антропоцентрическую парадигму

современной науки в области взаимодействия «человек – машина». Следствием этого процесса является обращение автора к трем способам репрезентации знаний: собственно лингвистическому, информационно-поисковому и терминологическому в формате корпусной лингвистики и трансферной модели технического знания в области современной нефтегазовой технологии мирового уровня. Важным также предстает включение в разрабатываемую автором трансферную модель когнитивного принципа, что, несомненно, позволяет более глубоко и всесторонне подойти к решению задачи разработки трансферной модели технического знания в формате терминологических баз данных.

Рассмотрение любой глубокой и перспективной научной концепции позволяет выявить некоторые детали, которые могли бы помочь еще более глубоко проанализировать исследуемый объект. Желательно, чтобы автор, продолжая исследования в данной области, обратился к таким предметным областям, как: во-первых, исследование в области построения *параллельных корпусов* применительно к различным языкам мира в той или иной области знаний (тактика и стратегия формирования параллельных корпусов данных в рецензируемых работах практически не затрагивались); во-вторых, разработка трансферной модели технического знания в принципе соответствует начальной стадии разработки автоматизированных *экспертных систем*, прототипы которых имеются в мировой технической литературе; в-третьих, обращение автора к *языковой личности* (по Ю.Н. Караулову) абсолютно правомерно при решении поставленной в исследовании задачи. Еще более убедительным было бы обращение к концепции *вторичной языковой личности* (по И.И. Халеевой), так как решаемая автором основная задача связана прежде всего с процессом формирования когнитивной компетентности.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что анализируемые работы раскрывают необходимость теоретического обоснования критериев идентификации термина с позиции лингвокогнитивного подхода и описания универсальных характеристик технического термина. Создание терминологической базы данных направлено на выполнение функции информационно-поискового инструмента в процессе лингвистической обработки технического текста и ориентацию на динамическое и многомер-

ное представление знаний. Таким образом, осуществляются управление полученными информацией и знаниями и их повторное использование в технической коммуникации. Введенные автором понятия «техническая детализация термина», «стратегия выделения смысловых доминант технического текста», «онтолого-терминоведческий анализ» расширяют понятийно-терминологический аппарат прикладной лингвистики, терминоведения и переводоведения.

Список литературы

- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – Москва : Наука, 1987. – 363 с.
- Федюченко Л.Г.* Визуальный контекст как форма репрезентации технического знания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2020 а. – Т. 13, вып. 1. – С. 324–329.
- Федюченко Л.Г.* Многокомпонентное терминологическое словосочетание как смысловая доминанта англоязычного технического текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2020 б. – Т. 13, вып. 4. – С. 183–186.
- Федюченко Л.Г.* Теория перевода в классической и современной исследовательской парадигме: онтология, методология, аксиология : коллективная монография / Аликина Е.В., Георгиева Н.Ю., Федюченко Л.Г. [и др.] ; под общ. ред. Л.В. Кушниковой. – Москва : ФЛИНТА, 2020 в. – С. 192–207.
- Федюченко Л.Г.* Терминологическая база данных как трансферная модель технического знания : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Тюмень : ТюмГУ, 2021. – 41 с.
- Халеева И.И.* Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. – Москва : Высшая школа, 1989. – 238 с.

**Краснояров А.Ю., Аргузова М.А., Хужамурадов Ж.А.,
Рахимов С.Р.**

**«РЕЧЕВОЕ ТВОРЧЕСТВО» ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА : КАКИЕ ТЕКСТЫ ПИШЕТ МАШИНА
И ЧЕМ ОНИ ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ ЛЮДСКИХ.
(Обзор)¹**

*Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Аннотация. Обзор посвящен исследованиям воспроизведения навыка креативности в системах на основе искусственного интеллекта, в частности в разработках, генерирующих тексты. Помимо вопросов творчества затрагивается тема правового регулирования распоряжения продукцией искусственного интеллекта и ответственности в ее отношении.

Ключевые слова: искусственный интеллект; право; речь; нейросеть; компьютерное искусство; креативность; тексты, написанные компьютером, и тексты, написанные человеком.

Введение

В настоящее время активно изучаются и развиваются возможности искусственного интеллекта. В этой области сконцентрированы значительные усилия лингвистов, философов, психологов, математиков, инженеров и кибернетиков. Решаются вопросы, свя-

---

¹ © Краснояр А.Ю., © Аргузова М.А., © Хужамурадов Ж.А., © Рахимов С.Р., 2022

занные с влиянием достижений вычислительной техники и робототехники на пути развития научной мысли. В частности, благодаря исследованиям искусственного интеллекта возникают новые методы научных исследований, формируется новый взгляд на научные результаты и происходит их новое философское осмысление.

Приведем некоторые определения понятия «искусственный интеллект» (ИИ) [Смагин, Филатова, Кузнецов, 2018].

ИИ – это научное направление, в рамках которого ставятся и решаются задачи аппаратного или программного моделирования тех видов человеческой деятельности, которые традиционно считаются интеллектуальными.

ИИ – это свойство интеллектуальных систем выполнять функции, традиционно считающиеся прерогативой человека (структура интеллектуальной системы включает три основных блока – базу знаний, решатель и интеллектуальный интерфейс, позволяющий вести общение с ЭВМ без специальных программ для ввода данных).

ИИ – это исследовательское направление, которое относится к комплексу компьютерных наук, а создаваемые на его основе технологии – к информационным технологиям (основной задачей выступает воссоздание с помощью вычислительных систем иных искусств).

В настоящее время разрабатываются различные продукты на основе технологии ИИ, в частности алгоритмы (чат-боты, диалоговые системы), позволяющие генерировать письменные тексты. Исследователи стремятся расширить список этих применений, сделав искусственный интеллект способным, в частности, создавать литературные произведения, сценарии для фильмов и онлайн-игр, т.е. ввести его в те сферы, которые традиционно контролировались человеческими творческими способностями. С этими инновационными попытками связан широкий спектр как теоретических, так и правовых вопросов, на которые пока нет точных ответов.

Общие положения сравнения человека и искусственного интеллекта

Ф.М. Вангаева, Х.В. Тайсумова проводят комплексное сравнение деятельности человека и искусственного интеллекта, в част-

ности способностей к речепроизводству и речевосприятию в разных ситуациях.

Ограниченность способностей машин объясняется фактором их программируемой сути. Еще одной немаловажной проблемой сегодняшнего дня является то, что компьютеры, в нынешнем их виде, все еще не понимают человеческий язык. Все боты, голосовые помощники, машинные переводчики и другие компьютерные программы всего лишь имитируют знание языка. Для объяснения этого часто используют мысленный эксперимент «китайская комната». Впервые он был описан в 1980 г. философом Дж. Серлем в статье «Minds, brains and programs». Главный вывод заключается в том, что проводится аналогия между человеком, запертым в комнате с ограниченным количеством информации, и искусственным интеллектом. И тот, и другой будут вынуждены использовать один и тот же алгоритм действий, имея ограниченный набор данных.

Авторы утверждают, что ИИ на данный момент может являться для нас помощником, регулятором и тестером, но никак не учителем – по крайней мере, до тех пор, пока технологии не достигнут значительных успехов в научении компьютеров языку [Вангаева, Тайсумова, 2020].

М.А. Абдулатипова и Р.Ш. Камилова также дают определение ИИ и показывают, какого уровня развития он достиг сегодня, а также приводит примеры систем искусственного интеллекта, существующих на нынешнем этапе развития информационных технологий.

Мотивацией к исследованию ИИ выступает желание понять работу мозга, разгадать тайны человеческого разума и решить проблему создания машин с определенным уровнем человеческого интеллекта. Основная возможность моделирования интеллектуальных процессов заключается в том, что с помощью ограниченного количества слов любая мозговая активность, любая умственная деятельность, описанная на языке, имеющем в определенном смысле семантику, может быть в основном перенесена в электронный цифровой компьютер [Абдулатипова, Камилова, 2013].

Рассматривая условно творческий аспект работы ИИ как создателя текстов, Н. Кёбис и Л. Моссинк экспериментальным путем, посредством усовершенствованного теста Тьюринга с применением мотивирующих стимулов, доказывают, что участники экс-

перимента немного более склонны принимать тексты, написанные ИИ, за тексты, написанные человеком, если эти тексты были предварительно отобраны экспериментаторами (а не случайным образом). Однако в целом участники эксперимента довольно отчетливо отличают авторство ИИ от авторства человека – в особенности если речь идет о текстах, где большую роль играет проявление эмоций (в поэтических текстах) [Köbis, Mossink, 2005]. Авторы подчеркивают, что нельзя считать случаи, в которых участники эксперимента приняли текст ИИ за текст человеческого автора, доказательствами «креативности», которую якобы проявил ИИ. Основанием для этого авторы считают тот факт, что одной из основных функций креативности и поэзии в частности является проявление глубоких эмоций, которых нет и «пока что» не может быть у машин [Köbis, Mossink, 2005].

Наряду с этим совместная писательская работа автора-человека и алгоритмов может стать наиболее продуктивным типом писательской работы, так как она, с одной стороны, снимает «страх чистого листа», а с другой – компенсирует «неестественность» и «безэмоциональность» текста, написанного ИИ. Такой тип работы (который авторы называют гибридным) поднимает много вопросов – является ли использование ИИ плагиатом; заслуживает ли работа алгоритма финансовой оплаты и др. правовые вопросы.

В работе С. Брингсйордом и Д. Ферруччи приводятся соображения, возникшие в процессе разработки BRUTUS – искусственного интеллекта, который был призван создавать истории, максимально похожие на те, что были созданы людьми. Эта работа ставит под сомнение традиционное представление о том, что творчество не может быть проанализировано в категориях логики, и вводит понятия «сильного» и «слабого» творческого начала, из которых последнее (основанное на использовании и рекомбинации ранее созданных материалов) оказывается подвластно ИИ [Bringsjord, Ferrucci, 2000]. По словам авторов, попытки создать подобный искусственный интеллект не прекращаются по трем причинам: (1) необходимо выяснить, можно ли свести человеческую креативность к сложно устроенным компьютерным функциям; (2) следует развеять заблуждение о том, что творчество никак не связано с логически устроенными алгоритмами; и (3) подобный

искусственный интеллект оказался бы незаменимым в современной экономике [Bringsjord, Ferrucci, 2000]. В качестве доказательства относительного успеха проведенного эксперимента авторы работы приводят стихотворение «На силиконовых крыльях», написанное искусственным интеллектом.

Филологический взгляд на проблему похожести текстов ИИ на тексты автора-человека представлен в работе [Henrickson, 2018]. Автор сопоставляет «литературу истощения» (по Д. Барту), т.е. литературу постмодернизма, с произведениями, созданными ИИ, и выявляет ряд общих черт, важных для обоих типов литературы, которые он суммирует как «нарушение герменевтического контракта»: разрушение ожиданий читателя о том, что автор пишет текст для того, чтобы донести определенное послание до читателя, сделав текст наиболее понятным [там же]. При этом различаются только способы, которыми достигается этот эффект: если автор-человек сознательно «затемняет» язык повествования, то текст, сконструированный ИИ, часто достаточно несовершенен сам по себе.

По мнению Г.И. Колесниковой, ограничение технологий, особенно искусственного интеллекта, диктуется строгой функциональностью, потому что, если бы эти ограничения не существовали, то технические «сотрудники» с большей вероятностью превзошли бы своих «хозяев» [Колесникова, 2018]. Таким образом, автор утверждает, что при текущем темпе развития технологий машины могут превзойти людей.

Речевые способности искусственного интеллекта и правовое регулирование

В работе С. Юдупа исследуется проблема распознавания искусственным интеллектом в Интернете текстов и высказываний, разжигающих вражду, содержащих оскорбления и экстремистские материалы. С одной стороны, было продемонстрировано, что искусственный интеллект может срабатывать в случае распознавания некоторых высказываний. С другой – многие, даже самые популярные речевые паттерны остались без внимания ИИ, а высказывания, не нарушающие законы или правила социальных сетей, каким-то образом попали под цензуру [Udupa, 2020]. Возможную

причину ошибок автор видит в размытости границ понятий «разжигание ненависти» или «язык вражды» (hate speech).

Г.И. Колесникова подтверждает, что, несмотря на все возможности технологии ИИ, ее использование характеризуется рядом ошибок. Управленческий потенциал невозможно полностью заменить искусственным интеллектом, особенно в сферах, где человеческий фактор играет важную роль. По мнению автора, учитывая все очевидные преимущества, искусственный интеллект должен помочь людям сделать их работу более эффективной и безопасной, но ни в коем случае не заменить их полностью [Колесникова, 2018].

И.В. Свищёва [Свищёва, 2020] рассматривает использование ИИ в процессе синхронного перевода с помощью онлайн-переводчика Google Translate, обращая внимание на положительные результаты, полученные на материале больших текстов, лекций, истории знакомых, инструкций иностранцев и т.д.

При исследовании восприятия статей в СМИ, написанных человеком и роботом, А. Гройфе и коллеги получили следующие результаты:

– при оценке достоверности новости, написанные компьютером, как правило, оцениваются выше, чем новости, написанные человеком;

– читатели получают больше удовольствия от чтения контента, написанного человеком, чем контента, написанного компьютером;

– не было выявлено существенных различий при оценке доверия, что может объясняться тем, что алгоритмы строго следуют стандартным правилам написания новостей [Readers' perception ..., 2018].

Полученные результаты демонстрируют способность ИИ, в отличие от человека, к безошибочному выполнению заданий.

В работе М. Ферейра [Ferreira, 2018] исследуется творчество машин Minstrel (сложная программа генерации сюжетов, которая создает истории о короле Артуре и рыцарях Круглого стола объемом на полстраницы или на страницу), MEXICA (вычислительная модель для изучения процесса творческого письма; модель создает структуры для создания коротких рассказов), BRUTUS (сторителлинг) и Fabulist (архитектура для создания автоматических исто-

рий, которая делит процесс генерации текста повествования на три уровня: генерация фабулы, генерация дискурса и представление СМИ; рассказы основаны на баснях и сказках, как следует из названия).

Б.Н. Киселев формулирует следующие вопросы правового регулирования в области ИИ [Киселев, 2019]: кто является собственником произведений науки литературы и искусства, созданных ИИ? Кто будет нести ответственность за негативные последствия, возникшие при работе машины?

Согласно Пояснительной записке Секретариата комиссии ООН по праву международной торговли об использовании электронных средств [Пояснительная записка...], ответственность несет лицо, от имени которого был запрограммирован ИИ. В российском законодательстве в настоящее время не описаны авторские права машины и не определена ответственность за ее действия. Однако существуют три точки зрения определения ее правосубъектности: самостоятельность (автономность); ответственность за действия машины будет нести непосредственно изобретатель; ответственность лежит на собственнике.

А.Г. Максимов полагает, что авторские права на литературные произведения, созданные ИИ, будут принадлежать его разработчикам [Максимов, 2021]. Согласно ст. 1257 Гражданского кодекса РФ, автором произведения может быть гражданин, поэтому ИИ не может выступать в качестве субъекта гражданско-правовых отношений. К тому же исправление как цель уголовного наказания не достижимо в отношении ИИ: нейросеть, по-видимому, можно исправить лишь полным перепрограммированием (абсолютным и, вероятно, необратимым изменением свойств ИИ или полной утилизацией).

Заключение

На основе проанализированного материала можно заключить, что разработки на основе искусственного интеллекта не способны воспроизводить человеческую креативность; задачей современных исследователей является не столько создание креативного ИИ, сколько создание ИИ, способного успешно имитировать креативность. Несмотря на то что такие попытки предпринимались неод-

нократно, однозначный успех все еще не был достигнут, и реципиенты сравнительно легко могут отличить текст, генерированный ИИ, от текста, написанного человеком.

Искусственный интеллект демонстрирует владение всеми предписанными ему навыками, но в разной степени. Машины отлично справляются с задачей написания новостей в СМИ, так как работа носит шаблонный характер и продиктована четкими алгоритмами, чего нельзя сказать о художественной литературе.

Исследователи отмечают необходимость правового регулирования результатов «творчества» искусственного интеллекта и предлагают разные варианты. Большинство из них сходятся во мнении, что авторские права должны принадлежать собственникам ИИ, ответственность перед законом должны нести они же.

Список литературы и источников

- Абдулатипова М.А., Камилова Р.Ш.* Искусственный интеллект // Международный научно-исследовательский журнал. – Екатеринбург, 2013. – № 5 (12), ч. 3. – С. 23–28. – URL: <http://research-journal.org/wp-content/uploads/2013/06/5-12-3.pdf>
- Вангаева Ф.М., Тайсумова Х.В.* Проблемы обучаемости искусственного интеллекта и обучаемости искусственным интеллектом // В поисках социальной истины / под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. – Иркутск : Иркутский государственный университет, 2020. – С. 308–311.
- Киселев Б.Н.* Результат интеллектуальной деятельности, созданный искусственным интеллектом, и результат интеллектуальной деятельности, созданный при помощи искусственного интеллекта // Актуальные проблемы науки и практики : Гатчинские чтения – 2019. – Гатчина : Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2019. – С. 123–126.
- Колесникова Г.И.* Искусственный интеллект: проблемы и перспективы // Видео-наука. – 2018. – № 2 (10). – С. 34–39.
- Максимов А.Г.* Искусственный интеллект как автор и соавтор литературного произведения // Вестник ННГУ. – 2021. – № 1. – С. 108–110.
- Пояснительная записка к Конвенции об использовании электронных сообщений в международных договорах // Юридические аспекты электронной торговли. – 2006. – URL: <https://undocs.org/ru/A/CN.9/608/Add.3>
- Свищёва И.В., Фёдорова А.С.* Применение технологий искусственного интеллекта для синхронного перевода в «Google Translate» // Colloquium-journal. – 2020. – № 10 (62). – С. 51–53.
- Смагин М.Р., Филатова Е.Ю., Кузнецов И.А.* Компьютерная лингвистика и искусственный интеллект // Успехи в химии и химической технологии. – 2018. – Т. 32, № 4 (200). – С. 162–164.

- Солнцева О.Г.* Аспекты применения технологий искусственного интеллекта // E-Management. – 2018. – № 1. – С. 43–51.
- Bringsjord S., Ferrucci D.* Artificial intelligence and literary creativity: inside the mind of Brutus, a storytelling machine. – Hillsdale, New Jersey : Lawrence Erlbaum, 2000. – 262 p.
- Ferreira M.C.* Language and creativity in computer-generated literary texts. – 2018. – DOI: 10.13140/RG.2.2.30200.26887. – URL: https://www.researchgate.net/publication/343263031_Language_and_Creativity_in_Computer-Generated_Literary_Texts
- Readers' perception of computer-generated news : credibility, expertise, and readability / *Graefe A., Haim M., Haarmann B., Brosius H.B.* // Journalism. – 2018. – Vol. 19 (5). – P. 595–610.
- Henrickson L.* Computer-generated fiction in a literary lineage: breaking the hermeneutic contract // Logos. – 2018. – Vol. 29 (2/3). – P. 54–63.
- Köbis N., Mossink L.* Artificial intelligence versus Maya Angelou: experimental evidence that people cannot differentiate AI-generated from human-written poetry // Creative artificial intelligence. – 2005. – URL: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/2005/2005.09980.pdf>
- Oliveira H.G.* A survey on intelligent poetry generation: languages, features, techniques, reutilisation and evaluation // Proceedings of the 10th International Conference on Natural Language Generation. – Santiago de Compostela : Association for Computational Linguistics, 2017. – P. 11–20. – DOI: 10.18653/v1/W17-3502. – URL: <https://aclanthology.org/W17-3502/>
- Udupa S.* Artificial intelligence and the cultural problem of online extreme speech // Social Science Research Council, SSRC Items. – 2020. – URL: <https://items.ssrc.org/disinformation-democracy-and-conflict-prevention/artificial-intelligence-and-the-cultural-problem-of-online-extreme-speech/>

ГЕРМАНИСТИКА 2021 : NOVE ET NOVA :
сборник научных трудов по материалам IV Международной
научной конференции (10–12 ноября 2021 г., МГЛУ,
г. Москва) / под ред. Е.И. Карпенко (ответственный редактор),
В.В. Стрельцовой, Е.Ю. Цветаева. – Москва : МГЛУ, 2021. –
327 с.
(Реферат).

Ключевые слова: коронавирусные неологизмы; лингвокреативность; концепт «боль»; норма; узус; кинесико-просодическое оформление речи; библеизмы; окказиональная метафора; религиозные СМИ; дискурс информационной безопасности; речевые затруднения; условия цифровизации.

Международная научная конференция «Германистика 2021 : nove et nova» в 2021 г. проходила в дистанционном формате. В ходе работы конференции было представлено более 80 докладов (из Франции, Польши, Германии, России). По результатам конференции вышел сборник научных трудов «Германистика 2021: nove et nova». Доклады затрагивают широкий спектр теоретических и прикладных аспектов современной германистики: лексико-фразеологического, грамматического, фонетико-фонологического, лингволитературного, дискурсологического, лингвокультурологического и лингводидактического.

Открывает сборник серия пленарных докладов. Доклад Д.О. Добровольского, Е.Б. Кротовой, Е.Н. Цветаевой, А.В. Шарандина посвящен вариативности грамматической нормы служебных и дискурсивных слов, отличающихся абстрактной семантикой и полифункциональностью. Они представляют собой особую трудность при изучении любого языка как иностранного. Анализ корпусных данных помогает решить проблему их адекватного описа-

ния. В докладе возможности такого описания представлены на примере немецкого предлога *wegen*.

В докладе М. Дальмас «Разнообразие отношений, разнообразие функций: пути к метадискурсивности» рассматривается конвенциональная маркированность метадискурсивной активности. На примере прилагательного «glatt» и его синтаксической вариативности объясняется употребление таких лексем, как «частицы». Отмечается, что при неизменном базовом значении прагматизация осуществляется на основе контекстуальных факторов.

Исследование И.В. Зыковой посвящено разработке методологии изучения лингвокреативных явлений в кинодискурсе. Освещаются результаты интердискурсивной параметризации лингвокреативности в отечественных и британских кинокомедиях, которые позволяют судить о специфике их лингвокреативного моделирования.

В работе А.В. Павловой речь идет об исследовании синтаксической фразеологии в контрастивной перспективе применительно к языковой паре «русский – немецкий». Автором разработан многоуровневый корпусный метод описания для определения межъязыковых эквивалентных фразеологизмов-конструкций на лексикографическом уровне с использованием нескольких параметров сравнения.

Доклад Е.Б. Яковенко посвящен 100-летию книги Э. Сепира «Язык». Автор анализирует вклад американского лингвиста в общее и германское языкознание. Особое внимание уделяется проблемам, решавшимся Сепиром на материале германских языков (языковой дрейф и языковые контакты).

В докладе И. Щек анализируются формы самопрезентации польских научных журналов по германистике в Интернете. Речь идет о микро- и макроструктуре интернет-презентации с особым учетом мультимодальных аспектов и возможностей, которые сегодня предоставляет цифровая среда.

Секция «Лексико-фразеологические исследования» открывается докладом Н.Н. Асташкиной «Когнитивно-прагматические аспекты использования фразеологизмов в заголовках (на примере публицистических статей)». Автор исследует когнитивно-прагматические аспекты использования фразеологизмов в заголовках публицистических статей. В рамках исследования демонст-

---

рируется, как идиомы расширяют семантическое пространство заголовка.

В исследовании Э.Ю. Заблоцки освещается проблема влияния пандемии коронавируса на появление неологизмов в современном немецком языке. Язык как живой организм отражает реальность повседневной жизни людей. Отмечается, что в немецком языке ежегодно появляется около 200 новых слов, но пандемия простимулировала процесс словообразования и обогатила современный немецкий язык на более чем 1500 слов. И, судя по всему, процесс этот будет продолжаться до тех пор, пока человечество не вернется к привычному образу жизни. Особенность коронакризиса проявляется в изменении стиля общения. Соблюдение социальной дистанции вынуждает человека вести себя так, как обычно ему не свойственно. Это не только большая дистанция в разговоре, но и меньший зрительный контакт, менее доступные мимика и жесты и т.д.

Работа М.Ю. Захаровой посвящена особенностям реализации концепта «боль» в немецкоязычных поговорках. Лексико-грамматический и семантический разборы материала исследования позволили автору продемонстрировать важность национально-культурного компонента при описании базовых концептов немецкой языковой картины мира.

Доклад М.О. Катамадзе «К вопросу о корпусном анализе лексической синонимии» посвящен исследованию семантических и прагматических характеристик синонимов *Sozialstaat*, *Wohlfahrtsstaat*, *Versorgungsstaat* в немецкоязычном общественно-политическом дискурсе на материале Мангеймского корпуса немецкого языка DeReKo. С помощью корпусного анализа исследователь устанавливает сходство и различие в использовании данных синонимов и выявляет основные дифференцирующие семы в структуре их значения.

В.А. Куликова в своем исследовании рассматривает сравнение как базовую категорию языка и мышления, выступающую основой многих процессов, в том числе процессов вторичной номинации. На материале антропонимов *König*, *Fürst* и *Herzog* в качестве элемента лингвокогнитивной сравнительной модели автор анализирует потенциал антропонимов при категоризации действительности.

В исследовании А.Э. Левицкого рассматривается взаимосвязь между новыми ситуациями, возникающими в жизни человека, и лексическими единицами, их называющими. Автор иллюстрирует эту связь на основе семантического и деривационного анализа новых лексем в современном английском языке.

Лексическому отражению гендерного многообразия в письменной речи посвящено исследование Л.А. Нефедовой. Рассматриваются актуальные вопросы разнообразия в лексике как отражение состояния современного общества. Лексическое разнообразие в немецкой письменной речи, обусловленное признанием и уважением гендерного многообразия, отражает гендерную политику современных немецкоязычных стран. Наблюдения за гендерно маркированной лексикой, показывающей множественность гендерных идентичностей в современном обществе, позволяет констатировать динамику изменения языка за последние десятилетия.

Доклад Е.И. Мальцевой «Лексика и текст в метаязыке искусства» посвящен проблеме междисциплинарного трансфера между лингвистикой и искусствоведением, способствующего развитию многозначности специальных единиц. В ходе исследования проводился анализ лексем, описывающих единицы «лексического» и «текстового» уровней искусства.

В статье Е.С. Панкратьевой рассматриваются особенности семиотически гетерогенного жанра книжной эмблемы и возможности совмещения вербального и иконического представления фразеологических единиц в эмблематических сборниках XVI–XVII вв.

Работа Н.И. Рахматуллаевой «Структурно-семантическая аналогия в условиях лингвокреативного всплеска, вызванного пандемией» посвящена трем направлениям пополнения английского языка за счет фразеологических неологизмов, построенных по моделям структурно-семантической аналогии: 1) модификация фразеологизма с заменой на созвучный компонент; 2) создание новообразования на базе существующей структурно-семантической модели; 3) вовлечение во фразеобразование лингвистически активных слов.

Секция «Грамматические исследования» открывается докладом Э.К. Барсуковой «Истоки двойной грамматической модальности в английском языке». Отмечается, что исследуемое явление

двойной грамматической модальности берет начало в северных диалектах древнеанглийского периода, затем отмечается в языке скотс, откуда через ирландскую провинцию Ольстер попадает за океан, где получает дальнейшее развитие.

Исследование В.А. Бондаря посвящено аористизации перфекта в средневерхненемецкий период. Перфект с именными группами рассматривается как особое функциональное употребление со смещением дискурсного фокуса без изменения семантики. Важную роль в аористизации перфекта играло экспериенциальное значение в контекстах близкоудаленных временных точек (*naht, gestern*).

В докладе М.В. Гурецкой «Развитие концепта “состояние” в английском языке (в период XIV–XX вв.)» обсуждаются семантика и средства выражения концепта «состояние» на примере литературных памятников XIV–XX вв. Выдвигается гипотеза, что изменение концепта «состояние» в английском языке в диахронии является отражением преобразований языковой картины мира определенного языкового сообщества.

В докладе М.Н. Дмитриевой «Модели именного словообразования немецкого языка Швейцарии в аспекте теории национальной вариативности» анализируются принципы словообразования, выявляются механизмы номинаций реалий культуры и общественной жизни Швейцарии. Анализ структурных и семантических особенностей дериватов показывает расширенные потенциальные валентности сегментных морфем – постфиксов. При словосложении имеет место переосмысление исходных компонентов семантической структуры.

Исследование Т.В. Первак посвящено описанию семантических особенностей модальных слов с суффиксом *-weise* в немецком языке. В работе рассматривается семантическая классификация данных слов и показана взаимосвязь между их семантикой и синтаксическим употреблением.

В совместной работе М.А. Сальковой и Л.С. Петровой «Норма, узус, аномалия: они такие разные, и все-таки они вместе» анализируются понятия, которые одновременно противопоставлены друг другу и обеспечивают функциональность языковой системы. В качестве иллюстративного материала приводятся упот-

ребления грамматических ненамеренных аномалий в современной англоязычной интернет-коммуникации.

В работе И.А. Шиповой рассматриваются композитные прилагательные как нестандартные единицы языка, приобретающие в контексте художественного произведения яркую образность и выполняющие определенные прагматические задачи, связанные с выразительным потенциалом их семантических, морфологических и синтаксических свойств. Исследование проведено на материале текста романа «Качели дыхания» Герты Мюллер.

Секция «Фонетико-фонологические исследования» открывается докладом И.М. Богдановой «Проблемы и перспективы дистанционного обучения фонетике (в условиях изоляции)», в котором освещаются некоторые проблемы онлайн-коммуникации. В нем рассматриваются плюсы и минусы дистанционного преподавания фонетики английского языка студентам первого курса лингвистического университета. Результаты исследования основаны на наблюдениях и выводах, сделанных на основе практического опыта и подкрепленных мнениями студентов, высказанными в анкетах.

Исследование Д.А. Зимарина и К.А. Губановой посвящено изучению просодических средств в статической аудиодескрипции. Под «аудиодескрипцией» понимается разработанная процедура для слепых людей. Ее особенности, выявленные в ходе исследования, обеспечивают полное получение слуховой информации.

В докладе Е.И. Карпенко и Е.А. Калашниковой «Способы кинесико-просодического оформления речи литературного персонажа (на материале немецкоязычной художественной литературы)» рассматриваются способы передачи различных модальностей речи персонажей в литературном тексте (жестов, мимики, просодии). Отдельное внимание уделено сочетанию модальностей в одном (полимодальном) коммуникативном акте и способам его лингвистического оформления.

Секция «Лингволитературные исследования» открывается докладом П.В. Абрамова «Аутопоззис и рекурсия в жанре автобиографической прозы». Автор рассматривает явления аутопоззиса и рекурсии в каноническом тексте автобиографического произведения И.В. Гёте «Поэзия и правда», определяет их формообра-

---

зующую роль в становлении автобиографической наррации и взаимодействии с жанровым канонem автобиографии.

В работе А.Д. Бакиной обсуждаются специфика функционирования и прагматический потенциал библеизмов в произведениях У. Шекспира. Библия является прецедентным текстом самого высокого порядка, способным транслировать универсальные истины через поколения. В произведениях У. Шекспира библейские отсылки выступают в качестве прецедентных единиц библейского происхождения особой значимости, выявление и верная интерпретация которых помогают читателю полностью понять авторский художественный замысел.

На материале романа «Странствия Франца Штернбальда» Л. Тика на основе семантического анализа текстовых фрагментов, выделенных методом сплошной выборки, Ю.В. Башилова выявляет лексические и словообразовательные средства репрезентации мотива пути. Производится семантическая классификация языковых единиц, актуализирующих мотив пути в тексте романа.

Работа А.И. Ворониной и Н.В. Любимовой «Оронимы в швейцарской немецкоязычной горной прозе» посвящена исследованию оронимов в рамках оформления категории пространства в тексте. В исследовании рассматриваются функции оронимов как маркеров художественного альпийского пространства, что составляет их геопозитический потенциал.

В исследовании М.И. Киосе проведен контрастивный анализ особенностей интерпретации и распознаванияokkaзиональной и конвенциональной текстовой образности взрослыми и детьми среднего школьного возраста. Полученные результаты свидетельствуют об отсутствии сопряженности успешной и оптимальной интерпретации образности в реакциях детей и ее присутствии в реакциях взрослых.

В работе М.Б. Рыбаковой рассматриваются способы представления пространства в немецких детективах, которые следует разделить на две большие группы: а) представление пространства при помощи лексем, маркирующих его; б) при помощи языковых средств, косвенно передающих пространственные характеристики. Также рассматривается влияние тенденций к глобализации и глокализации на способы манифестации пространства.

Целью доклада И.К. Сескутовой «Семантико-стилистический потенциал музыкальной риторики в художественном дискурсе» является анализ специфики использования музыкально-риторических фигур в дискурсивном пространстве художественного текста. Анализ материала подтверждает гипотезу о перспективности изучения музыкального модуса в общеязыковом и стилистическом планах.

Секция «Исследования по дискурсологии» открывается докладом С.А. Андреевой «К вопросу о дискурсе конных скачек». Долгая история и современная популярность конных скачек в Великобритании в сочетании с малой изученностью англоязычного дискурса конных скачек обусловили его рассмотрение в качестве институционального (на материале публикаций в средствах массовой информации).

Исследование С.В. Канашиной посвящено рассмотрению интернет-мема в качестве лингвовизуального политического дискурса. Основными характеристиками мема являются лингвовизуальность, карикатурный стиль, юмористическая направленность, интерактивность и богатый стилистический потенциал.

В исследовании А.А. Клиновской и В.В. Стрельцовой рассматриваются конструирование и модификации имиджа политической партии «Союз 90 / Зеленые» в немецких качественных СМИ с ее основания до настоящего времени. Материалом для анализа послужили более 80 статей, отобранных по тематическому признаку и опубликованных на немецких информационных интернет-сайтах spiegel.de, tagesschau.de, faz.net, zeit.de, dw.de в период с 1980 по 2021 гг. Особое внимание уделяется избирательным кампаниям 1998 и 2021 г.

Доклад Е.Е. Анисимовой посвящен исследованию жанра откровения о вере в религиозных СМИ. В нем рассматриваются лингвопрагматическая характеристика жанра, его связь с жанрами исповеди и свидетельства, его когнитивные основания. Особая роль в жанре отводится концептам Путь (к Богу) и Встреча.

В исследовании А.С. Ваничкиной представлен дискурс информационной безопасности. Отмечается, что в последние годы этот дискурс претерпевает изменения и приобретает особенное значение для современного общества. Постепенно он оформляется в особый вид институционального дискурса. Рассматривается кон-

---

цептосфера данного вида дискурса, отдельно фокусируется внимание на выделении присущих ему базовых концептов.

Секция «Лингвокультурологические исследования» представлена докладами А.В. Анищенко, Т.С. Лариной, Н.С. Бабенко, В.Д. Диденко, А.Е. Гусевой, Л.Г. Мальцевой, Е.Ю. Перовой, М.В. Томской, А.И. Хлоповой.

Исследование Н.С. Бабенко посвящено историографии языковой деятельности М. Лютера. Автор отмечает, что его текст «Послание о переводе» считается программным сочинением, на основании которого делаются далеко идущие выводы относительно степени влияния реформатора на развитие немецкого литературного языка. В работах современных германистов ряд мифологем подвергается основательному пересмотру.

В докладе М.В. Томской «Речевые затруднения при когнитивной нагрузке в синхронном переводе в языковой паре “немецкой-русский”» представлены некоторые результаты работы в рамках исследовательского проекта, выполняемого Центром СКОДис при МГЛУ. Проект направлен на решение актуальной проблемы выявления особенностей вербального и невербального поведения переводчиков-синхронистов в условиях интенсивной когнитивной нагрузки.

Объектом исследования А.И. Хлоповой является базовая ценность понятия *Glück* в немецкой и австрийской лингвокультурах. Для решения вопроса, связанного с содержательной характеристикой базовой ценности *Glück*, автор сопоставляет результаты двух свободных ассоциативных экспериментов, проведенных в 2020 г.

Секция «Исследования по лингводидактике» представлена докладами А.В. Анищенко, В.В. Яковлевой, Ю.В. Афонченковой, Е.А. Гринкевич, Д.А. Деминой, М.В. Романовой, Е.Ю. Харитоновой.

Исследование А.В. Анищенко, В.В. Яковлевой посвящено анализу эмотивных контекстов в историческом образовательном комиксе. Выявляются типы эмотивных инфлективов. Устанавливается их соотношенность со способами трансляции эмотивной информации в естественной коммуникации.

Исследование М.В. Романовой посвящено анализу влияния новых социально-психологических характеристик современных

учащихся на процесс обучения иностранным языкам. В статье рассматриваются изменения в области межличностной коммуникации и познавательных процессов личности (мышление, память, внимание) в условиях цифровизации.

Э.Б. Яковлева

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

**СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ : КОМПЛЕКСНЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ :**
в 2-х томах : монография / под научн. ред. Н.Д. Голева ;
отв. ред. Л.Г. Ким. – Кемерово, 2021. – Т. 1. – 430 с. ;
Т. 2. – 330 с.
(Реферат)

Ключевые слова: социальные сети; лингвистический анализ; коммуникация; социолингвистика; цифровой дискурс; общение; коммуникация в электронной среде; лингво-конфликтология; лингводидактика; кибербуллинг.

В монографии представлены комплексное описание социальных сетей как новой формы коммуникации, а также речевые жанры дискурса социальных сетей. Коммуникация в социальных сетях исследуется в лингвокогнитивном, дискурсивном, лингво-конфликтологическом и лингводидактическом аспектах.

Во введении отмечается, что актуальность подготовки данной монографии обусловлена большой значимостью социальных сетей в общественной жизни страны, их влиянием на формирование политического и правового сознания, идеологических и культурных ценностей, коммуникативного поведения, культуры и мировоззрения россиян всех поколений, но прежде всего – молодых. Социальные сети, с одной стороны, отражают ментальное состояние общества, а с другой – являются инструментом его формирования, как стихийного, так и целенаправленного. Социальная значимость заявляемого исследования обусловлена тем, что для успешного развития общества необходимо иметь научное представление об устройстве и функционировании данного сложного и противоречивого коммуникативного, когнитивного и социального феномена. В гносеологическом плане социальные сети представляют собой новый объект, интересный для представителей разных

научных дисциплин. Научная новизна данной идеи заключена не только в объекте исследования, но и в методологии и методике его описания.

Комплексность описания предмета исследования затрагивает: 1) философский аспект, который предполагает изучение таких явлений, как социальные сети, представляющие собой новый феномен коммуникации и формируемого им общественного сознания; человек в социальных сетях – новый тип человека, новая этика, новая культура, новая психология и биология; цифровое бессмертие человека; 2) когнитивный аспект, акцентирующий внимание на следующих темах: электронный и биологический мозг; проблема изоморфизма в устройстве и функционировании социальных сетей и нейронных сетей; 3) социально-политологический аспект, в центре внимания которого оказываются социальная типология и портретирование участников социальных сетей; социальные сети как отражение социального расслоения общества: проблема коммуникации поколенческих стратов общества; молодежный страт как системный объект исследования; 4) психологический аспект, затрагивающий следующие вопросы: психологическая типология и портретирование участников социальных сетей; социальные сети как фактор формирования психологических установок; «интернет-зависимость» детей, подростков и юношей от социальных сетей как проблема современности; 5) юридический аспект, рассматривающий социальные сети как среду для совершения правонарушений и средство их совершения, а также как инструмент борьбы с правонарушениями; 6) медиакоммуникативный аспект, в центре внимания которого следующие вопросы: место социальных сетей в медийном пространстве современного общества, транснациональные и интранациональные тенденции медиакоммуникации; 7) педагогический аспект, поднимающий такие вопросы, как: социальные сети – друг и / или враг российской школы, родителей и общества; формирование культуры общения в социальных сетях; использование социальных сетей в учебно-воспитательном процессе; 8) лингвистический аспект. Особое внимание в монографии уделено лингвистическому аспекту как особо важному предмету исследования социальных сетей. Лингвистический аспект исследования социальных сетей представляет собой, с одной стороны, проекцию перечисленных выше сторон исследуемого феномена –

социальных сетей – в сферу языка, речи, коммуникации и семиотики, их проявлений в этой сфере и обратного влияния на них языка. С другой стороны, он выступает как целостный, системно организованный объект, рассматриваемой лингвистами с разных сторон. Последнюю сторону отражают логика и структура монографии. Она включает собственно лингвистическое изучение социальных сетей – их влияние на русскую речь и русский язык; формирует специфические дискурсивные практики; лингвоконфликтологическое изучение социальных сетей, часто выступающих источником или средством разного типа конфликтов, в том числе таких серьезных, как информационные войны; частной разновидностью конфликтов являются конфликты, регулируемые правом, что определяет необходимость лингвоюридического рассмотрения социальных сетей, в частности выявления в социальных сетях текстов, содержащих признаки правонарушений, и проведение лингвистической экспертизы речевых произведений – продукта сетевой коммуникации.

Во введении также отмечают новизна исследуемого феномена и тот факт, что в зарубежных исследованиях коммуникация в социальных сетях представлена в большей мере, хотя и здесь их лингвистическая сторона не подвергается системному исследованию. В основательном обзоре, посвященном исследованиям политических дискуссий в Интернете, Скотт Райт, известный специалист в данной области, отмечает, что исследования сетевой коммуникации связаны в основном с дебатами элитарных личностей на сайтах, направленных на развитие электронной коммуникации и поддерживаемых правительством. Автор высказывает мнение, что общению обычных граждан в общественных науках уделяется недостаточно внимания, что, по мнению автора, удивительно, поскольку ученые признают важность и распространённость их политических бесед¹.

Монография состоит из шести глав (по три в каждом томе). Глава первая первого тома «Общие вопросы лингвистического изучения коммуникации в социальных сетях» состоит из двух па-

---

¹Wright S. Analysing Political Debate Online: An Overview. – URL: http://www.u-pec.fr/servlet/com.univ.collaboratif.utils.LectureFichiergw?ID_FICHER=1259768724031&ID_FICHE=93522 (дата обращения: 20.08.2020).

параграфов: «Сетевая коммуникация как предмет изучения нескольких феноменов» и «Ризоморфизация социальных сетей как этап перехода к системе Web 3.0».

А.Б. Бушев трактует сетевую коммуникацию как предмет изучения нескольких феноменов. Уровень первый для исследователя представляют особенности языка общения в блогах. На этом этапе исследователя привлекает изучение самой фактуры речи. Это не письменная, но и не устная речь («сквозь экраны доносится стихия устной речи»), это речь, предьявленная публично. На этом уровне внимание исследователя не могут не привлекать особенности лексики, графики, сленга, особенности грамматики языка, используемого для коммуникации. По мнению Н.Б. Мечковской, одной из первых описавшей эти языковые процессы, они отражают тенденцию к усложнению языков в сочетании с внешней (стилистической) демократичностью общения¹. Глубинное усложнение такого общения обусловлено возрастанием интеллектуально-семиотической насыщенности жизни; возможностью для текста мгновенно преодолевать расстояния; трансграничной доставкой сообщений; повсеместным изучением и применением «новой латыни» – базового английского; смешением кириллического и латинского кодов; тенденцией к интерактивности и коммуникативному взаимодействию отправителя и получателя сообщений; мультимедийностью и креолизованностью такой коммуникации; возможностью длительного сохранения носителей такого общения, публичного их показа, архивирования. Научной рефлексии подлежат особенности языковой игры: привлекают внимание «язык падонкафф» (представляющий собой игровую фонетизацию письма), который считают вершиной метаязыковой рефлексии, применение иконических значков, креолизация такого дискурса. В настоящее время известны словари таких вариантов языка: списки – словари компьютерных символов, клишированных фраз (типа *ИМХО*), компьютерного сленга – комбинирующего сленг молодежи и IT-профессионалов. Автор отмечает, что от нормативного языка язык сетей отличается сильно, он характеризуется пренебрежением к нормативности, установлением своих узальных норм.

---

¹ Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации : от клинописи до Интернета. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 584 с.

Например, английские сокращения в электронной переписке являются неотъемлемой частью современного общения подростков в Интернете. Знания о разных типах сокращений мотивируют учащихся к более глубокому изучению английского языка и, как следствие, дают им возможность использовать английский язык в реальной жизни при общении с носителями языка. Такого рода дескриптивные работы языка компьютерного общения существуют на всех языках. Показательны аббревиация, акронимия, иконичность письма, наличие молодежного и компьютерного сленга. Языковая ткань такого общения отражает тенденцию к экономии средств общения, тенденцию к моде, тенденцию к криптографии (что свойственно для любой системы аргю).

Уровень второй представляют особенности собственно коммуникации в блогах. Уже при первых исследованиях общения в Сети высказывались наблюдения над характером коммуникации в ней (ироничность, агрессивность, аддикция, безграничные игровые возможности при анонимности масок и т.д.). По наблюдениям исследователя, Сеть притягательна для людей, испытывающих проблемы в реальном общении. Оказалось, что коммуниканты в Сети часто испытывают психологические проблемы в реальном общении, и их сетевая коммуникация отражает их личностные свойства и интересы. Эта коммуникация оказалась весьма агрессивна, лишена рефлексивности. Для нее характерно такое явление, описанное социологами еще в конце прошлого века, как социальный солипсизм. В таких исследованиях общение предстает не как лингвистический, а как психологический, социологический феномен. Это общение лично-публичного характера, для которого характерны анонимность, безнаказанность, карнавализация, бесчисленные легкие возможности самопрезентации. Ввиду социальной значимости рассмотрению в таком общении подвергаются феномены флудинга, флейминга, буллинга. Так, например, классифицированы вербально-агрессивные акты: а) оскорбления, содержащие обидную характеристику адресата; б) враждебные замечания как выражение негативного отношения к адресату; в) угрозы как высказанные намерения нанести вред адресату; г) грубые требования как принуждение к выполнению какого-либо действия. Считается, что данная классификация вербально-агрессивных актов описывает основные формы кибербуллинга. Такими формами

являются: флейминг, харассмент, гриферство, троллинг, клевета, раскрытие секретов, мошенничество, исключение, киберсталкинг.

Уровень третий для исследователя представляют особенности процессов массовой коммуникации при помощи блогов в Сети. Сетевой дискурс способствует расширению возможностей конкретного человека по коммуникативному приобщению к разнообразным дискурсам. Произошла виртуализация отдельных областей человеческого общежития, общественного сознания – в Сети есть возможности для коммуникации разнообразных целевых аудиторий: философов, историков оружия, представителей новых религиозных течений, домохозяек, готовящих шарлотки, маргиналов, носителей другой идентичности. В сетях присутствуют дискурсы, которые не имели письменной фиксации или были недоступны, т.е. происходит расширение текстовой сферы культуры. Также культура массмедийная (в настоящее время становящаяся экранной культурой) означает потребление в Сети таких видов средств массовой коммуникации, как журналистика, пиар, массовая политическая коммуникация и реклама, сетература. Особенно интересно, что Сеть представляет дискурсы, которые по своей природе маргинальны, в том числе и запрещенные – экстремизм и т.д. (автор приходит к таким выводам, отслеживая сетевой дискурс альтернативных правых в США – альтрайтистов).

Второй параграф первой главы «Ризоморфизация социальных сетей как этап перехода к системе Web 3.0» (авторы М.Б. Ворошилова и В.Б. Строганов) посвящен будущему Сети – ризоморфизации Сети и переходу к Web 3.0. Авторы отмечают, что, по сравнению с более ранними версиями Сети, уже сегодня модель Web 2.0 включает в себя специализированные интернет-сервисы, предлагающие пользователю широкий инструментарий, позволяющий наполнить ее содержанием. К подобным сервисам относятся: 1) блоги (LiveJournal, YouTube, Twitter); 2) социальные сети («ВКонтакте», Facebook, Twitter); 3) сайты – генераторы контента (Пикабу); 4) вики-проекты (Википедия); 5) мультимедийные системы распространения информации (YouTube, Яндекс.Диск); 6) мультимедийная интерактивная связь (Skype); 7) системы совместного редактирования документов (Google Документы). Система Web 2.0 функционирует уже по законам «новых медиа», ос-

---

новными характеристиками которых являются: интегративность, интерактивность¹, партиципаторность².

Однако сегодня можно наблюдать постепенное преобразование и адаптацию социальных сетей под систему Web 3.0. Центральная идея Web 3.0 – это выстроить такую систему, при которой пользователь будет быстрее и точнее находить интересующую его информацию в надежных источниках. Web 3.0 в будущем будет представлять собой сеть узкоспециализированных информационных ресурсов, которые содержат в себе все необходимые инструменты, для того чтобы пользователь мог максимально эффективно осуществлять свою деятельность в соответствии с его интересами или профессиональными целями. В основе модели Web 3.0 лежит принцип «живого поиска». Этот принцип подразумевает, что отбор информации по ключевым словам будут вести не роботы, а живые люди, специалисты в своих областях, с которыми можно обсудить все возникающие вопросы³. Главное отличие Web 3.0 от Web 2.0 заключается в том, что в рамках новой модели пользователи не только смогут создавать контент, но также получат возможность выступить в качестве эксперта и оценивать, насколько данная информация качественна и полезна.

Глава вторая первого тома монографии «Лингвокогнитивный и дискурсивный аспекты коммуникации в социальных сетях» включает девять подглав.

Ее открывает подглава «Мари-Анн Паво и анализ цифрового дискурса» (автор М. Дебрэнн). В ней обсуждается словарь цифрового дискурса М.-А. Паво⁴.

М.-А. Паво полагает, что целью написания словарной монографии является идея предложить итог исследования данной об-

---

¹ См.: Богдановская И.М. Медиакоммуникация // Вестник Герценовского университета. – 2011. – № 8. – С. 77–80.

² См.: Шестеркина Л.П. Основные характеристики новых социальных медиа // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия Филология, история, востоковедение. – 2014. – № 2. – С. 107–111.

³ См. подробнее: Шачкова В.А. Возможности системы WEB 3.0 в современном медиaprостранстве: проблемы и перспективы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 4–2. – С. 250–253.

⁴ Paveau M.-A. L'analyse du discours numérique, dictionnaire des formes et des pratiques. – Paris : Hermann, 2017. – 397 p.

ласти, необходимость реагировать на вызов эпохи цифровой революции, осознать, что нативный цифровой дискурс (НЦД) требует переосмысления концептуальных моделей, до недавнего времени применимых в лингвистике. Под нативным цифровым дискурсом рассматривается совокупность речевых продукций, непосредственно произведенных онлайн, независимо от материального носителя, интерфейса и способа написания. Одним из факторов, требующих разработки новых теоретических моделей, является природа НЦД. Будучи неотделимым от машинного и программного окружения, породившего его, нативный цифровой дискурс (НЦД) приобретает новые характеристики, в том числе «кликабельность» и непредсказуемость. Существующая лингвистическая теория, рассматривающая технологию как экстралингвистический компонент, не способна анализировать в их целостности такие новые типы знаков, как хештеги, URL, прочие композитные техно-слова. Она также не учитывает взаимосвязь всех существующих НЦД. Поэтому предлагается принимать во внимание роль не человеческих факторов в порождении НЦД, обсуждая технодискурс, технознак, дискурсивный техножанр и технографику. Опираясь на эти понятия, М.-А. Паво предлагает анализировать НЦД с точки зрения экологической, постдуалистической лингвистики, не желая при этом гипертрофировать роль технологии и лишая человека его активной роли в порождении дискурса.

Для правильного понимания точки зрения М.-А. Паво следует привести ее определение окружающей среды (*environnement*): «Окружающей средой называют совокупность человеческих и не человеческих данных, среди которых выработаны дискурсы. Они относятся ко всем сферам бытия, они социальные, культурные, исторические, материальные (природные объекты и артефакты), животные, натуральные и т.д.».

Понятие окружающей среды предлагается как альтернатива понятию контекста, использованному в традиционном анализе дискурса, поскольку под контекстом обычно понимаются только социальные, исторические или политические параметры. Таким образом, окружающая среда является центральным понятием позиции М.-А. Паво, определяемой следующими положениями: 1) постдуализм: преодоление различия *mind / body* (человеческое сознание проявляется вне духа, в том числе в предметах и

технологиях); 2) симметричность: все языковые произведения композитны, состоят из сочетания языковых и неязыковых аспектов; 3) экологичность: анализируется не само высказывание, а в целом система, породившая его. Данное положение раскрыто в статье упомянутого выше словаря М.-А. Паво с названием «Дискурсная экология» (*Écologie du discours*).

В обсуждаемой работе М.-А. Паво рассматриваются явления, описывающие свойства НЦД, связанные с его функционированием, а именно: «дискурсивная кибержестокость» (*cyberviolence discursive*), «высказывающийся» (*énonciateur numérique*), «этика цифрового дискурса» (*éthique du discours numérique*), «экстимность» (*extimité*), «контекстуальная нерушимость» (*intégrité contextuelle*), «законы цифрового дискурса» (*lois du discours numérique*), «технологическая дискурсивная память» (*mémoire technodiscursive*), «производительность» (*produsage*).

М.-А. Паво отмечает, что в традиционной лингвистике незаслуженно мало внимания уделяется фигуре «высказывающегося» – «глашатаю», или «спикера». В обсуждаемой работе М.-А. Паво внимание уделяется двум специфическим цифровым типажам – граммар-наци и троллю. «Экстимность» определяется как процесс выставления отдельных интимных фрагментов своей жизни в поисках их одобрения другими пользователями. В цифровой окружающей среде противопоставление частной и публичной жизни видоизменяется, и социальные сети определяются как гибридные пространства. Здесь экстимность выражается в виде выбора никнейма, аватара, хештега. Высказывающийся производит НЦД в рамках цифровой этики, в которой собрана совокупность критериев допустимости высказываний, произведенных в Интернете, согласно ценностям, которые признаются его пользователями в определенном месте и в определенное время. Эти правила составляются самими пользователями в виде метавысказываний, и эти метавысказывания напоминают правила этики обычной коммуникации, но дополняются специфическими особенностями, поскольку в цифровом пространстве велика роль действий: можно приглашать, принимать или отклонять приглашение, банить, троллить, искать, приобретать и т.д. М. Дебрэнн отмечает, что в обсуждаемом словаре М.-А. Паво проблема фейка мало освещается, поскольку, видимо, она приобрела свою значимость после публикации книги.

Зато большое внимание уделено вопросу кибербуллинга, ему посвящена самая длинная статья словаря (34 страницы). Однако М.-А. Паво не просто переносит на цифровые формы дискурса категории и понятия, применимые к нецифровым текстам, а учитывает сочетание семантических полей (сексизм, расизм, гомофобия и др.) с технологическими функциями НЦД – статус, комментариев, твит. Главными особенностями кибербуллинга являются анонимность, отсутствие очного контакта, продолжительность и массовое распространение. Авторы подглавы отмечают, что в англоязычной литературе (при почти полном отсутствии франкоязычной) исследования в основном ограничиваются языковыми аспектами и игнорируют технодискурсивные и социотехнические аспекты. Для построения типологии рассматриваются следующие критерии: *прямая (с ведома жертвы) либо косвенная (за ее спиной) угроза*, что в языковом эквиваленте проявляется в виде обращений во втором лице (оскорбления) vs описательных высказываний в третьем лице. С технологической точки зрения основную роль здесь играют псевдонимность; эффект отсутствия (жертвы) и бесконтрольности; *эффект кокпита*, состоящий в том, что агрессор, как и пилот в своей кабине, отделен от жертвы, не испытывает к ней эмпатии и одновременно чувствует себя защищенным от реакции на свои слова; принцип неразлучности (жертвы со своим гаджетом), в силу которого агрессивное сообщение непременно будет получено; виральность, зависящая от количества излучателей и приемников и от скорости распространения информации. Интересными являются в данном контексте технодискурсивные реакции на кибербуллинг. Возможно развязывание ответной интернет-перепапки (носящей на сленге названия флейминга или шитшторма), но также возможны молчание, блокировка контакта, маскировка или бан, модерация цифрового ресурса, аутинг, сообщение о нарушителе, публикация агрессивных высказываний на своеобразной «стене позора». Жертвы кибербуллинга могут обыгрывать агрессию и сделать из нее повод для гордости. И, наконец, технологические возможности цифрового дискурса позволяют автоматически заменить оскорбительные слова смайликами, «кавайными мордашками» и прочими иконическими элементами, вызывающими смех и положительные эмоции.

М.-А. Паво подчеркивает, что интернет-пространство в высшей мере рефлексивно. Все, что в нем появляется, становится объектом метадискурса. Неудивительно, что в нем появились законы. Они – наивные эквиваленты принципа кооперации Герберта Пола Грайса. Их около 10, наиболее известным из них является закон (или точка) Годвина, согласно которому чем длиннее (интернет-дискуссия, тем вероятнее, что появится сравнение с Гитлером или нацистами.

Завершается этот обзор словаря-монографии об анализе цифрового дискурса изложением содержания статьи о технодискурсивной памяти.

Отмечается, что для разработки понятия цифровой памяти в анализе дискурса необходимо учитывать следующие факторы.

1. Нелинейность (гипертекстуальность и диссипация): связанные друг с другом языковые фрагменты гипертекста моделируют функционирование дискурсивной памяти, отличающейся от памяти обычной. Это хорошо видно на примере топонимов: в нецифровом тексте появление таких топонимов, как Освенцим или Чернобыль, вызывает различные образы в памяти различных реципиентов, а то и ничего не вызывает. В цифровом тексте, наоборот, клик (или даже простое наведение курсора на слово) отсылает к другому тексту. Таким образом, технодискурсивная память – дополненная память.

2. Цифровой след и его находимость: пользователь оставляет в цифровом пространстве огромное количество следов. С одной стороны, это то, что он намеренно туда выкладывает (тексты, фотографии, цифровые «жесты»). Но, с другой стороны, – он также невольно оставляет следы своего присутствия в интернет-пространстве. Особенности функционирования памяти в цифровом контексте состоит в том, что в ней сохраняется все без разбора и ничто не утрачивается, тогда как человек отбирает (сознательно или нет) то, что он будет запоминать. Технологические возможности цифрового пространства таковы, что следы, оставленные в нем, всегда могут быть найдены и собраны, благодаря в том числе метаданным, сопровождающим любой НЦД.

Во второй главе первого тома «Лингвокогнитивный и дискурсивный аспекты коммуникации в социальных сетях» также нашли отражение идеи метакоммуникации или рефлексии о языке

в соцсетях (автор подглавы «Метакоммуникация в социальных сетях» Т.В. Шмелева); культурно-речевая рефлексия (автор подглавы «Культурно-речевая рефлексия в сетевом пространстве» В.Д. Черняк); ценностных доминант в таком дискурсе в модели аксиологической лингвистики (автор подглавы «Языковая репрезентация ценностных доминант в социальных сетях» С.В. Ильясова); метафоризация предметной области «дискурс в соцсетях», рассматриваемая в лингвокультурологическом аспекте (автор подглавы «Метафоризация предметной области “социальные сети” в русскоязычных и англоязычных массмедиа (лингвокультурологический аспект)» О.Н. Кондратьева); способы вербализации эмоций в социальных сетях (автор подглавы «Способы вербализации эмоций в социальных сетях : корпусный анализ» А.В. Колмогорова); актуальные вопросы изучения электронного новостного дискурса (авторы подглавы «Актуальные вопросы изучения электронного новостного дискурса с лингвистических позиций» В.А. Каменева и Н.В. Потапова).

Так, обсуждая культурно-речевую рефлексивность в интернет-коммуникации, В.Д. Черняк подчеркивает, что пользователи Интернета осваивают интернет-пространство как «место самореализации, осуществление которой невозможно вне речевой практики»¹. Тексты, расположенные в интернет-среде, весьма точно отражают различные аспекты речевой деятельности участников коммуникации. «Понимаемый как самый передовой медиум, Интернет ассоциируется и с самыми современными формами существования культуры»². Как отмечает М.Н. Эпштейн, в электронной вселенной основные понятия филологии приобретают новый смысл. Разрабатываемая Эпштейном идея проективной лингвистики связана с расширением лексической, грамматической, концептуальной систем. Для новой коммуникационной среды оказываются актуальными понятия лингводизайн, лингвоконструирование, лингвопроектирование, лингвостроение, лингвоинженерия, плано-

---

¹ Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты : монография. – М. : РУДН, 2011. – 436 с.

² Русский язык и новые технологии : коллективная монография / сост. Г.Ч. Гусейнов (факультет филологии НИУ ВШЭ) ; под ред. М.В. Ахметовой, В.И. Беликова. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 256 с.

вая лингвистика, лингвистические технологии, творческая филология, лингвистическое творчество, лингво-арт, «языководство»¹. В словотворчестве, чрезвычайно распространенном в интернет-пространстве, участвует все больше индивидуальных авторов, при этом новые слова или высказывания распространяются моментально². Автор выделяет три вида деятельности в области языковых знаков: знакосочетательную, знакоописательную и знакосозидательную, которые своеобразно преломляются в интернет-пространстве.

Обсуждая электронный новостной дискурс, авторы В.А. Каменева и Н.В. Потапова суммируют его специфические признаки: 1) электронный сигнал как канал общения; 2) структура знака (гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность); 3) графико-пространственный параметр (стандартизованность внешней формы текста); 4) виртуальность (подразумевает общение с воображаемым собеседником); 5) глобальность (возможность установить контакт с любым пользователем в Сети); 6) высокая степень проницаемости (слушателем, соучастником или участником общения может оказаться любой человек); 7) дистантность (разделенность участников общения в пространстве и во времени); 8) опосредованность (общение между людьми опосредовано электронным устройством, включенным в Сеть); 9) преимущественно статусное равноправие участников; 10) комбинация различных типов дискурса (рекламного, политического, научного и др.); 11) специфическая компьютерная этика (некий свод правил поведения людей, общающихся в компьютерной среде); 12) устно-письменный характер коммуникации (адаптация средств разговорной речи (интонация, тон) к письменной форме паралингвистических средств (рисунок, фотография, шрифт, цвет, графические символы и др.)

Восьмая подглава второй главы первого тома рецензируемой монографии носит название «Обыденный юридический дискурс и процессы деюридизации правовых терминов в социальных сетях

---

¹Эпштейн М. Будущее гуманитарных наук. Техногуманизм, креаторика, эротология, электронная филология и другие науки XXI века. – М. : РИПОЛ классик, 2019. – 220 с. – URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43125483 (дата обращения: 26.03.2020).

²Эпштейн М. Русский язык в свете творческой филологии разыскания // Знамя. – 2006. – № 1. – С. 192–207.

Рунета: коммуникативный и когнитивный аспекты» (авторы – Н.Д. Голев и А.В. Иркова). Исследование посвящено изучению проблемы детерминологизации юридической лексики в процессе ее функционирования в речевой практике рядовых носителей русского языка. Непосредственным предметом рассмотрения является реализация смыслов лексемы «гражданин» в интернет-коммуникации. Сложное и противоречивое явление детерминологизации (деюридизации) характеризуется разной степенью утраты юридическим термином его терминологического статуса. «Недотермины» с их полутерминологическим содержанием нередко становятся помехой для нормальной правовой коммуникации. Этот процесс также актуализирует разведение юридической и общенародной сторон текста закона, которые влияют на исход понимания и истолкования рядовыми законопослушными гражданами юридического текста. Целями проведенного исследования выступали фиксация «перехода» семантики термина из пространства юридического дискурса в общенародную смысловую плоскость и отслеживание того, как правовые смыслы лексемы «гражданин» актуализируются в неюридической сфере. По мнению авторов, методология дискурсивно-семантического анализа открывает «живые» смыслы слова «гражданин» в дискурсе социальных сетей. Полученное комплексное представление о его значении как форме воплощения языкового сознания рядового носителя языка раскрывает в речи граждан глубинную смысловую взаимосвязь слов «гражданин», «честь», «честный», «правильный», «правдивый» и т.п. Одной из областей практического применения результатов исследования является пространство истолкования законопроектов, законодательных текстов с фигурированием названной лексемы с возможностью привлечения общенародных смыслов для полноты его понимания.

Особое внимание обращает на себя последняя, девятая подглава второй главы первого тома «Секстинг: правовой статус, экспертная практика и особенности нарратива», завершающая вторую главу первого тома монографии (автор – О.В. Зайцева). Исследования, посвященные секстингу, неоднородны. С одной стороны, существует так называемый дискурс нормативности (*der Normalitäts-Diskurs*), идеологи и последователи которого представляют секстинг, в том числе подростковый секстинг, как условно

безопасное поле для сексуальных экспериментов с партнером и ссылаются на наличие статистических данных, согласно которым в подавляющем большинстве случаев люди вступают в сексуальное онлайн-взаимодействие при наличии постоянных отношений; об этом, по данным эмпирических исследований, сообщили от 60 до 80% респондентов¹. С другой стороны, – существует представление о секстинге как о разновидности маргинального поведения. Патогенный характер секстинга во многом обусловил то, каким образом эта сексуальная практика представлена в СМИ и научной литературе, посвященной социальным и правовым аспектам рассмотрения данного коммуникативного феномена. Считается, что секстинг представляет собой новую форму коммуникации, что не совсем верно. Задолго до того, как появились более совершенные средства связи, люди вели эротическую переписку. Дошедшие до нашего времени любовные артефакты не позволяют в полной мере составить представление о сексуальной коммуникации до эпохи цифровизации общества. Любовные письма в зависимости от времени отличаются культурным контекстом и стилистическим своеобразием в передаче содержания, что лишь отчасти обеспечивает степень корректного понимания того, о чем идет речь в послании. Эротическая корреспонденция не всегда относилась к сфере частной жизни – часть из подобного рода артефактов изначально предназначалась для широкой общественности и представляла собой риторические формы, через которые проявлялась способность автора не только развлекать, но и наставлять и которые были нацелены на формирование допустимых шаблонов сексуального поведения, т.е. выполняли воспитательно-образовательную функцию. Эволюция формы эротического эпистолярного жанра в порнографический стала вопросом времени: рост уровня грамотности населения, сексуальные революции, произошедшие в различных обществах в различные исторические периоды, совершенствование технологий, обеспечивших стабильный канал связи и способствующих сокращению времени ожидания при получении и отправке сообщений, предопределили возникновение секстинга. Опреде-

---

¹ См. подробнее: Döring N.M. Gewalt im Netz. Sexting, Cybermobbing & Co., Publisher: Bundesarbeitsgemeinschaft Kinder- und Jugendschutz e.V. / Editors: Bundesarbeitsgemeinschaft Kinder- und Jugendschutz e.V / N. Döring. – 2015. – P. 15–43.

ляющим фактором, вероятно, стала стоимость отправки SMS- и MMS-сообщений: переписка была ощутимо дешевле, чем общение по телефону (в особенности в сфере услуг секса по телефону). Затем возникновение мессенджеров и социальных сетей свело затраты на связь к минимуму, тем самым обеспечив коммуникантам условно неограниченный доступ к каналу связи без привязки к балансу счета мобильного телефона. При этом существующая статистика, направленная на формирование картины распространенности секстинга, противоречива и не позволяет в полной мере оценить популярность этой практики среди разных социальных и возрастных групп населения планеты. Существующие исследования секстинга лишь косвенно связаны с изучением сексуального поведения человека, хотя, казалось бы, доступность материала и понимание современного культурного контекста не препятствуют такого рода изысканиям. В то время как аутентичное сексуальное офлайн-взаимодействие не поддается фиксации (в том числе ввиду правовых и этических причин), а порнографическая продукция представляет собой совокупность утрированно сексуализированных образов, т.е. является одним из способов переосмысления и репрезентации сексуального взаимодействия, секстинг в силу своей жанровой специфики сочетает в себе необходимую для исследований аутентичность взаимодействия коммуникантов и утрированность конструируемых образов.

Секстинг представляет собой сложный культурный и социальный феномен, имеющий различные формы проявления и по-разному оцениваемый обществом. Попытка исследовать данный феномен без прямого изучения реальной переписки привела к формальному подходу в правовой оценке кейсов и к маргинализации данной коммуникативной практики. Исследование секстинга, попытка определить его место среди других видов порнографического жанра характеризуют рассматриваемый коммуникативный феномен как промежуточную форму, комбинирующую как творческий акт, связанный с репрезентацией сексуальности, так и реальное взаимодействие в виртуальном пространстве: с одной стороны, секстинг относится к разновидности симулирующей коммуникации, с другой – конструируемая коммуникантами действительность все же не связана с возможностью реального взаимодействия и представляет собой собирательный образ, созданный

на основе личного сексуального опыта коммуникантов, их энциклопедической компетенции и представлений о том, каким должно быть сексуальное взаимодействие. Изучение секстинга позволит в дальнейшем сформировать понимание того: 1) как коммуниканты представляют себе сексуальное взаимодействие, 2) какие полоролевые паттерны транслируются при конструировании гетеросексуального и гомосексуального взаимодействия, 3) какие социальные и культурные шаблоны влияют на формирование представлений о ролях и функциях коммуникантов в сексуальном взаимодействии в зависимости от их пола, возраста и социального статуса.

В главе третьей монографии «Речевые жанры в социальных сетях» приводится жанроведческая и лингвистическая характеристика интернет-обращений в органы государственной власти, политической рекламы, подводок к новостному тексту в Интернете, креолизованных текстов интернет-сообществ, интернет-дневников, особенностей сетевых кинокритик. Значительное место уделяется феномену антиграмотности в неофициальных жанрах.

Том второй монографии содержит три главы – «Лингвоперсонологические аспекты коммуникации в социальных сетях», «Лингвоконфликтологические аспекты коммуникации в социальных сетях» и «Лингводидактические аспекты коммуникации в социальных сетях».

Глава «Лингвоперсонологические аспекты коммуникации в социальных сетях» (авторы Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц) является частью объемного проекта, посвященного комплексной реконструкции социально-коммуникативных характеристик группы россиян пожилого возраста (речь идет о «пожилых людях», пенсионерах, или, говоря психологическим языком, людях в периоде «поздней взрослости»). Исследование проводится в двух направлениях – когнитивно-дискурсивном и психолингвистическом, – что требует изучения двух форм репрезентации – дискурсов самих пожилых людей и дискурсов о пожилых людях, а также языкового сознания русскоговорящих. Реализация проекта проходит в русле: выявления общих дискурсивных характеристик текстов, объединенных субъектом речи «люди пожилого и старческого возраста»; описания предметно-тематической и аксиологической составляющих дискурсов «о пожилых»; реконструкции соответствующих тематических фрагментов сознания информантов разных возрастных

групп. Лингвисты, психолингвисты, психологи уделяют пристальное внимание субъективной семантике, онтогенезу и геронтогенезу, возрастной структуре ментального лексикона, возрастной изменчивости смыслового состава семантических областей, связанных с языковыми знаками в сознании носителей языка, возрастной динамике когнитивных процессов и пр. Комплексное исследование предполагает совмещение психолингвистического подхода к смысловым связям лексики «возраста», фрагментам ментального и вербального лексикона носителей языка, включающего смысловые области соответствующих лексем.

Одной из центральных задач проводимого исследования было выяснить, с какой целью пожилые люди коммуницируют в Интернете. В методологии своего исследования Л.О. Бутакова и Е.Н. Гуц ориентируются на труд «Слово в действии. Интен-анализ политического дискурса»¹ и выделяют те же самые интенции, что и в этом труде.

Исследование 25 публикаций позволило определить наличие следующих интенций.

1. Анализ. Основанное на фактах рассмотрение, разбор темы, ситуации, предполагающей выражение положительного отношения к действующим лицам.

2. Информация. Приведение точных данных и фактов.

3. Кооперация. Выражение отношения, направленного на привлечение к участию в совместных действиях или разделении позиций.

4. Неявная самопрезентация. Самопрезентация, выражаемая косвенно, без прямого указания на объект позитивного оценивания.

5. Оценивание (+). Положительное суждение о людях (человеке) и их (его) действиях и поступках.

6. Побуждение. Призыв к какому-либо действию, принятию точки зрения.

7. Предупреждение. Предостережение. Предваряющее извещение о возможных событиях, действиях, ситуациях и т.п.

8. Презентация. Представление кого-либо или чего-либо в привлекательном виде.

---

¹ Слово в действии. Интен-анализ политического дискурса. – СПб. : Алетейя, 2000. – 316 с.

---

9. Самопрезентация. Представление себя в привлекательном, выгодном свете.

10. Успокоение аудитории. Приведение аргументов и / или фактов с целью успокоить аудиторию.

Показательна подглава о современном сленге подростков в соцсетях (авторы А.В. Иркова, Н.Д. Голев). Цель исследования – выявить характерные лингвистические черты студентов и школьников-подростков в социальных сетях. Основным материалом исследования – данные анкет, в результате исследования которых выявляются системные черты коммуникативного поведения современного студента и школьника. Также в качестве материала привлекаются комментарии молодых людей на различных порталах и форумах Рунета.

По мнению авторов, именно в интернет-пространстве школьник активно используют слова и выражения, которые понятны не только ему, но и собеседникам, с которыми он общается. Это серьезный поколенческий коммуникативный конфликт. Он проявляется на разных уровнях русского языка: фонетическом, морфологическом, синтаксическом. Далее наше внимание фокусируется на лексическом уровне общения подростков, прежде всего – на его нормативно-стилистическом плане, а именно его жаргонизации. Особенности современного молодежного жаргона легко прослеживаются в социальных сетях. Лексика современного подростка в существенной мере сводится к простым просторечным выражениям, зачастую ненормативной лексике (нецензурные слова), жаргонизмам. Такая речь подростков стала повседневной и реальной. Авторы приводят словарь соответствий жаргона ортологической речи.

В подглаве, посвященной автору, адресату и лингвоперсонологическим аспектам самопрезентации (автор Т.В. Алтухова), главный акцент сделан на проявлениях личности коммуниканта в социальных сетях, которые обусловлены тем, что, с одной стороны, в Интернете человек анонимен, скрыт от других участников общения, а с другой – старается через общение и самопрезентацию эту анонимность преодолеть, стремясь создать желаемую и подходящую под определенные цели версию своей личности, которая может быть достаточно далека от реальной личности коммуниканта. И такая конструируемая личность определяет особенности по-

ведения интернет-пользователя и его выбора стратегий в общении. Далее будут рассмотрены лингвоперсонологические особенности автора и адресата в неформальной компьютерно-опосредованной коммуникации (КОК), а также описаны речевые маски, которые используют участники общения в социальных сетях. Параметры КОК «автор» и «адресат» оправданно описать вместе как образ участника КОК, так как субстрат наделяет участников коммуникации – вне зависимости от того выступают ли они как адресанты или адресаты, – одними и теми же характеристиками. Коснемся подробнее этих характеристик. Важной особенностью коммуникации в электронной среде является то обстоятельство, что физическая непредставленность участников общения детерминирована технической опосредованностью интернет-общения, и это дает пользователям возможность формирования виртуального образа, отличного от реального человека, его создавшего. Физическая непредставленность в Интернете проявляется по-разному: от полной анонимности участников до предоставления коммуникантом тщательно отобранных сведений о себе, достоверность которых не всегда возможно проверить и которые создают определенный образ. В письменной электронной коммуникации телесные (физические) и статусные характеристики могут скрываться или искажаться, что позволяет участникам раскрепоститься, примерить на себя новые модели поведения, в том числе и девиантные, недоступные им в реальном общении. Но также анонимность дает «возможность создавать практически любую самопрезентацию и принимать любые межличностные роли»¹.

В заключение следует отметить, что в монографии делается попытка связать виртуальную языковую личность с лингвокультурой народа (особенно заметно это в подглаве «Виртуальная языковая личность как отражение лингвокультуры народа (на примере казахстанских политических интернет-комментариев)», автор – С.Ж. Ергалиева).

Таким образом, можно констатировать, что представлен научный труд, освещающий наше общение в социальных сетях с очень разных точек зрения – лингвистики, психологии, социоло-

---

¹ Жичкина А.Е. Взаимосвязь идентичности и поведения в Интернете пользователей юношеского возраста : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 199 с.

гии, лингводидактики, конфликтологии, юриспруденции, этнографии. Этот анализ не может не быть комплексным и междисциплинарным. Делается научная попытка проанализировать языковую и коммуникативную специфику общения в социальных сетях, что важно и в прикладном, и в фундаментально-научном плане.

А.Б. Бушев

Тверской государственный университет

КОММУНИКАЦИЯ. ДИСКУРС. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

УДК: 81'374.3

DOI: 10.31249/ling/2022.02.03

**Важенина В.В., Занозина Е.С., Кан Е.В., Латунина Е.А.,
Мирзаева Д.У., Солдатова Е.И.¹**

ДОМИНИРУЮЩИЕ ДИСКУРСЫ : НА ЧЕМ И КАК ФОКУСИРУЮТ МАССОВОЕ ВНИМАНИЕ. (Обзор)

*Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Аннотация. Обзор посвящен исследованиям доминирующих дискурсов последних лет (2017–2021). Поскольку такие дискурсы предлагают рамки для конструирования нашего восприятия, они могут оказывать сильное влияние на человеческое мышление. Изучение доминирующих дискурсов позволяет проследить, почему в сознании людей существуют те или иные установки относительно определенных тем. В данном обзоре рассматриваются дискурсы относительно репрезентации образа женщины, пандемии COVID-19 и расизма, которые наиболее часто освещались в медиа в 2017–2021 гг. и, следовательно, имели наибольшее влияние на сознание людей.

Ключевые слова: дискурс; медиа; расизм; женщины; коронавирус.

---

¹ © Важенина В.В., © Занозина Е.С., © Кан Е.В., © Латунина Е.А.,
© Мирзаева Д.У., © Солдатова Е.И., 2022

Введение

У человека есть представление о том, как нужно себя вести в обществе. Многие представления сформированы дискурсами, которые предлагают рамки для конструирования нашего восприятия. Особенно влиятельными являются доминирующие дискурсы. Зачастую они отражают идеи наиболее влиятельных слоев населения. Обратная сторона влияния доминирующих дискурсов заключается в том, что оно осуществляется зачастую в обход сознания и с ущербом для некоторых групп населения. История знает случаи, когда доминирующая парадигма приводила к дискриминации определенной группы людей, что в дальнейшем становилось причиной социальных конфликтов (Движение за права чернокожих в США, Холокост). Более того, доминирующий дискурс может настолько укорениться в сообществе, что немногие рискнут оспорить предложенную норму и привнести новые идеи в дискурсивное пространство. Подобная ситуация может привести общество к стагнации. В связи с этим важно понять, какие дискурсы являются доминирующими на данный момент и каким образом они определяют наше восприятие. Этот аспект определяет актуальность написания обзора научной литературы за 2017–2021 гг., объектом которого являются доминирующие дискурсы последних лет.

Доминирующие дискурсы

Проанализировав различные источники информации (новостные повестки, рекламные объявления, коммуникацию в социальных интернет-сетях и т.д.), мы выделили следующие доминирующие дискурсы: репрезентация женщин, пандемия COVID-19 и расизм. Выбор тем дискурса мотивирован их частотностью в публикациях исследователей, а также спорностью их репрезентации. Обзор источников включает статьи, посвященные анализу данных дискурсов, выделяет способы их репрезентации, а также описывает их влияние на мировосприятие людей.

Репрезентация женщин

Несмотря на то что пик борьбы за равноправие полов пришелся на прошлое столетие, вопросы гендерной дискриминации

до сих пор остаются актуальными: большое количество материалов посвящено позиции и роли женщин в обществе, их правам и обязанностям, а также феминистическому движению в целом. Репрезентация женщин в СМИ оказывает непосредственное влияние на сознание людей, формируя образ современной женщины, а также приписывая ей определенные ценности и характеристики.

В исследовании М. Рока-Сейлс и Г.Л. Лопеса-Гарсии рассмотрены 228 публикаций, размещенных в популярных американских лайфстайл-блогах *Her Campus*, *20-Nothings*, *Hello Giggie*. Согласно полученным данным, женщины описываются преимущественно с позиции таких социальных ролей, как мать, жена и домохозяйка. Такое традиционное описание проявляется прежде всего в выборе тем, которым посвящены проанализированные в рамках исследования материалы, а именно красота, мода и стиль, межличностные отношения и развлечения [Roca-Sales, Lopéz'García, 2017]. Наряду с этим языковые средства, используемые в материалах постов, а именно выражения, несущие в себе идеи бодипозитива и принятия себя, а также идеи равноправия и самодостаточности, свидетельствуют о постепенной трансформации образа женщины от домохозяйки, заинтересованной в ограниченном количестве тем, к свободной и независимой личности [Roca-Sales, Lopéz'García, 2017].

Стоит отметить, что дискурсивная репрезентация феминизма постепенно претерпевает изменения. Дж. Лок, И. Бачман и Д. Харп провели текстуальный анализ 246 новостных статей, содержащих слова «феминистка» и «феминист» (*feminist*), а также «феминизм» (*feminism*), для того чтобы описать отношение к данному явлению, в настоящий момент преобладающее в обществе. Для анализа были взяты статьи с сайтов таких популярных американских изданий, как *The Huffington Post*, *The New York Times*, *The Washington Post*, *Fox News*, *CNN*, *MSNBC* и *Los Angeles Times*. В ходе анализа было выявлено, что в современном медийном дискурсе часто проводится сравнение между старыми и новыми формами феминизма, которые, в свою очередь, постоянно противопоставляются друг другу. При этом исследователи отмечают, что в СМИ отсутствует консенсус по поводу рамок определения той или иной формы феминизма, что ведет к расколу общества на группы и к разногласиям, в том числе и среди женщин [Loke, Bachmann, Napf, 2017]. Кроме того, в ходе дискурсивного анализа было выяв-

лено, что феминизм чаще всего описывается как негативное, устаревшее и неактуальное движение, что, как считают авторы исследования, не соответствует действительности [Loke, Bachmann, Harp, 2017].

Новые формы феминизма часто отождествляют с так называемыми идеями постфеминизма, дискурс которого подробно рассматривается в исследовании М. Ёнг. Автор проводит критический анализ профессионального дискурса в таких печатных изданиях Малайзии, как *Her World* и *Clove*, и на радиостанции *Capital FM* и выявляет следующие виды дискурсов [Yoong, 2020]:

- «женщина как герой» (*female heroes*), согласно которому женщины могут достичь успеха благодаря уверенности, контролю, устойчивости и энтузиазму;

- «женщина как неполноценное существо» (*female lack*) – женщины не могут достичь существенного карьерного успеха;

- «женщина как носитель лучших качеств» (*balanced femininity*) – женщины могут достичь успеха при симбиозе качеств, традиционно приписываемых женщинам, и качеств, традиционно приписываемых мужчинам;

- «женщина как объект красоты» (*aesthetic labor*) – женщины могут добиться успеха только в том случае, если их внешность соответствует устоявшимся канонам красоты.

М. Ёнг утверждает, что, несмотря на то что дискурсы «женщина как неполноценное существо» и «женщина как объект красоты» диктуют правила, определяющие поведение и внешний вид женщин, желающих добиться профессиональных успехов, более важное значение приписывается личным качествам, что говорит о положительных изменениях, происходящих в данной области [Yoong, 2020].

Исследование К. Пауэра, Л. Рэка и М. Кима, в рамках которого был проведен анализ дискурса образа женщин в трех самых продаваемых американских деловых журналах (*Bloomberg Business Week*, *Forbes*, *Fortune*), также свидетельствует о позитивных изменениях. Для того чтобы определить, существуют ли различия в частоте упоминания женщин и мужчин в ведущих деловых журналах, а также понять, в какой степени такие издания отражают текущее положение женщин в деловом мире Северной Америки, авторы исследования сравнили частоту упоминания

мужчин и женщин во всех статьях, опубликованных с 2015 по 2017 г., а затем проанализировали лингвистические средства, используемые для описания поведения женщин. Результаты исследования показывают, что женщины недостаточно представлены в ведущих бизнес-журналах Северной Америки, так как более трети статей содержат хотя бы одну заметку о мужчине, но ни одного упоминания о женщинах. Тем не менее авторы отмечают, что анализ языковых средств свидетельствует о том, что образ женщин не искажен [Power, Rak, Kim, 2020].

Противоположная точка зрения отражена в исследовании А. Вагнер, Л. Тримбл и Ш. Самперт, целью которого было рассмотрение дискурсивного гендерного определения лидерских качеств в СМИ Канады. Авторы исследования задаются вопросами о том, какие лидерские качества чаще всего подчеркиваются в новостях о соперничестве за власть, и о том, по-разному ли они приписываются женщинам и мужчинам. Был проведен дискурсивный анализ 2463 статей, опубликованных в газете *Globe and Mail*, о 10 женщинах и 17 мужчинах, которые стремились возглавить канадские политические партии. Исследование показало, что, согласно *Globe and Mail*, неотъемлемыми качествами политического лидера являются политическая проницательность, интеллект и коммуникативные способности. В то время как СМИ подвергали тщательной проверке навыки всех кандидатов (и женщин, и мужчин), первые получали более негативные оценки: их лидерский потенциал ставился под сомнение, а интеллект, знания и опыт – недооценивались, что свидетельствует об отсутствии каких-либо изменений в репрезентации женщин в СМИ [Wagner, Trimble, Sampert, 2019].

В то время как образ женщин в политическом мире достаточно противоречив, изображение женщин в дискурсе жертв сексуального насилия весьма однозначно. Так, в исследовании Р. Рисданевой были изучены материалы британского таблоида *The Guardian* и индийской газеты *The Jakarta Post*, для того чтобы выявить сходства и различия в изображении женщин, подвергшихся сексуальному насилию. Основное внимание при анализе статей на данную тему уделялось так называемому неймингу, т.е. тому, как определенные социальные роли отображаются в различных контекстах. В результате было выявлено, что наиболее частотным обращением к женщинам, подвергшимся сексуальному насилию, яв-

ляется слово «жертва» (*victim*), и описание женщин в такой ситуации обычно дается с позиции возраста, происхождения и рода занятий. Чаще всего женщин также описывают как «наивных» (*naïve*), «уязвимых» (*vulnerable*) и «испуганных» (*terrified*). Дискурсивный анализ также показал, что в материалах, опубликованных в газете *The Guardian*, превалирует использование фамилий как жертв, так и к подозреваемых, тогда как в *The Jakarta Post* использование имен и фамилий менее распространено: вместо этого используются такие слова, как «жертва» (*victim*), «подозреваемый» (*suspect*), «нападавший» (*attacker*), «насильник» (*rapist*) и пр. Кроме того, при описании женщин подчеркиваются их социальные роли: мать, дочь и сестра [Risidaneva, 2018].

В работе С. Крамер, посвященной изучению дискурса жертв сексуального насилия со стороны женщин, было проведено интервью с теми, кто воспринимает себя как жертву этого вида преступлений. В исследовании участвовали 10 человек из разных стран, каждый из которых должен был рассказать о себе, своем опыте и дать определение таким понятиям, как «жертва» (*victim*), «жестокость» (*violence*), «насилие» (*abuse*) и «травма» (*trauma*). Исследование показало, что участники использовали дискурсы о гендере, сексуальности, преступности и виктимности, для того чтобы занять позицию жертвы. Дискурсивные темы, выявленные в ходе исследования, были взаимосвязаны друг с другом. Взятые как единое целое, эти тематические элементы формировали сетку дискурсивных координат, которые подразумевают возможность или невозможность стать жертвой сексуального насилия со стороны женщин. Например, участники отмечали, что мужчина практически всегда воспринимается как агрессор, а женщина – как жертва, что показывает сложность формирования дискурса жертв сексуального насилия со стороны женщин [Kramer, 2019].

Изображение женщины в СМИ может меняться и благодаря «дискурсивным сдвигам», происходящим по совершенно различным причинам. С. Симонардоттир и А.Г. Рудольфсдоттир исследуют, как в рамках доминирующего дискурса естественных родов чувствуют себя женщины, решившиеся на эпидуральную анестезию при родах. Необходимо отметить, что исландская система заботы о деторождении поддерживает естественные роды, и они воспринимаются как важный жизненный опыт, а не причина для

оказания медицинской помощи. Для исследования было проведено 21 интервью с женщинами до и после родов. Результаты показали, что, несмотря на то что изначально только две женщины хотели сделать эпидуральную анестезию, большинство в конечном итоге выбрали ее, назвав данный опыт «замечательным» и «чрезвычайно полезным». В свою очередь те, кто все-таки выбрал «естественные» роды, не склонны описывать этот опыт как «придающий сил», а те, кто выбрал анестезию, не почувствовали неудачу или разочарование. Данные результаты показывают, что женщины, которые приняли дискурс «естественных» родов до рождения, чувствовали, что это идеальный и предпочтительный способ родов. Это также предполагает, что во время родов женщины могут совершать «дискурсивный сдвиг», и, как результат, в послеродовом периоде они начинают критически относиться к идее превосходства «естественных» родов [Símonardóttir, Rúdólfsdóttir, 2021].

Стоит также отметить влияние контрдискурсов на представление образа женщин. Например, в статье С. Симонардоттир и И.В. Гисласон представлено влияние контрдискурса, который противоречит доминирующему дискурсу о грудном вскармливании как оптимальном методе кормления младенцев и способе укрепления связи матери и ребенка. В ходе исследования авторы провели опрос в группах в «Фейсбуке», посвященных советам матерям. Они получили рассказы 77 исландских женщин, которые, несмотря на желание практиковать грудное вскармливание, по разным причинам не смогли этого сделать. Через свои рассказы они стараются построить контрдискурс, в котором их метод вскармливания также имеет право на существование. Например, чтобы оспорить часть дискурса о том, что грудное молоко намного полезнее, чем смесь, такие матери, хотя и не напрямую, демонстрируют фото своих детей, счастливых и здоровых. По мнению авторов, формирование подобных контрдискурсов под влиянием феминизма может способствовать переосмыслению роли женщины и равенству полов в вопросах воспитания детей с самого их рождения [Símonardóttir, Gíslason, 2018].

Пандемия COVID-19

Стремительное распространение COVID-19 сделало эту болезнь одной из самых обсуждаемых тем во всем мире. Так, из-за повышенного внимания к COVID-19 в 2020 г. в СМИ практически не говорили о других темах. Журналисты оказались в выгодном положении, так как их информация являлась ориентиром для населения.

Согласно результатам исследования, проведенного А. Осисанво, в англоязычных медиа тема COVID-19 раскрывалась при помощи следующих понятий: *outbreak* (вспышка), *pandemic* (пандемия), *economic cankerworm* (экономический язвенный червь), *threat to humans* (угроза для людей), *war* (война), *killer / disease* (убийца, смертельное заболевание), *plague* (чума), *common enemy* (общий враг), *fire* (пожар), *disaster* (катастрофа). Все способы представления объединяет то, что они показывают пандемию COVID-19 исключительно в негативном свете, что является вполне объяснимым явлением. В структуре дискурса выделяются три типа участников: государственные и медицинские работники, носители COVID-19, не носители COVID-19. Автор отмечает, что все вышеупомянутые способы репрезентации ставят государственных и медицинских работников на позицию власти, представляя их единственными, кто в состоянии решить проблему. Зараженные же и люди, не заразившиеся новым вирусом, должны подчиняться указаниям первой группы людей, чтобы как можно более успешно и как можно быстрее пройти через пандемию [Osisanwo, 2021].

А. Сджеландер-Линдквист и коллеги также исследовали способы влияния на сознание аудитории с помощью дискурса. Авторы проанализировали выступления высокопоставленных политиков из Германии, Италии, Испании и Швеции. Основной целью данного анализа было установление способов информирования населения о проблемах и принимаемых мерах для борьбы с пандемией COVID-19. Полученные результаты показывают, что лидеры всех вышеперечисленных стран использовали такие метафоры, как «победить коронавирус» (*defy coronavirus*), «линия фронта» (*frontline*), «борьба с коронавирусом» (*a battle against coronavirus*), для того чтобы привлечь внимание населения и повысить значимость проблемы. Кроме того, политики напрямую обращались к

аудитории, что способствовало повышению уровня личной ответственности граждан. Авторы обращают внимание на то, что в дискурсе представителей Германии также упоминается роль ограничения прав при демократическом режиме, что, по мнению авторов, нуждается в дальнейшем исследовании [Communicating ..., 2020].

Х. Юй, Х. Лу и Д. Ху доказывают, что репрезентация пандемии COVID-19 в СМИ различается, и по различиям можно многое сказать об идеологии и культуре той или иной страны. Например, китайские средства массовой информации при описании пандемии пользовались нейтрально окрашенными лексическими единицами, а сами тексты, как правило, были направлены на то, чтобы убедить реципиента в скорой победе над вирусом. СМИ Великобритании изначально описывали пандемию только с отрицательной стороны. Более позитивный окрас дискурс, связанный с темой COVID-19, в Соединенном Королевстве стал принимать только после введения локдауна – что проявлялось, в частности, в статьях, говорящих о необходимости соблюдения тех или иных ограничений для замедления распространения инфекции [Yu, Lu, Hu, 2021].

Использование темы «пандемия COVID-19» для влияния на сознание людей отмечает и И. Милутинович. По мнению автора, дискурс, связанный с темой COVID-19, в Сербии использовался государством для манипулирования общественным мнением. Необходимость такого манипулирования объяснялась тем, что пандемия в Сербии началась незадолго до выборов и государство решило воспользоваться информационным поводом, чтобы повысить уровень доверия к себе. Автор подчеркивает двойственность представления нового вируса в информационном поле Сербии: тексты, посвященные пандемии, были, с одной стороны, направлены на создание паники (такая цель достигалась посредством обвинения населения в распространении заболевания: люди не слушают советов государства и, следовательно, виноваты в том, что количество зараженных только увеличивается), с другой – на успокоение людей, ведь государство знает, как решить проблему, и в скором времени это сделает. В Сербии, таким образом, пандемия COVID-19 стала основой для государственного самопродвижения [Milutinović, 2021].

В. Сун отмечает, что благодаря пандемии COVID-19 СМИ получили возможность формировать в сознании реципиентов выгодное для той или иной страны отношение к Китаю. Так, австралийские средства массовой информации представляли ограничительные меры, предпринимаемые Китаем для борьбы с распространением нового вируса, как грубое нарушение прав и свобод человека. Китай, таким образом, имплицитно представлялся авторитарной страной, в сознании реципиентов создавался негативный образ. Тем не менее аналогичные ограничительные меры принимались и самой Австралией, но в отношении Австралии они были представлены как «необходимый временный авторитаризм», к которому демократические страны вынуждены прибегать, чтобы справиться с кризисом [Sun, 2021].

Расизм

В связи с политическими событиями в США, связанными с расовой дискриминацией, проблема расизма является одной из доминантных тем в современном обществе. Отсутствие единого определения понятия расизма ведет к непониманию и неверной интерпретации концепта. Несмотря на разные точки зрения, исследователи сходятся во мнении относительно того, что неясно, какие действия можно считать расизмом, а какие нет [Kilgo, 2021]. В результате этого ключевую роль в формировании представления о расизме играют СМИ, которые транслируют информацию для всего общества.

По мнению К.Д. Килго, СМИ используют следующие три основные стратегии для описания событий [Kilgo, 2021]: маркеры субъективности – с помощью авторских статей, внешней атрибуции, квалификаторов и прямых цитат; обсуждение нерасизма – через отрицание и обратный расизм; тематическое ограничение – через исторические представления о расизме. В данных стратегиях активно используются такие лексические единицы, как «привилегия белых» (*white supremacy*), «превосходство белых» (*white supremacy*), «белое лицо» (*whiteface*) / блэкфейс» (*blackface*), «расизм против чернокожих» (*anti-Black racism*).

Дж.А. Смит также отмечает популярность стратегии обратного расизма и расового дальтонизма. Такие типы расизма обесце-

нивают опыт темнокожего сообщества через репрезентацию индивида через коллективную призму, легитимизацию действий доминантной группы и выборочный показ информации [Smith, 2018].

Расовый дальтонизм имеет скрытый характер, опираясь на прямую и открытую расовую агрессию [Burke, 2017; Smith, 2018]. Эта агрессия ведет к созданию дискурса защиты расизма. При этом темнокожие люди, которые вступают в коммуникацию с представителями доминирующих групп, не склонны принимать идеологию расового дальтонизма [Burke, 2017]. М.А. Бюке отмечает активное использование юмора, которое создает противоречие между практиками, включающими информацию о расовых различиях, и практиками осознанного избегания расовых особенностей. При этом использование расового дальтонизма оправдывается через политическую корректность. Таким образом, несмотря на отсутствие открытых действий, которые сигнализируют о дискриминационных практиках, расизм проявляется скрыто. Представители доминирующих групп мотивируют свой расовый дальтонизм стремлением сохранять и защищать ценности своей группы. Автор призывает общество обращать внимание на то, как представители групп управляют своими знаниями о расизме, вместо того, чтобы предполагать, что они этого не делают [Burke, 2017]. Это откроет более глубокое понимание того, как возникает расизм и как ему бросают вызов.

Важным мотивом репрезентации дискурса расизма, как было отмечено большинством исследователей, является стремление реализовать тактику обвинения. В статье К. Миллза исследуются разные виды обвинения, которые активно использует канал *Fox News* для оправдания расистских действий. Тактика обвинения темнокожей жертвы концентрирует внимание на внешности, подчеркивая силу и рост пострадавшего: «ветеран с шестилетним опытом службы» (*six-year veteran with a spotless record*) против «агрессивного ребенка ростом шесть футов и четыре дюйма и весом 250 фунтов» (*belligerent 6'4" 250 pound kid*), а также гиперболизируется через сравнения «я чувствовал себя как пятилетний ребенок, который держится за Халка Хогана» (*I felt like a five-year-old holding onto Hulk Hogan*) [Mills, 2017]. Данное сравнение активно использует оппозицию «беззащитный взрослый» и «силь-

ный ребенок», что ведет к дегуманизации образа жертвы через демонизацию ее действий.

По мнению К. Миллза, тактика обвинения темнокожих лидеров направлена на то, чтобы дискредитировать действия темнокожего президента. Материалы СМИ доказывают намеренное замалчивание части информации для возникновения негативного образа президента [Mills, 2017]. Стратегия одного из телеканалов в отношении темнокожих лидеров направлена на разжигание розни и беспорядков, а также способствует лишению легитимности власти темнокожих лидеров и расшатыванию их авторитета в обществе. Проецирование расизма на меньшинства является типичным дискурсом, при котором доминантная группа уклоняется от ответственности за расизм, обвиняя меньшинства в том, что они настоящие расисты.

Тактика обвинения целого сообщества темнокожих людей отсылает к высокому проценту убийств среди темнокожих. СМИ активно используют не только словосочетание *black-on-black crime* (преступление темнокожего против темнокожего), но и язык, который сравнивает любого афроамериканца с угрозой: *the danger to a black child in America is not a white police officer* (в Америке белый полицейский не представляет опасность для темнокожего ребенка). Статья не только использует дискурс угрозы; в ней также повествуется о роли жертвы или вымогателя, которые также характерны для афроамериканского сообщества. Таким образом проявляется попытка оправдать расизм через понятие «разумный расизм» (*reasonable racist*). Похожую модель использует тактика обвинения темнокожих протестующих, при которой их действия описываются через слова «мародерство» (*looting*), «беспорядки» (*riots*), «хаос» (*chaos, mayhem*) и «жестокость» (*violence*), что ассоциируется с преступным миром [Mills, 2017].

Заключение

Доминирующие дискурсы оказывают значительное влияние на восприятие мира – доминирующие парадигмы могут приводить к дискриминации, а также незаметно укорениться в обществе, где в них не сомневаются и их не оспаривают. Именно поэтому важно определить актуальные дискурсы современности и понять, как они

управляют нашим восприятием. В рамках настоящего обзора были выявлены три основные доминирующие темы: репрезентация женщин, расизма и COVID-19.

При дискурсивном анализе репрезентации женщин выяснилось, что женщины до сих пор описываются с позиций традиционных социальных ролей, а также с позиции жертвы, что говорит о неоднозначной и дискриминационной репрезентации женщин в современном обществе. Неоднозначность репрезентации также прослеживается в бизнес-сфере, где вместо объективной оценки профессиональных качеств сохраняется принижение достоинств женщины. Тем не менее появление новых форм феминизма вызывает дискурсивные сдвиги, влияющих на изображение женщин: происходит постепенное изменение репрезентации женщин и феминистического движения в целом.

Получивший большое распространение в 2020 г. дискурс, связанный с COVID-19 преследовал несколько целей. Во-первых, за всеми способами репрезентации COVID-19 (*outbreak, pandemic, war, killer* и т.д.) стояло стремление предупредить реципиентов о потенциальной опасности, которую несет вирус. Такие формулировки проблемы представляют имплицитный призыв занять «боевые» позиции и подготовиться бороться с врагом. Во-вторых, разные способы репрезентации пандемии были также направлены на формирование у реципиентов того или иного отношения к Китаю, где был зарегистрирован первый случай заражения. В-третьих, дискурс, связанный с COVID-19, также оказался эффективным средством манипуляции.

При рассмотрении темы расизма обнаружилось, что не существует единого понимания и четкого определения термина «расизм». Сложность представляет также определение характеристик, которые указывают на расистские практики. Репрезентация расизма происходит не только через конструкции типа «привилегия белых» (*white supremacy*), «превосходство белых» (*white supremacy*), «белое лицо (*whiteface*) / блэкфейс» (*blackface*), «расизм против чернокожих» (*anti-Black racism*), но и через другие стратегии и тактики. Среди них не только языковые маркеры субъективности, тематическое ограничение и т.д., но и более сложные стратегии, такие как обратный расизм и расовый дальтонизм.

В рамках обзора было выявлено, что данные темы, являясь доминирующими в период с 2017 по 2021 г., претерпевают изменения, в результате чего дискурсивная парадигма испытывает определенные сдвиги. В будущем необходимо дальнейшее изучение перечисленных доминирующих тем дискурсов репрезентации женщин, расизма и COVID-19 в связи с их постоянным изменением в настоящее время.

Список литературы

- Burke M.A.* Colorblind racism // *Sociological Perspectives*. – 2017. – Vol. 60 (5), Special issue : New Frontiers in the Study of Colorblind Racism. – P. 857–865.
- Communicating about COVID-19 in four European countries: similarities and differences in national discourses in Germany, Italy, Spain, and Sweden / *Sjölander-Lindqvist A., Larsson S., Fava N., Gillberg N., Marciano C., Cinque S.* // *Frontiers in Communication*. – 2020. – Vol. 5. – P. 1–14.
- Kilgo K.D.* When is the «racist» designation truly applicable? News media's contribution to the debatability of racism // *Television & New Media*. – 2021. – Vol. 22 (2). – P. 186–204.
- Kramer S.* The power of critical discourse analysis: investigating female-perpetrated sex abuse victim discourses // *Transforming Research Methods in the Social Sciences: Case Studies from South Africa*. – Johannesburg : Wits University Press, 2019. – P. 236–250.
- Loke J., Bachmann I., Harp D.* Co-opting feminism: media discourses on political women and the definition of a (new) feminist identity // *Media, Culture & Society*. – 2017. – Vol. 39 (1). – P. 122–132.
- Mills C.E.* Framing Ferguson: Fox News and the construction of US racism // *Race & Class*. – 2017. – Vol. 58 (4). – P. 39–56.
- Milutinović I.* Media framing of COVID-19 pandemic in the transitional regime of Serbia: Exploring discourses and strategies // *Media, Culture & Society*. – 2021. – Vol. 43 (7) – P. 1–17.
- Osisanwo A.* Discourse representation of COVID-19 in selected newspaper editorials // *Athens Journal of Mass Media and Communications*. – 2021. – Vol. 7 (3). – P. 1–20.
- Power K., Rak L., Kim M.* Women in business media: a Critical Discourse Analysis of representations of women in Forbes, Fortune and Bloomberg BusinessWeek, 2015–2017 // *Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines*. – 2020. – Vol. 11 (2). – P. 1–26.
- Risdaneva R.A.* Critical Discourse Analysis of women's portrayal in news reporting of sexual violence // *Studies in English Language and Education*. – 2018. – Vol. 5 (1). – P. 121–136.

- Roca-Sales M., López-García G.L.* Contemporary portrayals of women and femininity. A case study of lifestyle blogs in the U.S. // *Journal of Research in Gender Studies*. – 2017. – Vol. 7 (2). – P. 186–210.
- Simonardóttir S., Gíslason I.V.* When breast is not best: opposing dominant discourses on breastfeeding // *The Sociological Review*. – 2018. – Vol. 66 (3). – P. 665–681.
- Simonardóttir S., Rúdólfssdóttir A.G.* The «good» epidural: women’s use of epidurals in relation to dominant discourses on «natural» birth // *Feminism & Psychology*. – 2021. – Vol. 31 (2). – P. 212–230.
- Smith J.A.* Learning from a «Teachable Moment»: the Henry Louis gates arrest as media spectacle and theorizing colorblind racism // *Media and Power in International Contexts: Perspectives on Agency and Identity*. – 2018. – P. 35–50.
- Sun W.* The virus of fear and anxiety: China, COVID-19, and the Australian media // *Global Media and China*. – 2021. – Vol. 6 (1). – P. 24–39.
- Wagner A., Trimble L., Sampert S.* One smart politician: gendered media discourses of political leadership in Canada // *Canadian Journal of Political Science*. – 2019. – Vol. 52 (1). – P. 141–162.
- Yoong M.* Postfeminist discourses and work femininities in women’s media // *Professional Discourses, Gender and Identity in Women's Media*. – Palgrave Pivot : Cham, 2020. – P. 93–121.
- Yu H., Lu H., Hu J.* A corpus-based Critical Discourse Analysis of news reports on the COVID-19 pandemic in China and the UK // *International Journal of English Linguistics*. – 2021. – Vol. 11 (2). – P. 36–45.

Чернявская В.Е.
ТЕКСТ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ :
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ДИСКУРСИВНЫЙ
АНАЛИЗ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ. –
М. : ЛЕНАНД, 2021. – 208 с.
(Реферат)

Ключевые слова: смыслопорождение; смысловосприятие; пост-грайсовская парадигма; практика; индексальность; рефлексивность; понимание / непонимание; метапрагматика; языковая идеология; власть дискурса; визуальный поворот.

Валерия Евгеньевна Чернявская – доктор филологических наук, профессор Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, специалист в области общей теории и методологии исследования текста и дискурса, социальной семиотики¹.

Коммуникативная деятельность в социуме рассматривается автором с позиций метапрагматики, социальной индексальности, идеологии языка и политкорректности. Подход к тексту и дискурсу осуществляется в пост-грайсовской парадигме: контекстуализация трактуется как фактор, определяющий понимание и непонимание в социальных ситуациях. При этом язык анализируется во

---

¹ Автор работ: Лингвистика текста: Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность. – М. : Кн. дом «Либроком», 2009. – 248 с.; Интерпретация научного текста. – 5-е изд-е. – М. : URSS, 2010. – 128 с.; Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. – М. : URSS, 2011. – 270 с.; Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. – М. : Флинта, 2012. – 128 с.; Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. – М. : Флинта, 2013. – 208 с.; Текст в медиальном пространстве. – М. : URSS, 2014. – 232 с.; Научный дискурс: выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. – М. : ЛЕНАНД, 2017. – 144 с.

взаимосвязи с другими семиотическими ресурсами, участвующими в порождении социальных значений.

Книга состоит из введения, восьми глав и заключения.

Как указывается во введении, «язык, функционирующий в контексте и анализируемый в контексте, может быть определен термином ‘дискурс’» (с. 6). Анализ такого объекта имеет междисциплинарный характер, поскольку автономный лингвистический анализ (ориентированный на парадигму структурной лингвистики) недостаточен «в своих объяснительных возможностях смыслопорождения и понимания в социуме» (с. 9).

Во введении перечисляются ключевые понятия, используемые автором в последующих главах: 1) *практика*, составляющими которой являются субъекты дискурса (индивидуальные или коллективные), идеологические установки, культурно-специфические нормы и конвенции; 2) *индексальность* – языковая маркировка социальной практики; 3) *рефлексивность* – сопоставление действия с его осмыслением и описанием, придание значения через осмысление; 4) *контекстуализация* – «речемыслительный процесс выдвижения говорящим и процесс понимания адресатом внешних неязыковых факторов как существенных смысловых опор, задающих рамки для интерпретации и понимания высказываний / текстов» (с. 13); 5) *социальное значение* – смысловое приращение к значению единицы в контексте ее исследования; 6) *понимание / непонимание*: в противоположность доминирующему представлению, что понимание – это нормальный результат взаимодействия, тогда как непонимание – это нарушение того, что естественно и нормально, в монографии В.Е. Чернявской доказывается, что именно непонимание (неверное понимание) является «гораздо более естественной развязкой для коммуникации» (с. 15); 7) *метапрагматика*, объектом которой является рефлексия со стороны наблюдающего за использованием языка в ситуации; 8) *языковая идеология* как ориентация на сложившуюся практику использования языка.

В главе первой «Язык в действии : между семантикой и прагматикой» выделены три основных дискуссионных вопроса.

1. Как интерпретируются эксплицитная информация и имплицитная, обладающая своей выразительной силой? Имплицитные смыслы, существующие и определяемые только в связи с тем,

что выражено, могут быть рассмотрены на уровне семантики (как приращение к буквальному значению языковой единицы) и на уровне прагматики (как контекстуально вариативные).

2. Как распознаются дополнительные, т.е. коннотативные, смысловые приращения к предметно-понятийному ядру слова? Констатируется связь между коннотациями, рефлексивностью и сопутствующими социально обусловленными смыслами. Последние отражают языковую идеологию и реализуются в сфере эвфемизации («стагнация экономики» → «нулевой рост», «не курить → «спасибо, что вы не курите»).

3. Как соотносятся агентивность и творческая свобода субъекта, с одной стороны, и предзаданность (детерминированность) в использовании языка и понимания – с другой? В решении этого вопроса различаются два подхода: а) языковые средства рассматриваются как инструментарий для реализации цели и функции текста (функциональная стилистика, прагмастилистика, теория коммуникативных максим П. Грайса); б) в речевой коммуникации реализуется предзаданность интерпретации, диктуемая властью дискурса и идеологией языка; под их влиянием складываются устойчивые фреймы смыслопорождения, которые порождают рамку восприятия, создают идеологические, политические, методологические границы для вполне определенной интерпретации; эти два подхода не только не находятся в жестком противоречии друг с другом, но их сочетание даже способствует глубине восприятия высказываний.

В главе второй «Язык в действии : текст, дискурс, корпус» дается краткий обзор лингвистических концепций XX в., приведших к установлению новых приоритетов в XXI в. Изменения начались с поворота от системной, статичной лингвистики к лингвистике текста, что оценивается как «своего рода революция в лингвистическом сознании» (с. 29), толчком к которой было высказывание немецкого лингвиста П. Хартманна: «Если мы говорим, то говорим текстами». Следующий этап связан с прагматическим поворотом в гуманитарных науках, приведшим к признанию оппозиции «текст – дискурс». В.Е. Чернявская трактует дискурс как транстекстовую структуру, создаваемую за счет глубинной содержательно-тематической связности отдельных текстов – когезии, «функционального единства, интертекстуальности, интердис-

курсивности. Дискурс – это особый способ употребления языка, его особый модус» (с. 43–44).

Методологическую новизну дискурсивного анализа автор видит не в привнесении нового инструментария, а в применении традиционных методов анализа текстовой структуры за пределами отдельного высказывания / текста. «Некий текст будет считаться репрезентативным для ‘научного, фашистского, патриотического’ дискурса не потому, что в нем используются слова *наука*, *фашизм* или *патриотизм*, но с опорой на то, какие смыслы выявляются за использованием слов» (с. 44).

Описывается соотношение дискурсивного и корпусного анализа: корпусный количественно ориентированный подход сфокусирован не на создании смыслов в текстах, а на выражении значений; дискурсивный анализ учитывает не только то, что выражено, но и то, что не выражено.

В критическом анализе дискурса (Т. ван Дейк, Р. Водак, Н. Ферклаф) акцент делается не на языке как структуре, а на характере социокультурных процессов, стоящих за использованием языка, на взаимосвязи языка, власти и идеологии. В.Е. Чернявская приходит к выводу, что обособление дискурса как лингвистического объекта и, соответственно, дискурсивного анализа позволяет решать две ключевые взаимосвязанные задачи: 1) продолжить использование методов лингвистического анализа за пределами не только предложения, но и текста; 2) соотнести язык и социокультурную практику употребления, языковые и неязыковые действия.

В главе третьей «Понимание : от принципа кооперации к контекстуализации» излагаются преимущества постграйсовской парадигмы, т.е. разработанного П. Грайсом принципа кооперации, центральное место в котором занимает взаимопонимание – совместное действие отправителя и получателя сообщения. Коммуникативные максимы П. Грайса основаны на допущении, что оба участника общения в достаточной мере знакомы с ситуацией, что трудно достижимо. Как подчеркивает В.Е. Чернявская, в противном случае эти максимы не работают. В постграйсовской парадигме важнейшей составляющей стал контекстуализм, т.е. признание зависимости смыслопорождения от контекста. При этом центральным становится вопрос о том, как ограничить контекст до тех зна-

чимых аспектов, на которые участники коммуникации ориентируются.

Объяснительный подход предложен в теории релевантности П. Сбербера и Д. Вилсон, которые определяют контекст как ментальную схему в голове, направляющую коммуникативный процесс и состоящую из допущений и предположений о мире у получателя сообщения. Таким образом, теория релевантности делает акцент на интерпретации высказывания с позиции реципиента. Поскольку в реальной ситуации ментальные схемы участников общения далеко не всегда совпадают, диалогичность выглядит «гораздо чаще как столкновение и даже конфликт, нежели комфортное совпадение точек зрения и пересечение смысловых пространств» (с. 74).

Взаимопонимание в социальной практике опирается на релевантный контекст, который создает смысл, понимаемый собеседником, – смысл, которым можно управлять. Этим вопросам посвящена глава четвертая «Контекстуализация и управление контекстом». Под контекстуализацией (понятие введено Д. Гамперцом) имеется в виду процесс выдвижения говорящим и понимания адресатом экстралингвистических составляющих как смысловых опор, определяющих рамки интерпретации высказывания. Различаются два типа контекста: контекст порождения высказывания и контекст его восприятия. Для контекстуализации важно понимание социального значения (термин М. Сильверстайна) используемых языковых средств, что особенно подчеркивается в социолингвистике третьей волны¹, начавшейся с 2000-х годов и сделавшей акцент на рассмотрении идентичности как принадлежности к определенной социальной группе и, соответственно, на социальном значении. В книге В.Е. Чернявской подчеркивается, что его нельзя отождествлять с коннотацией в традиционном семантическом понимании. «Социальное значение проявляется только внутри ситуации в сочетании с другими составляющими дискурса. С точки зрения социальной индексальности выделение

---

¹ Первая волна началась с 1960-х годов, и ее представители сделали акцент на исследовании языковой вариативности с учетом макросоциальных категорий (класс, статус, возраст, гендер и т.д.); вторая волна началась с 1970–1980 гг., и акцент был перенесен на исследование локальных языковых сообществ и малых социальных групп. – *Прим. реф.*

денотативного ядра значения и дополнительных значений не всегда возможно» (с. 96).

В главе пятой «Метапрагматика коммуникации» особое внимание уделяется понятию рефлексивной составляющей общения, т.е. способности выделить в структуре высказывания некоторые элементы и сосредоточить на них внимание. Рефлексия – это рациональный процесс, обеспечивающий доступ к оценочным установкам, пресуппозициям, стоящим за языковым выражением. Рефлексия всегда сопровождает нашу коммуникативную деятельность, «без метапрагматической активности... не может быть связности и согласованности взаимодействия вообще, поскольку именно метапрагматическая деятельность создает саму структуру связности» (с. 102). В качестве метапрагматических индикаторов чаще всего выступают лексические единицы, выражающие комментарий, пояснение, уместность высказывания, объясняющие оценочное отношение к содержанию пропозиции, например: «это шутка», «это не телефонный разговор», «будем говорить открытым текстом».

Выделяются два основных направления в области метапрагматики: 1) обеспечение адекватной контекстуализации высказывания (в том числе и предотвращения непонимания); 2) создание новой рамки понимания – фреймов восприятия и оценки ситуации, направляющих понимание в другое русло.

Значение взаимодействия рефлексии и метапрагматического знания человека подчеркивается в главе шестой «Языковая идеология и власть дискурса», так как их сочетание на уровне устойчивых фреймов определяет направление языковой идеологии, которая «характеризует встроенное в ситуацию, предубежденное, заинтересованное использование концепций и языка» (с. 118). Понятие языковой идеологии соотносимо с понятиями габитуса (по П. Бурдьё, это система устойчивых схем и установок человека), археологии знания (по М. Фуко, это фон, соотносящий событие с конкретным высказыванием), дискурса (см. выше). В дискурс-анализе дискурс рассматривается как выражение идеологии. Власть дискурса проявляется в том, что он охватывает все возможности для появления определенных высказываний или действий и, следовательно, обладает возможностью управления высказываниями. Аналогичным понятием является идеология, которая

представлена в двух видах: 1) как совокупность стереотипных представлений (например, различных политических доктрин); 2) как любой семиотический факт, интерпретируемый в свете социальных интересов. Идеология языка создается как результат социальной практики, например политической корректности.

Дискурс-анализу посвящена глава седьмая «Политизация контекста», в которой он характеризуется как научный подход к речевой коммуникации, выявляющий связь идеологии, дискурса и специально сконструированной формы социальной практики. Акцент делается на анализе политизации контекста восприятия.

Полисемиотическому характеру современной коммуникации посвящена глава восьмая «Поликодовая коммуникация», в которой констатируется начало так называемого «визуального поворота» в исследованиях. Он выражается в растущей популярности «визуальных методик анализа» (с. 174), использовании таких терминов, как «визуальная коммуникация», «визуальная аргументация», «визуальная метафора», «визуальный дискурс» и т.д. Подчеркивается важность признания автономности визуального изображения, на которое направлена рефлексивная деятельность человека, по отношению к языковому коду. Продуктивность и объяснительный потенциал визуального поворота В.Е. Чернявская видит в том, что «он по-своему позволил найти и обозначить точки соприкосновения в исследованиях процессов понимания и социального контекста» (с. 189).

В заключение констатируется невозможность полного совпадения смысла в коммуникации «на входе» и «на выходе»: при порождении и восприятии высказываний оно не достижимо и не является необходимым условием взаимодействия между участниками общения. «Напротив, несовпадение знаний и пресуппозиций коммуникантов является характерной приметой коммуникации» (с. 190).

Н.Н. Трошина

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ. ФРАЗЕОЛОГИЯ

УДК: 81'23

DOI: 10.31249/ling/2022.02.04

Куликова О.В.

СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНАЯ СРЕДА АНГЛОФОННОГО СООБЩЕСТВА В ОТРАЖЕНИИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

*Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению изменений, происходящих в социально-коммуникативной среде современного англоязычного сообщества, вызванных явлениями экстралингвистического плана и вербализующихся посредством неологизмов английского языка. В качестве исследовательского материала используется новая лексика, постепенно входящая в англоязычный дискурс и на сегодняшний день не зафиксированная в английских моноязычных толковых или энциклопедических словарях. Исследуются случаи возникновения новой лексики в зоне интеграции социально-коммуникативных сфер. Выявляются социопрагматические факторы развития английского языка. Определяются социально-коммуникативные сферы, служащие «донорами» для современного английского языка.

Ключевые слова: социально-коммуникативная среда; социально-коммуникативная сфера; англоязычное сообщество; неологизм; когнитивно-прагматический потенциал новой лексики; социопрагматический фактор.

Kulikova O.V.

**SOCIAL AND COMMUNICATIVE ENVIRONMENT OF THE
ANGLOPHONE COMMUNITY IN THE REFLECTION
OF THE MODERN ENGLISH LANGUAGE**

*Moscow State Institute of International Relations (University);
Ministry of Foreign Affairs (Russia)*

Abstract. The article is devoted to the changes occurring in the social and communicative environment of the modern English-speaking community that are caused by the phenomena of the extralinguistic plan and are verbalized through neologisms of the English language. As a research material, the new vocabulary is used, which is gradually entering the English-language discourse and is not currently recorded in the English monolingual explanatory or encyclopedic dictionaries. The cases of the emergence of new vocabulary in the zone of integration of social and communicative spheres are investigated. Sociopragmatic factors of the English language development are revealed. The socio-communicative spheres serving as «donors» of the modern English language are determined.

Keywords: social-communicative environment; social-communicative sphere; English-speaking community; neologism; cognitive-pragmatic potential of new vocabulary; sociopragmatic factor.

В условиях формирования новой реальности и стремительного ускорения информационного потока социально-коммуникативная система, составляющая основу любого языкового сообщества, подвергается преобразованиям, связанным с возникновением новых социальных ситуаций, изменениями в структуре общения между их участниками, модификацией характеристик социальных ролей. Происходящие в социуме изменения обусловлены как явлениями и событиями широкого контекста коммуникативного процесса, так и повседневным социальным опытом, формирующим социально-коммуникативную среду современного общества.

Сложность и многообразие современного мира, пестрая картина сегодняшней жизни, сосуществование «старой», всем привычной, и «новой» реальности, которая все увереннее завоевывает

позиции в нашей жизни, скорость происходящих перемен не могут не отразиться в языке, особенно в его лексическом составе, что делает возможным выделить ряд социальных факторов, характеризующих языковое сообщество определенного периода и дающих представление о наиболее динамично развивающихся сферах его существования. Структурно социально-коммуникативная среда языкового сообщества представляет собой совокупность различных сфер общения – от обыденного повседневного до профессионального, – многие из которых демонстрируют тесную взаимосвязь, при этом изменения в одной из них создают эффект домино, находя немедленный отклик в смежных, а иногда и довольно далеко отстоящих друг от друга, областях жизни и деятельности человека. При этом происходит выдвижение наиболее значимых на сегодняшний день социально-коммуникативных сфер в центр социально-коммуникативной среды языкового сообщества, благодаря чему формируется ее современное ядро. Одновременно с этим наименее релевантные для современной жизни социально-коммуникативные сферы отступают на второй план, составляя ее периферию. Подобные трансформации в рамках социально-коммуникативной среды находят отражение в языке, знаменуясь появлением новой лексики для обозначения появляющихся понятий и явлений.

Отмечая связь между социальными и языковыми преобразованиями, исследователи указывают на «наличие тетрады взаимосвязей “языковая система – языковая среда – культура – образ жизни в целом”, позволяющей по-особому рассмотреть социальные, когнитивные и прагматические факторы» [Хутыз, 2007, с. 5]. Данное положение подтверждается результатами проведенного нами исследования новой лексики английского языка, аккумулярованной в произвольном порядке на сайте Кембриджского словаря, на данный момент не систематизированной и не вошедшей в официальные лексикографические источники.

Английский язык, как чрезвычайно динамичное и «чуткое» ко всем изменениям в жизни социума явление, мгновенно и гибко реагирует на перемены, происходящие в мире и отражающиеся в социально-коммуникативной сфере современного англоязычного сообщества.

Исследование нововведений в лексическом составе современного английского языка дает представление о наиболее суще-

ственных тенденциях, характеризующих современный англофонный мир. По мнению некоторых обозревателей, английский язык неприхотлив; и, принимая новое слово, он обращает мало внимания на красоту его формы, гораздо важнее – его способность адекватно передать суть обозначаемого явления [Mikanowski, 2018], что коррелирует с предположением о роли **прагматического фактора** в «судьбе» неологизма. Будет ли новая лексическая единица закреплена в лексикографических источниках, зависит, прежде всего, от того, насколько она отвечает таким критериям, как ее необходимость для обозначения нового понятия или явления, удобство ее использования в речи, прозрачность ее значения и доступность для понимания большинства носителей языка.

Что касается первого критерия – необходимости / востребованности лексической единицы, – то в связи с этим будет уместно привести цитату из ответов респондентов на вопросы анкеты, подготовленной составителями Кембриджского словаря. Так, на вопрос о необходимости в современном английском языке такого слова, как **infodemic**, респондент ответил: «*Infodemic – quite a good word in present time, one gets disoriented with such a lot of information on one theme*»¹.

Существование в информационном обществе требует от его членов умения хорошо ориентироваться в лавинообразном информационном потоке, разобраться в котором нелегко даже подготовленным людям. Слово «*infodemic*», образованное по аналогии с «*epidemic*» и «*pandemic*», достаточно точно обозначает это явление, что, несомненно, облегчает понимание членами языкового сообщества новой реальности.

Остальные критерии (а именно: удобство использования лексической единицы в речи, ее семантическая прозрачность и доступность для понимания) составляют такое свойство лексической единицы, как *usability*, имплицитное когнитивно-прагматический потенциал новой лексики.

В качестве наиболее продуктивных способов образования неологизмов, репрезентирующих новые концепты доминантных, или центральных, социально-коммуникативных сфер англоязычного общения, мы выделяем следующие²: различные варианты

¹ <https://dictionaryblog.cambridge.org/2020/06/22/new-words-22-june/>

² Подробнее об этом см.: [Куликова, 2020].

блендинга (слияние нескольких слов или их частей – «осколочных элементов») [Хрущева, 2009]: *shelfie, infobesity*¹; объединение нескольких полных слов в устойчивое словосочетание для обозначения новых понятий и явлений в жизни социума: *last-chance tourism; mixed reality; range anxiety*), аналогия (*Wood Wide Web / World Wide Web; Black Fiveday / Black Friday*), гибридизация способов формирования неологизмов (например, сочетание таких механизмов, как блендинг и аналогия: *doorbuster*), метафоризация (*golden quarter*), использование узуально закрепленных лексем в новом значении (*zebra – a new company that aims to improve society as well as to make a profit*), аббревиатуры и редуцированные формы (*LAT – living apart together; JAM – just about managing*), использование рекуррентной лексической единицы в качестве связующего звена часто тематически не связанных лексических новообразований (*blue: blue space = any body of water or the area around it; blue mind = a calm state of mind caused by being close to water; blue acceleration – the increase in humans' use of resources found in the world's seas and oceans*), заимствования (*koselig (Norwegian); plogging (Swedish), firgun (Hebrew)*).

Сегодня социально-коммуникативная среда англофонного языкового сообщества характеризуется доминирующей ролью социально-коммуникативных сфер, имеющих первостепенное общественное значение. Охватившая весь мир пандемия расставила приоритеты в современной жизни, выдвинув на первый план такую область, как **здоровье и здравоохранение**. Следует отметить, что интеграция социально-коммуникативных сфер, присущая современному обществу, в полной мере проявляется и во взаимодействии сферы здоровья и здравоохранения с другими, чаще всего смежными, областями: областью **повседневной реальности, медицины, технологий** и др., что находит свое отражение в языке. Так, введенные в Великобритании в связи с распространением коронавирусной инфекции ограничительные меры, повлиявшие на *жизненный уклад населения*, породили новые явления, получившие свое наименование в английском языке, например:

---

¹Здесь и далее в качестве примеров неологизмов современного английского языка рассматриваются слова, приведенные в произвольном порядке на сайте Кембриджского словаря <https://dictionary.cambridge.org/ru/> в разделе New Words: <https://dictionaryblog.cambridge.org/category/new-words/> за период с 2016 по 2021 г.

– **social bubble** (a small group of family and friends who are permitted to see each other as the COVID-19 lockdown measures are gradually eased);

– **corona corridor** (an area that people are allowed to travel through to reach a particular destination as the COVID-19 lockdown measures are gradually eased);

– **covexit** (the process of easing the restrictions on public life imposed by the COVID-19 pandemic);

– **cleanliness theatre** (the practice of cleaning public buildings and other places in a very obvious way so that the users of those buildings and places feel reassured about how clean they are);

– **air bridge** (a flight route between two countries where the COVID-19 virus is well controlled, enabling people to travel without having to go into quarantine afterwards);

– **double bubble** (the people from two separate households who are allowed to see each other as part of the gradual easing of restrictions during the COVID-19 pandemic).

Такое известное в медицине явление, как **brain fog**, которое обычно рассматривалось как негативный результат неправильного образа жизни, было переосмыслено и приобрело новый оттенок в контексте пандемии, расцениваясь теперь как постковидный синдром.

Слова повседневного лексикона, вошедшие в «ковидный» слоган, введенный британским премьер-министром Борисом Джонсоном (**hands, face, space**), в своей совокупности стали символизировать заботу о собственном здоровье и здоровье ближнего.

Примечательно, что сложившаяся в мире тяжелейшая ситуация, связанная с необходимостью не сдаваясь преодолевать разнообразные трудности, сказала и на выборе слова года – 2021. По версии Кембриджского словаря, им стало слово «*perseverance*»¹.

Пандемия внесла свои коррективы и в другую общественно значимую социально-коммуникативную сферу – **климатические изменения**, – требующую внимания всех участников и постоянного диалога: проведение регулярной конференции ООН, намеченное на 2020 г., было перенесено на осень 2021 г. Состоявшаяся в Глазго 26-я Конференция ООН по изменению климата 2021 г. (COP26) служит подтверждением актуальности данной темы. Происходящие на планете климатические изменения очевидны и ощутимы для многих, что находит свое отражение в современном английском языке. Почти повсеместно отмечающееся потепление, в частности более высокие температуры осенью, получило название *hotumn* (*an autumn where the temperatures are warmer than usual for the season, thought to be at least partly caused by climate change*). Обрели свои наименования новые климатические явления, например: *supercell* (*a type of severe thunderstorm in which a column of rotating air is sucked upwards, and is usually accompanied by extreme weather conditions such as very heavy rain or hailstones*) и *thundersnow* (*a thunderstorm with snow instead of the more usual heavy rain*) – явление, более типичное для США, чем для Великобритании. Как это часто бывает, события, связанные с экстремальными погодными условиями, могут лечь в основу художественных произведений – книг, фильмов, – чему в английском языке уже дано название и что в очередной раз демонстрирует взаимодействие и взаимопроникновение различных социально-коммуникативных сфер (в данном случае сферы **климатических изменений** и **художественного дискурса**): *cli-fi* (*books, movies etc. about bad events that occur because of climate change, such as wildfires and droughts*): «*Climate change needs stories, and readers need them to be told*», he said. «*There are figures, statistics, but these don't really say anything. Cli-fi makes people more aware of the situation.*» [phys.org/news, 15 November, 2019].

---

¹ <https://www.vedomosti.ru/society/news/2021/11/17/896276-kembridzhskii-slovar>

«Экология» – это социально-коммуникативная сфера, представляющая собой тему для активного общественного обсуждения. На повестку дня выносятся вопросы, возникающие по мере эволюции экологического дискурса, соответственно, эволюционирует язык данной сферы. На сегодняшний день наиболее существенными вопросами выступают такие, как:

- проблемы переработки промышленных отходов и экологически недружественных материалов, что зафиксировано в тематически релевантных неологизмах (*infinity recycling* – a way of recycling plastic that never reduces its quality, which means it can be recycled an unlimited number of times; *forever chemical* – one of a group of chemicals that do not break down in the environment or in the human body);

- меры, принимаемые для смягчения наносимого природе вреда (*latte levy* – a tax paid on disposable, non-recyclable coffee cups the aim of which is to encourage customers to bring their own cup and therefore reduce waste; *eco-guard* – someone whose job is to protect wild animals, especially those that are endangered; *slow fashion* – the activity of making and buying clothes that are of high quality and designed to last, with low impact on the environment);

- экология как основа здорового образа жизни (*ecotherapy* – a method of improving someone's well-being by engaging them in outdoor activities such as gardening and conservation work; *raw water* – water that is unfiltered and untreated, thought by some people to be a healthier alternative to tap water; *forest city* – a city with a very large number of plants and trees that absorb substances causing pollution and create a healthy atmosphere).

Влияние экологической обстановки на здоровье человека, связь с природой как способ достижения **здорового образа жизни** являются одними из приоритетных и постоянно обновляющихся тем, находящихся на пересечении таких социально-коммуникативных сфер, как экология, здоровье человека, здоровый образ жизни, медицина. Прежде всего, в группу неологизмов, коррелирующих с относительно новыми концептами этих сфер, входят лексические единицы, имеющие отношение к теме **здорового питания** (*mono meal* – a meal made up of only one food item (usually a type of fruit or vegetable), thought by some people to have health benefits; *root-to-stem* – referring to a trend in cooking that involves

*using as much of a fruit or vegetable as possible; **birch water** – a drink made from the sap of the birch tree, said to have health-giving properties; **vegducken** – a cooked dish consisting of three different types of vegetables placed inside each other; **super coffee** – coffee that has had ingredients such as seeds, oats and spices added in order to increase its health benefits), а также к теме, связанной с пользой физической активности, здорового сна и времяпровождения на природе (**slow adventure** – a type of holiday involving outdoor activities that allow you to appreciate the natural environment and are not physically demanding; **napercise** – a type of exercise class that involves sleeping for a short time; **clean sleeping** – the practice of getting enough good quality sleep in order to improve or maintain one's health).*

В современной социально-коммуникативной среде англоязычного сообщества также наблюдается пересечение социально-коммуникативных сфер **здоровье человека** и **современные технологии**, в результате чего формируется еще одна сфера – **человек в цифровом пространстве**. Такое пересечение обусловлено прежде всего обеспокоенностью современного общества преимущественно негативным влиянием бурного роста технологий на физическое и психическое состояние человека, о чем свидетельствуют, например, такие неологизмы, как: **phast** – a 'phone fast': a period of time during which someone chooses not to use their smartphone; **infobesity** – the state of having access to so much information that it leads to difficulties with decision-making, concentration and understanding; **screen fatigue** – the situation where people feel they spend too much time reading text on an e-reader, tablet, etc.; **Gameboy disease** – a spinal condition in children caused by looking down at hand-held devices for long periods; **computer vision syndrome** – a condition of the eye caused by spending a large amount of time looking at a computer screen; **FOLO** – abbreviation for «**fear of living offline**»: the feeling that you have to post attractive photos of yourself on social media to make your life seem interesting; **digital nutrition** – the process of making sure that using mobile phones, computers etc. is not harmful for your physical and mental health – и многие другие.

Более того, область «Современные технологии» изобилует неологизмами, обозначающими киберпреступления разной степе-

ни тяжести: **jackpotting** – *the crime of hacking into a cash machine in order to obtain money*; **cryptojacking** – *the illegal activity of secretly using someone's computer to obtain new cryptocurrency (digital currency produced by a public network rather than by a government)*; **distracted walking** – *the minor crime of crossing the road while looking at your mobile phone or similar device and therefore posing a danger to motorists and other pedestrians*; **smombie** – *a pedestrian who is distracted by their mobile phone or similar device*; **malicious insider** – *a person within an organization whose actions threaten the security of that organization's activities or data*; **fearware** – *a type of cyberattack that exploits an existing sense of fear among people and encourages them to click on a link that will harm their computer* и др.

Нейтральная лексика, репрезентирующая новые явления и понятия из области интернет-технологий как составляющей более широкой сферы современные технологии, не имея аналогов, способных заменить ее в современном английском языке, скорее всего, закрепится в его лексическом составе. К данной группе можно отнести такие лексические единицы, как: **a-commerce** – *the business of buying and selling goods using technologies such as augmented reality so that purchasers can see items in their real-life context before they buy them*; **Amazon effect** – *the increase in e-commerce and the resulting closure of many physical shops, named after the online retailer Amazon, the success of which has had a significant influence on shopping habits*; **droneway** – *a long, level piece of ground with a specially prepared smooth, hard surface on which drones take off and land*; **biometric border** – *the place in an airport where someone's identity is checked using image recognition technology*; **macroscope** – *a system of computer programs and mathematical instructions that will enable very large amounts of data about the world to be analysed and understood*; **nanny cam** – *a camera hidden in a home that films the activities of the people employed to look after the children*; **e-skin** – *a thin material, or a garment made from this material, that contains sensors and can monitor motion and bodily functions such as heart rate and breathing* и др.

К этой же группе относится новая лексика, отражающая развитие и многочисленные возможности использования сети Интернет: **the internet of me** – *a system of objects with computing devices in them that are able to connect to each other using the internet and ex-*

*change personal data about their owner; **the internet of senses** – a way of using computer technology to allow people to experience all five senses (sight, hearing, touch, taste, and smell) when they are online; **the internet of everything** – the interaction between people, data, machines, communications and interactions using a system of linked devices; **device mesh** – a network of electronic devices that can find information and communicate with other people and organizations using the internet.*

Технологический прогресс, появление виртуальной реальности, необходимость адаптироваться к новым условиям и возможности широкого применения новых технологий в обычной жизни привели к возникновению специфических характеристик подрастающего поколения (**generation mute** – a way of referring to the generation of young people who tend to use written forms of communication, such as texting, rather than making phone calls), а также к формированию новых привычек, рабочих и обыденных практик, новых способов ведения бизнеса и даже законов, название которых постепенно входит в номинативное поле английского языка: **cyberloafing** – the activity of spending working hours engaged in online activities that are not work related, such as social media sites and surfing the internet; **zombie law** – a law that bans people from crossing the road while distracted by their mobile phone or similar device; **conversational commerce** – direct conversations between people and companies or services using technology such as apps; **WhatsApp diplomacy** – the use of the WhatsApp messaging service in international diplomacy to communicate and build relationships; **deep learning** – a branch of artificial intelligence that uses algorithms based on the neural networks of the brain; **cybersoldier** – a member of the military who works in the field of cyberwarfare; **digital divorce** – an online process to end a marriage legally; **social eating** – a practice that involves filming yourself while you eat and posting or streaming it on a social media website; **teletherapy** – the treatment of mental illness by discussing someone's problems with them using videoconferencing rather than in person; **techno-optimism** – the belief that technology changes the world for the better. Отдельно следует отметить такое явление, как **immersive hybrid reality**, обозначающее «a set of images and sounds, produced by a computer, that seem to represent a workplace environment». Очередной этап в разработках искусствен-

ного интеллекта привел к появлению такого понятия, как *affective AI* – *a type of artificial intelligence (technology that allows computers to share some of the qualities of the human mind, such as the ability to understand language and solve problems) that can measure and interpret human emotions*. Информация о явлениях технологического порядка, особенно об особенностях виртуальной реальности, которая все более уверенно завоевывает позиции в социально-коммуникативной среде, представляется особенно важной не только в силу новизны и необычности происходящих технологических изменений, но также и потому, что, по утверждению исследователей, пребывание человека одновременно в двух средах, обозначаемых в английском языке как «*mixed reality*», может негативно сказаться на безопасности человека, его психическом состоянии и требует серьезной адаптации к новым условиям существования [Евсеева, Евсеев, 2017].

Говоря о специфике социально-коммуникативной среды англофонного сообщества, необходимо хотя бы бегло упомянуть такое типичное для англоязычных стран явление, как **мультикультурализм**, неизменно являющееся поставщиком неологизмов в современном английском языке. Как показывает обработанный нами эмпирический материал, большинство нововведений, обусловленных взаимопроникновением различных культур, оказываются связанными с **национально-культурными особенностями мировосприятия** (*lagom* – a Swedish word meaning ‘just enough’, especially when relating to one’s lifestyle; **IKEA effect** – the tendency to like something more if you have built or created it yourself), а также обнаруживаются в области **практик повседневной жизни** (*to beditate* – to meditate in bed) и **кулинарии** (*egg coffee* – a Vietnamese hot drink consisting of coffee mixed with egg yolks, sugar, condensed milk and sometimes butter or cheese; *omurice* – a Japanese dish consisting of an omelette filled with fried rice and topped with ketchup; *raindrop cake* – a translucent Japanese dessert made from mineral water and a type of gelatin; *soup dumpling* – a Chinese dish consisting of a small ball of dough filled with soup; *crossushi* – a croissant with sushi inside it).

В заключение следует отметить продуктивность принятого Кембриджским словарем подхода к освоению неологизмов, возникающих в социально-коммуникативной среде англоязычного со-

общества. Новая лексика никак не систематизируется и не фиксируется в словаре, однако ее соответствие критериям, о которых мы упоминаем в начале статьи, проверяется при помощи опросников, адресованных представителям широкой общественности – носителям английского языка.

Попытка классифицировать весь массив новых поступлений в английский язык, представленных на сайте Кембриджского словаря, довольно четко показала возможность распределения языковых нововведений в соответствии с социально-коммуникативными сферами, составляющими социально-коммуникативное пространство англофонного сообщества. Особый интерес представляют многочисленные случаи пересечения или интеграции сфер – тенденция, свидетельствующая о расширении концептуальной наполняемости смежных социально-коммуникативных областей, что, в свою очередь, приводит к увеличению числа неологизмов со сложной семантикой. В зависимости от актуальности и релевантности для общественного сознания выделяются центральные социально-коммуникативные сферы, бурно пополняющиеся языковыми нововведениями, и периферийные, испытывающие на данном временном отрезке минимальные трансформации. Центральные социально-культурные сферы выступают активными «донорами» современного английского языка.

Учитывая роль английского языка как средства международного общения, представляется перспективным рассмотреть его взаимодействие с другими языками в плане участия в формировании базы неологизмов того или иного национального языка.

Список литературы

- Евсеева Л.И., Евсеев В.В.* Проблема социальной адаптации человека в новых коммуникативных средах // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – Т. 8, № 2. – С. 20–30. – DOI: 10.18721/JHSS. 8202
- Куликова О.В.* Социопрагматическая обусловленность современных тенденций развития английского языка // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. – 2020. – № 8, август. – С. 163–169.
- Хрущева О.А.* Блендинг в системе словообразования // Вестник ОГУ. – 2009. – № 11(105), ноябрь. – С. 95–101. – URL: vestnik.osu.ru/2009_11/19.pdf (дата обращения: 18.11.2021).

Хутыз И.П. Социальная обусловленность языковых реализаций как категория лингвистической прагматики : автореф. дис. ... д-р филол. наук. – Краснодар, 2007. – 44 с. – URL: <http://cheloveknauka.com/sotsialnaya-obuslovlennost-yazykovyh-realizatsiy-kak-kategoriya-lingvisticheskoy-pragmatiki#ixzz7CP4yCJV8> (дата обращения: 18.11.2021)

Mikanowski J. Behemoth, bully, thief: how the English language is taking over the planet. – 2018. – URL: <https://www.theguardian.com/news/2018/jul/27/english-language-global-dominance> (дата обращения: 20.11.2021)

Цзин-Шмидт Чжо
ЭВФЕМИЗМ
Jing-Schmidt Zhuo Euphemism // Researchgate.
[Электрон. ресурс]. – URL:
<https://www.researchgate.net/publication/353225633>¹
(Реферат)

Ключевые слова: эвфемизмы; средства и способы эвфемизации; язык и культура; универсальное vs специфическое в языках и культурах; английский язык; китайский язык; немецкий язык.

Статья содержит системный анализ дефиниций, мотиваций и функций эвфемизмов. В ней также описаны способы выражения языковых эвфемизмов и намечены перспективные пути их дальнейшего исследования.

Автор статьи подчеркивает, что лингвисты в своих определениях по-разному акцентируют назначение и причины употребления эвфемизмов, однако все выделяют два ключевых признака этого класса языковых единиц: во-первых, это стремление говорящего смягчить выражение, избегая «неприятного», «резкого», «обидного» слова, т.е. слова-табу (в английских дефинициях даются разные атрибуты для характеристики слов-табу: *harsh, distasteful, offensive word*). Данная установка приводит к тому, что референт выражения не называется прямо. Во-вторых, в качестве обязательного признака называется намеренное применение эвфемизмов.

---

¹Статья снабжена пометой: To appear: *Online Handbook of Pragmatics* (2021), ed. by Jan-Ola Ostman & Jef Verschueren <https://benjamins.com/online/hop> – *Прим. реф.*

Рассматривая мотивации употребления эвфемизмов, автор обращает особое внимание на социальный фактор: попытку уменьшить объем и интенсивность негативных эмоций в обществе через выбор слов. Такая мотивация определяет динамику взаимоотношений эвфемизмов и табу: стремление избегать прямых обозначений негативных или рассматриваемых в данном социуме как негативные явления стимулирует постоянный поиск «смягчающих» слов и выражений. Данный процесс является причиной короткой жизни эвфемизмов. Эвфемизмы, особенно частотные, по мнению ряда лингвистов, быстро теряют эффективность, так как вызывают в сознании носителей языка именно те слова и обороты, которые они должны заместить. Однако эксперименты свидетельствуют также о том, что имеют место и противоположные реакции на эвфемизмы: многие носители языка более благоприятно отзываются о говорящих, использующих знакомые эвфемистические выражения. Более того – эвфемизмы способны влиять на поведение адресатов, потому что участники эксперимента чаще выражали согласие участвовать в тех действиях, которые были названы эвфемистически.

Цзин-Шмидт Чжо обращает внимание на универсализм явления эвфемизации. Например, практически во всех языках существуют табу на прямое название таких явлений, как смерть и относящиеся к ней предметы, болезни, инцест, секс, нижние части тела человека и их функции. Это культурно-языковая мотивация, результатом которой становится обилие эвфемизмов, относящихся к данным тематическим областям, в разных языках. Так, далекие друг от друга языки выбирают для обозначения смерти и ее атрибутов метафору мирного сна / отдыха: кит. *táiping jiān*, букв. «комната покоя» и англ. *chapel of rest* с тем же значением для наименования морга. В подобных случаях эвфемизмы выполняют защитную функцию. Однако с этой функцией связана и опасность эвфемизмов: они служат «прикрытием» для негативных явлений, таких как бедность, война и др., избегая их прямого названия и тем искажая реальную картину и восприятие данных явлений в обществе. Так, оборот *collateral damage*, букв. «сопутствующий ущерб» – англ. военный эвфемизм стал узуальным для обозначения гражданских лиц, убитых во время военных действий. Эвфемизмами являются также слова и выражения, придуманные для

обозначения опасных для человечества технологий: нем. *Kernkraft*, букв. «ядерная энергия» вместо прямого *Atomkraft* – слова, используемого противниками атомной энергетики.

Эвфемизмы могут выполнять также «возвышающую» функцию (*uplifting function*). Так, в наше время проявилась тенденция обозначать «непристижные» профессии словосочетаниями с лексемами, денотаты которых имеют в культуре высокий престиж, например англ. *engineer: domestic engineer* для обозначения того из родителей, кто отказывается от работы по профессии и остается дома с детьми, или же *sanitation engineer* для обозначения профессии сборщика мусора.

Возвышающая функция часто вызывает сдвиг фокуса в семантизации референта. Так, в разных культурах для обозначения полной женщины используются слова, акцентирующие не толщину, а признак формы, и оценивающие этот признак положительно: нем. *Rubensfigur*, англ. *curvy* – «изогнутая», «соблазнительная», кит. *fūtài* – букв. «выглядящая изобильно».

Кроме того, эвфемизмы – одно из людических, или игровых, средств языка. В этой функции они часто являются неологизмами и основываются на фонетическом или морфологическом сходстве с заменяемыми словами. Например, в китайском секторе Интернета возникает множество неологизмов, пародирующих табуированные и неприемлемые для цензуры слова. Так, *hé-xiè* со значением «речной краб» пародийно воспроизводит омофонное *hé-xié* «гармония» – слово, длительное время применявшееся как официальный эвфемизм вместо прямого выражения «политическая цензура». Эвфемизмы также выполняют функцию солидарности внутри какой-либо группы или субгруппы. Например, англоязычные потребители марихуаны называют себя *herbalists* и *herbivores* – «травники» и «травоядные».

Множество функций эвфемистических слов и выражений показывает, что они представляют собой важный инструмент регулирования языкового поведения, связанный с психологией как личности, так и общества, и с культурными ценностями.

Среди способов формирования эвфемизмов автор статьи уделяет особое внимание метонимии и метафоре. Данные образные средства основаны на концептуальной связи эвфемизмов с табуированными соответствиями. Метонимия базируется на связи

между объектами, (co)существующими в общем концептуальном пространстве, что позволяет выразить через не прямое эвфемистическое выражение смыслы, понятные большинству носителей языка и культуры. Так, древнееврейское библейское /*boq*/ со значением «яма» является метонимическим эвфемизмом для обозначения мистического понятия «царство мертвых»; в современном английском языке метонимия, основанная на ассоциации «часть – целое», лежит в основе эвфемизма *the use of force* «применение силы», замещающего нежелательное слово «война».

Метафора называет объект, часто непредметный, именем предмета, принадлежащего к другому домену, но известного из повседневного опыта. Поэтому она также хорошо выполняет в коммуникации функции косвенного наименования и узнавания. Эвфемизмы часто основываются на базовых универсальных метафорах. Так, в английском языке для обозначения беременности используется кулинарная метафора *a bun in the oven*, букв. «булочка в печи», в то время как в немецком – метафора жизни как путешествия: *etwas unterwegs*, букв. «что-то в дороге».

Есть также другие способы создания эвфемизмов, оперирующие на разных уровнях языка и / или текста и систематически используемые разными языками. Например, фонологические и морфологические подобию, заимствования, стратегия непрямого отказа, перенос неприятного события или признака на 3-е лицо вместо прямого отнесения их к собеседнику, визуальная эвфемизация графических знаков в языках, использующих иероглифику.

В заключение Цзин-Шмидт Чжо отмечает неоднозначную связь эвфемизмов с культурой: с одной стороны, в разных культурах и языках наблюдаются эвфемизмы, построенные по одинаковым содержательным и формальным принципам, и эта тенденция к универсализму обнаруживает общность психологии человека и устройства социума. С другой – между культурами и языками существуют различия, вызванные разными условиями жизни и нормами поведения, разными традициями, верованиями и структурой языков. Это вызывает к жизни разные семантические и формальные пути создания эвфемизмов. Поэтому они, как и другие насыщенные культурой языковые знаки, проявляют специфику лингвокультуры. Перспективное научное направление автор статьи видит в

исследовании факторов, влияющих на использование эвфемизмов и динамику их моделей.

Е.О. Опарина

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Ефимова В.С.

**ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ СТАРОСЛАВЯНСКОГО
ЛЕКСИЧЕСКОГО ФОНДА. –**

М. : Институт славяноведения. РАН, 2021. – 264 с.

(Реферат)

Ключевые слова: старославянский язык; лексикология; свв. Кирилл и Мефодий; памятники древнеславянской письменности.

В монографии пути формирования старославянского лексического фонда рассматриваются с применением новых методов исследования. Автор выдвигает гипотезы о переводческих установках св. Кирилла в разных сферах номинации – деривации, образования композитов, передаче греческого суперлатива славянскими средствами и т.д. Уделяется внимание мало исследованным номинациям субстантивированными причастными формами и несколькословными наименованиями. Новые данные подтверждают высказывавшиеся и ранее автором монографии соображения, что существует принципиальное различие между процедурами создания композитов и образования однокоренных суффиксальных дериватов и что поморфемное калькирование особенно нуждается в переосмыслении его содержания в качестве словообразовательной процедуры в старославянском языке.

В первой главе «Принципы и методы исследований старославянской лексики» автор изложил принципы и методы исследований старославянской лексики, которых он придерживался в последние годы своей научной работы и которые нашли применение в последующих главах, посвященных различным способам пополнения старославянского лексического фонда. При изучении путей формирования старославянского лексического фонда автор считает целесообразным принять ту трактовку понятия «старосла-

вянский язык», которая выражена в позиции, сформулированной акад. Н.И. Толстым, так как в таком случае материалом исследования становится не лексический инвентарь случайно сохранившихся рукописей «старославянского канона», а лексический инвентарь языка, реально существовавшего во второй половине IX в. Описываются также предложенные ранее автором новые методы изучения старославянской лексики – метод «от греческой лексемы к старославянской» (т.е. метод сопоставления греческой лексики со старославянской, при котором «отправным пунктом» является греческая лексема) и метод изучения старославянской лексики в тезаурусных греческо-старославянских группах (уже ранее примененный автором на практике при изучении старославянских наименований лиц).

Особое значение для выявления номинационной стратегии славянских книжников имеет разделение старославянского лексического фонда на старую славянскую лексику, почерпнутую книжниками из народной славянской речи того времени, и новую старославянскую лексику, которую создавали сами книжники в процессе переводов. Далее отмечается, что такая дифференциация старославянской лексики – хотя и связанная с рассмотренными автором немалыми проблемами – важна не только для исследований по самому старославянскому языку, но и для исторического языкознания вообще. Без выявления той части общеславянского лексического фонда, которая была создана самими славянскими книжниками, невозможны ни адекватная оценка границ праславянского лексического фонда, ни успешное изучение лексики отдельных славянских литературных языков и ее истории. Высказываются также и соображения автора по сложнейшей и, видимо, одной из наиболее актуальных проблем современной палеославистики – проблеме исследования особенностей лексического узуса Охридской и Преславской школ письменности, их сходства и различий.

Гипотеза о существовании переводческой установки св. Кирилла на использование суффиксации определенными продуктивными суффиксами при деривации и образовании композитов для компенсации греческого артикля обосновывается во второй главе «Калькирование и суффиксация». Путем анализа языкового материала автор постарался показать, что, по замыслу св. Кирилла, ис-

пользование продуктивных старославянских суффиксов в процедурах деривации не было предназначено для калькирования греческих суффиксов (которых иногда просто не было у передаваемых старославянскими однокорневыми дериватами греческих слов), но роль старославянской суффиксации состояла во многих случаях в компенсации греческого артикля, выступавшего в языке греческих оригиналов в качестве субстантивизатора. Анализ языкового материала подтверждает также высказывавшиеся ранее автором работы соображения о том, что поморфемное калькирование особенно нуждается в переосмыслении его содержания в качестве словообразовательной процедуры в старославянском языке и что существует принципиальное различие между процедурами образования композитов и образования однокорневых суффиксальных дериватов. При создании старославянского композита, помимо использования славянских классифицирующих (т.е. словообразовательных и словоизменяющих) морфем, книжники переводили, как правило, две корневые морфемы греческого композита, т.е. в определенной мере подражали морфологической структуре греческого слова. Однако массу однокорневых старославянских дериватов с продуктивными суффиксами нет никаких оснований зачислять в поморфемные кальки.

Сопоставление в третьей главе «Композиты» словообразовательных моделей старославянских композитов со словообразовательными моделями их греческих образцов демонстрирует довольно высокую степень свободы славянских книжников в выборе словообразовательных моделей. Выбранная ими модель в каждом конкретном случае могла как совпадать со словообразовательной моделью греческого образца, так и не совпадать, демонстрируя их ориентированность на старославянский словообразовательный механизм. В этой главе также автор показывает, каким образом первоначальная установка св. Кирилла на перевод двукорневых греческих слов простыми словами (*simplex*'ами) в дальнейшем эволюционирует в сторону перевода композитами. Однако сохраняется другая установка св. Кирилла – на использование в процедуре калькирования двукорневых греческих слов продуктивных суффиксов, которые указывали на частеречную принадлежность новообразованного слова к адъективам либо к субстантивам. Автор обращает внимание на то, что суффиксация продуктивными

суффиксами отличала старославянское сложение от сложения в славянской народной речи того времени и использовалась шире, чем в греческом сложении. Выдвигается еще одна гипотеза: в отсутствие артикля как такового в славянском грамматическом строе, суффиксация намеренно вводится св. Кириллом в процедуру образования композитов с целями различения композитов-адъективов и композитов-субстантивов, номинирующих предметы (лица).

Номинации субстантивированными причастными формами и несколькословные номинации рассматриваются в четвертой («Номинации субстантивированными причастными формами») и пятой («Несколькословные номинации») главах. Здесь свою задачу автор видел в выявлении критерия, по которому эти наименования следует считать единицами старославянского лексического фонда, и приходит к выводу, что единственным критерием, на который можно положиться при интерпретации старославянского текста, является выполнение этими наименованиями функции номинации лингвистических концептов. Суммируя определения лингвистического концепта, данные представителями разных школ и направлений, автор понимает «лингвистический концепт» как некую дискретную единицу ментального лексикона носителя языка, однако, поскольку при анализе старославянских текстов по большей части мы имеем дело с «конкретными» концептами, их более традиционно можно было бы называть стоящими за словами понятиями. По характеру номинирования лингвистического концепта автор разделяет номинации субстантивированными причастными формами на два вида, усматривая в них принципиальные различия: к первому относятся наименования предметов (в широком смысле, в том числе лиц), номинирующие их по постоянным действиям, постоянным состояниям и свойствам, ко второму – наименования предметов (лиц), номинирующие их по непостоянным действиям и непостоянным состояниям.

Шестая глава «Передача греческого суперлатива» посвящена переводческим установкам св. Кирилла, благодаря которым удалось преодолеть такое различие в грамматическом строе греческого и славянского языка эпохи первых переводов на старославянский язык, как наличие в греческом языке адъективных и адвербиальных суперлативных форм в отсутствие славянских спе-

циальных (синтетических) адъективных и адвербиальных суперлативных форм. В старославянских текстах наблюдается многообразие способов передачи греческого суперлатива, которое обусловлено целым рядом взаимоперекрещивающихся факторов, и не в последнюю очередь тем, что в греческом языке эпохи создания текстов Св. Писания и раннехристианской литературы уже начался процесс смешения компаративных и суперлативных форм. Автор описывает разнообразные способы перевода греческих суперлативных форм и форм с суперлативным значением средствами старославянского языка.

Далее автор отмечает, что, изучая пути пополнения старославянского лексического фонда, нельзя было пройти мимо такого интересного явления, как непосредственное вовлечение основ греческого происхождения в словообразовательные процедуры. Это явление, особенно характерное для начального этапа становления старославянского языка, рассматривается в седьмой главе «Словообразовательное освоение грецизмов».

В предыдущих главах автор постоянно обращался к оценке характера и степени влияния греческого языка на формирование старославянского лексического фонда. Данная глава посвящена описанию способа его пополнения, при котором греческий язык являлся языком, непосредственно включенным в старославянские словообразовательные процедуры, а именно образованию новых слов с помощью славянских словообразовательных морфем от производящих основ греческого происхождения.

Образование новых слов с помощью славянских словообразовательных морфем от производящих основ греческого происхождения достаточно часто имело место в сфере образования прилагательных, наблюдается оно также и при образовании существительных. В процессе перевода славянскими книжниками греческих текстов в старославянский лексический инвентарь вводились в виде грецизмов названия множества неизвестных ранее (или мало известных ранее) славянскому миру понятий и реалий, географических названий и имен собственных.

Образование новых слов с помощью славянских словообразовательных морфем от производящих основ греческого происхождения было особенно характерно для начального этапа становления старославянского языка, хотя, конечно, отдельные примеры

этого явления наблюдаются и позже. Уже в процессе самых первых кирилло-мефодиевских переводов грецизмы – как адаптированные, так и неадаптированные – включались в словообразовательные процедуры, соединяясь с исконными славянскими аффиксами и создавая тем самым гибридные образования, характерные для ситуаций билингвизма. Вместе с тем это были уже славянские слова, которые должны были восприниматься реципиентами старославянских текстов – основной массой христианизировавшихся славян – как в какой-то мере понятные, так как содержали в своей структуре в качестве значимой части слова славянский аффикс (чаще всего суффикс), состоявший, как правило, из «яркой», выразительной последовательности фонем.

Таким образом, в монографии автор представил научному сообществу славистов свой взгляд на формирование старославянского лексического инвентаря, свое понимание процессов, проходивших в «творческих лабораториях» славянских первоучителей свв. Кирилла и Мефодия, их учеников и последователей, – понимание, хотя и опирающееся на огромный опыт изучения кирилло-мефодиевского наследия, но во многих случаях отступающее от традиционного.

Е.А. Казак

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Ломакина О.В., Мокиенко В.М.
ОЧЕРКИ РУСИНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ. –
М. : РУДН, 2021. – 97 с.
(Реферат)

Ключевые слова: восточнославянские языки; русинский язык; фразеология; паремиология.

Монография состоит из введения, четырех глав и заключения.

Работа посвящена исследованию фразеологии и паремиологии русинского языка – одного из восточнославянских языков. Впервые для русинологии предлагается сопоставительный анализ важнейших лингвокультурологических оппозиций, фразеобразующих компонентов.

Во введении отмечается, что изучение системы малых языков в эпоху глобализации особо значимо, ибо в таких языках сохраняются и культивируются фрагменты национальной народной культуры, еще не поглощенной центростремительными потоками современной цивилизации, выражающейся в овладении лексикой и фразеологией, и способствует возрождению малых языков (с. 3).

Проблема определения статуса русинского языка, с одной стороны, осложняется региональным «разбросом» русин, с другой – непростой политической ситуацией, связанной с признанием этого народа и, как следствие, непризнанием их языка. После распада СССР интерес к русинскому языку вырос, изменились и дискурсивные практики (появление СМИ, произведений художественной литературы, лексикографических источников), тем самым русинский язык утверждался как литературный, поэтому возникла необходимость в описании языковой системы языка.

Описание фразеологической системы русинского языка, как и других малых языков, способствует их сохранению, ибо фразео-

логия нередко является «консервантом» народных культурологем и языковой архаики. До настоящего времени фразеологическая система русинского языка не описана системно, остается нерешенной и задача лингвокультурологической интерпретации русинской фразеологии и паремиологии на славянском фоне.

Источниками русинской фразеологии в данном исследовании являются, прежде всего, «Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари» Д. Попа и «Русинско-русский словарь» И. Керча. Кроме того, ценными являются и фразеологические словари лемковских говоров и бойковских диалектов. Ни в одном из данных словарей разделение фразеологии по разрядам не приводится.

Для описания фразеологической системы микроязыков в первую очередь исследуется этнокультурный компонент значения, который можно обнаружить в содержании тех фразеологических единиц (ФЕ), внутренняя форма которых отражает национально-культурные реалии: природно-климатические условия, в которых сформировался народ – носитель языка, традиционные формы его жизнедеятельности и хозяйствования, исторические события, обычаи, суеверия, фольклорные образы, разного типа онимы (собственные имена), предметы повседневного быта – одежду, обувь, пищу, посуду, мебель, орудия труда, музыкальные инструменты и др. Несомненно, учет этнолингвомаркеров важен при подробном описании фразеологической системы языка, в том числе малого.

Авторы отмечают, что, как показало проведенное исследование, специфика русинской фразеологии и паремиологии при сопоставлении с аналогичной украинской и русской проявляется в основном в форме единиц, а не в их содержании, отражающем, как правило, универсальные паремиологические идеи и дидактические рекомендации. Наблюдается сходство в переосмыслении фразообразующих компонентов в различных славянских языках. Специфичны также и некоторые варианты русинских пословиц, обнаруживаемые на фоне восточнославянских, а также словацких и чешских параллелей. Наибольшую генетическую близость, естественно, русинские паремии обнаруживают с украинскими пословицами, хотя при этом в целом и настоящее исследование подтверждает выдвинутый авторами тезис о межславянском языковом взаимодействии в русинской языковой зоне.

Фразеология и паремиология, как известно, имплицитно несут значимую информацию о культуре, истории, быте и других аспектах жизни соответствующего народа. Русинский язык в этом отношении не исключение. Познавательный потенциал русинских паремий особенно четко вырисовывается на фоне межъязыкового сопоставления – особенно на фоне русского и украинского языков. При этом важно учитывать, что разные группы фразеологии и паремиологии имеют различные качественные и количественные квоты познавательного потенциала. Выявление национального специфического на фоне общего поможет более объективно и нюансированно раскрыть познавательный потенциал как русинской паремиологии, так и сопоставляемых (и сопоставимых) с нею близкородственных – украинской и русской.

Таким образом, русинская паремиология и фразеология дают немало материала для наблюдений над межславянским языковым взаимодействием. Находясь на границе восточнославянского и западнославянского миров, русины сохраняют свою генетическую приверженность Восточной Славии, но в то же время открыты для взаимодействия с западнославянским пространством.

Е.А. Казак

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Меркулова И.А.

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЯДРА СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ /
Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж : изд. дом ВГУ, 2021. – 254 с.
(Реферат)**

Ключевые слова: славянские языки; лексикология; лексическая нуклеология; параметрический анализ лексики; межславянские языковые связи; квантитативная лексикология; компьютерная обработка словарных данных.

В монографии обосновано и реализовано на славянском материале новое научное направление – лексическая нуклеология, имеющая свой собственный, ранее не исследовавшийся предмет, – параметрические ядра лексики родственных языков. Созданы предпосылки для описания лексико-семантических систем языков не в генетических терминах внешней лингвистики: «исконно-заимствованное слово», «заимствования из языка А», «заимствования из языка Б» и т.д., не в словообразовательном аспекте «непроизводное – производное», а на собственно лексических основаниях – по параметрам, образующим лексико-семантическую систему и характеризующим ее функционирование.

Работа состоит из предисловия, шести глав (глава 1 «Принципы целостного сопоставительного описания славянской лексики», глава 2 «Функциональные ядра лексики славянских языков», глава 3 «Синтагматические ядра лексики славянских языков», глава 4 «Парадигматические ядра лексики славянских языков», глава 5 «Эпидигматические ядра лексики славянских языков», глава 6 «Общая лексическая нуклеология славянских языков») и заключения.

Автор указывает, что *параметрическое ядро лексики* – это множество слов, выделенных на базе лексикографических источ-

ников (словарей) методом параметрического анализа лексики. Суть этого метода заключается в отборе лексических единиц в соответствии с четырьмя основными системными критериями: 1) функциональный (употребительность) – косвенно оценивается по длине слова; 2) синтагматический (широкая сочетаемость) – косвенно оценивается по количеству сочетаний с данным словом; 3) эпидигматический (продуктивность) – косвенно оценивается по количеству значений; 4) парадигматический (вхождение в многочисленные синонимические ряды) – оценивается по количеству синонимов.

По каждому из названных параметров необходимо получить так называемые частные параметрические ядра – ЧПЯ (функциональное, синтагматическое, парадигматическое и эпидигматическое) размером не менее 1000 слов каждое.

В результате слияния частных ядер получается итоговое множество – параметрическое ядро лексики словаря, в котором представлены: 1) слова с максимально богатыми системными связями, вошедшие во все четыре ядра, – это *малое параметрическое ядро лексики* (МПЯЛ); 2) слова, вошедшие в три частных ядра, – *большое параметрическое ядро лексики* (БПЯЛ); 3) слова, вошедшие в два частных, относятся к периферии большого параметрического ядра; 4) слова, представленные только в одном частном ядре, в силу немногочисленности их системных связей составляют потенциально релевантную часть лексики.

Актуальность работы состоит в ее соответствии современным представлениям о системном и полевом устройстве лексики, а также в необходимости *целостного сопоставительного* описания лексики славянских языков. Именно лексические данные предоставляют более дифференцированный и количественно богатый материал для изучения межславянских языковых связей. Ощущается насущная потребность в определении типологических черт лексики современных славянских языков посредством выделения и сопоставления ядер их лексико-семантических систем. Представляется также актуальным и даже неизбежным использование новых информационных технологий для сбора и обработки больших объемов лингвистической информации.

Объектом исследования послужила лексика параметрических ядер восточнославянских (русского, украинского, белорус-

ского), западнославянских (чешского, словацкого, польского, ниже- и верхнелужицкого, кашубского) и южнославянских (сербского, хорватского, македонского, словенского, болгарского) языков, представленная в различных лексикографических источниках. Суммарный объем исследованных словарей составляет около 670 500 слов.

Предметом исследования являются *аспектная* типологическая дифференциация славянских языков (по частным параметрическим ядрам лексики, выделенным по одному из параметров) и *интегральная* типологическая дифференциация славянских языков (по большим параметрическим ядрам лексики, состоящим из слов, входящих не менее чем в три частных параметрических ядра из четырех возможных).

Цель исследования заключается в выделении, описании и сравнении лексико-семантических ядер 14 славянских языков и выявлении их типологических характеристик.

Методы и процедуры анализа, применяемые в исследовании: параметрический анализ лексики, компьютерная обработка словарных данных и приемы квантитативной лингвистики; качественный (дефиниционный) анализ языковых данных; описательный и классификационный методы.

Далее автор отмечает, что вводимое в работе понятие «нуклеология» имеет прозрачную внутреннюю форму (от лат. *nucleus* – ядро и греч. *logos* – слово, учение) – учение о ядре (ядрах).

В понимании автора *лексическая нуклеология* является разделом лексикологии, посвященным исследованию, сопоставлению и классификации параметрических ядер лексико-семантических систем.

Согласно мнению автора, лексико-семантическая система организована концентрически и может быть представлена как вложенные друг в друга ядра, которые составляют множества элементов (слов), не выбранных случайным образом, а отобранных по определенным критериям (параметрам). Лексика ядра должна содержать лексические единицы с максимальными показателями системообразующих свойств.

Предтечей лексической нуклеологии и ее методологическим основанием является квантитативная лексикология.

Преимущества используемой автором методики для получения лексико-семантического ядра представлены в следующем: во-первых, в ориентации на лексические единицы, имеющие высокий системный вес; во-вторых, указанная минимизация объекта сравнения происходит посредством собственно лексических (системных) параметров: употребительность, многозначность, широта сочетаемости, многообразие синонимии. Слова попадают в ядро не случайным образом, а в соответствии с высокими показателями представленности того или иного параметра на фоне всех единиц словаря.

Эти показатели являются *параметрическим весом лексемы*, высчитанным по формуле на всем объеме словаря. Вычисление параметрических характеристик позволяет по каждому из параметров распределить слова в интервале от 1 до 0. Сортировка слов по суммарному параметрическому весу в порядке его убывания позволяет получить ядро лексико-семантической системы данного языка. Таким образом, объектом сравнения оказываются наиболее важные в системном отношении слова. И в этом автор видит третье преимущество. Можно проводить сравнения и каждого из четырех частнопараметрических ядер, получая выводы о сходствах и различиях в парадигматике, синтагматике и т.д.

Параметрический анализ лексики позволяет определить самое системно «весомое» слово словаря. *Доминанта словаря* – слово, набравшее максимальный параметрический вес (по сумме четырех параметров).

Поскольку славянские языки являются близкородственными, сравнение полученных ядер возможно в двух аспектах: от значения к форме и от закономерно соотносящихся форм слов к их содержанию, что, в свою очередь, может помочь исследованию процессов лексической и семантической дивергенции.

Далее автор отмечает, что метод параметрического анализа лексики (ПАЛ) кардинально отличается от «сопоставительно-параметрического метода», суть которого изначально была в определении национальной специфики концептосферы языка и степени ее проявления по предложенным формализованным параметрам. По мере развития данного метода выявилась возможность его использования и для внутриязыковых исследований. К середине 2013 г. введено в общей сложности около 150 индексов для сопос-

тавительных и внутриязыковых исследований, а также разработано шесть шкал, позволяющих качественно интерпретировать полученные с помощью формализованных параметров количественные данные. При этом для каждого из языков берется по 100 наиболее употребительных слов и все 150 индексов вычисляются по толковым и двуязычным словарям для этой сотни. Накоплен большой материал, требующий более основательной содержательной интерпретации результатов. Методика параметрического анализа лексем совершенствовалась и развивалась на материале разных языков.

Согласно ПАЛ лексические единицы отбираются в ядро по четырем параметрам: функциональному, синтагматическому, эпидигматическому, парадигматическому. Естественно, не все эти параметры могут быть представлены у той или иной лексической единицы.

Единицы, имеющие вес по всем четырем параметрам, будут относиться к *малому параметрическому ядру* (МПЯЛ). Единицы, имеющие вес по трем и более параметрам, – к *большому параметрическому ядру* (БПЯЛ), по двум и одному параметру – к периферии. Кроме того, целесообразно сравнить и частные (функциональные, синтагматические, парадигматические, эпидигматические) ядра славянских языков (ЧПЯф, ЧПЯс, ЧПЯп, ЧПЯэ).

Таким образом, проведение исследования лексики группы родственных языков с применением единой методики позволяет перейти на принципиально новый уровень понимания их системного устройства.

Анализ частных параметрических ядер лексики, выделенных по *функциональному* параметру (ЧПЯф), показал, что распределения слов по длине в славянских словарях сходны и являются одновершинными. Типологически важная величина – *средняя длина слова* – условно делит славянские языки на северные: от белорусского до нижнелужицкого (их длина более восьми букв) и южные: от македонского до хорватского (их длина немногим более семи букв). Среди коротких слов преобладают трехзвучные корневые слова, фонетическая структура которых воспроизводит структуру и.-е. корня. Материал подтверждает и мысль о постепенном укорачивании слов, частотно употреблявшихся в течение длительного времени.

Анализ частных параметров ядер лексики, выделенных по синтагматическому параметру (ЧПЯс), показал, что *ключевые понятия фразеосферы славян* связаны с названиями частей тела человека, времени и его отрезков, глаголами бытия, обладания, движения, трудовой деятельности, а также – с обозначениями цвета и размера. По данным лексической нуклеологии, ЧПЯс чешского языка выступает центром распределения славянских языков по синтагматическому параметру и является связующим звеном между южно- и севернославянскими языками, хорватский же, напротив, демонстрирует наименее прочные связи своего ЧПЯс с ЧПЯс других славянских языков.

Анализ частных параметрических ядер лексики, выделенных по парадигматическому параметру (ЧПЯп), показал, что центрами семантической аттракции являются семемы 'ударить', 'бить', 'говорить', 'есть' ('питаться'), 'сходить с ума', 'обманывать', 'шуметь', 'смотреть'. К числу аксиологем носителей славянских языков относятся: *жизнь, движение, общение, работа, порядок, честность, застолье*. Общеславянскую парадигматику определяют ЧПЯп южнославянских и восточнославянских языков.

Анализ частных параметрических ядер лексики, выделенных по эпидигматическому параметру (ЧПЯэ), показал, что центрами семантической иррадиации являются лексические значения (семемы): 'тянуть', 'ставить' ('выставлять'), 'брать' ('взять', 'хватать'), 'собрать' ('соединить', 'сложить' 'связь'), 'идти' ('ходить', 'выходить', 'ход'). По данным лексической нуклеологии, отмечаются наиболее прочные связи ЧПЯэ словенского языка с ЧПЯэ остальных славянских языков, наименее же прочные демонстрирует ЧПЯэ словацкого языка.

Сложение частных параметрических ядер дало возможность автору получить итоговое множество слов, наиболее весомых в лексико-семантической системе языка. Размеренность полученных больших параметрических ядер славянских языков (БПЯЛ) колеблется от 141 слова (в верхнелужицком языке) до 702 слов (в словацком языке).

Нуклеарные доминанты, т.е. лексемы, имеющие максимальный параметрический вес, позволяют выделить шесть лексико-семантических типов славянских языков: «языки **движения**» (украинский, польский, верхнелужицкий, кашубский), «языки **дела**»

(словенский, чешский), «языки **удара**» (белорусский, нижнелужицкий), «языки **порядка**» (болгарский, сербский), «языки **человека**» (хорватский, словацкий) и «языки **обладания-наделения**» (русский, македонский).

Таким образом, нуклеарная лексическая макротипология славянских языков дополняет представления о взаимодействии лексических систем славянских языков в синхронии и наличии глубокой исторической памяти у большого параметрического ядра лексики.

Перспективы исследования могут быть интенсивными и экстенсивными. Это расширение объекта исследования за счет мертвых и микроязыков и углубление интерпретации полученных квантитативных данных.

Е.А. Казак

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

**СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА
КОРОНАВИРУСНОЙ ЭПОХИ /
Ин-т лингвист. исслед. Рос. акад. наук ;
сост.: Х. Вальтер [и др.]. – Санкт-Петербург :
Ин-т лингвист. исслед. РАН, 2021. – 549 с.
(Реферат)**

Ключевые слова: словари русского языка; словари толковые; неологизация; коронавирус; коронавирусная инфекция; пандемия; COVID-19.

«Словарь русского языка коронавирусной эпохи» и коллективная монография «Русский язык коронавирусной эпохи» являются двумя частями одного издания, посвященного исследованию и описанию динамических процессов в русском языке, происходящих в период пандемии коронавирусной инфекции.

В словаре представлено около 3500 слов, появившихся или актуализированных в русском языке в 2020–2021 гг. Для 1000 наиболее актуальных и значимых для текущей языковой ситуации слов дано лексикографическое описание, около 2500 слов приводятся без словарной обработки.

Авторы статей коллективной монографии анализируют разнообразную пандемийную неологию, яркое словотворчество, интенсивную языковую игру, происходящую на просторах Интернета и в современных массмедиа.

Появление новых слов и значений, активизация целого ряда слов и сочетаний, обусловленные пандемией коронавирусной инфекции и особенно – периодом строгого карантина, динамика различных языковых процессов, происходящих в лексико-семантической системе русского языка, способствовали очень интенсивному процессу пополнения его словарного состава.

Несколько параметров определяют специфику и уникальность языковой ситуации в период пандемии COVID-19.

Во-первых, пандемия и связанные с ней противоэпидемические меры затронули психологически каждого, результатом чего стал приток в язык массмедиа и Интернета не только огромного количества новаций, связанных с новыми объективными условиями жизнедеятельности человека, но и индивидуально-авторской лексики, которая наполнила сети и печать, отражая психологическое стремление всех желающих высказаться, самореализоваться, в том числе через словотворчество и способность человеческой природы освобождаться от коллективного стресса, от коллективного страха через юмор, иронию, сарказм.

Во-вторых, уникальность возникшей языковой ситуации определяется не только количественной интенсивностью неологизации словарного состава, но и ее скоростью: традиционные для языкового развития процессы (появление новых слов и значений, развитие многозначности, синонимии и пр.) стали происходить с невероятной быстротой.

В-третьих, особенность этого периода заключается в том, что процессы неологизации, интенсивной языковой игры оказались синхронными в той или иной степени для многих языков мира, что, безусловно, подтверждает социальную и психологическую природу языка и языкового развития, а также общую социальную тенденцию к глобализации. Этому способствовало и то, что впервые в истории эпидемия подобного масштаба возникла в эпоху Интернета и цифровых технологий.

Языковая ситуация, вызванная пандемией, – редкий случай в истории русского языка, когда за очень короткий период появившееся огромное количество новых слов и изменившееся употребление слов, уже имеющихся в языке, активизировавшиеся словообразовательные модели, те или иные активные формулы языковой игры позволяют запечатлеть момент языкового развития в его очень концентрированной форме.

Языковая стихия, бушующая на страницах СМИ и в Интернете, не могла не привлечь профессиональный интерес журналистов, лингвистов и лексикографов. И именно необходимость осмыслить, описать, успеть зафиксировать данную ситуацию и обусловила возникновение данного проекта – создание Словаря

русского языка коронавирусной эпохи и написание монографического исследования.

Монография представляет собой опыт объединения коллективных усилий специалистов в области русской и зарубежной лексикологии, лексикографии, словообразования, фразеологии, культурологии, медиалингвистики с целью углубленного представления широты, всего масштаба языковых явлений и процессов, которые происходили (и еще по инерции продолжают происходить) в русском языке периода пандемии коронавирусной инфекции.

Авторы словаря и монографии отмечают, что несколько месяцев 2020 г. дали такое количество нового языкового материала, как заимствованного, так и созданного по узуальным и окказиональным моделям, что традиционные процессы адаптации слова и значения были ускорены в десятки раз и к концу года в своей основе в русском языке сформировалась новая по составу (не менее 3500 лексических единиц) целостная лексико-семантическая система, включающая слова различных частей речи (существительные, прилагательные, глаголы, наречия, образованные по традиционным узуальным моделям) разнообразной стилистической окраски (от *офиц.* до *жарг.*) с развитой синонимией, антонимией, омонимией, энантиосемией, а также устойчивые сочетания и фразеологизмы. Такие ключевые слова периода, как *ковид*, *коронавирус*, и особенно прилагательные, образованные от них, – *ковидный*, *коронавирусный*, – обрели разветвленную систему узуальных значений (более 10), численно превосходящую семантические структуры общеупотребительных слов идентичной семантики. Все эти факты и процессы нашли свое отражение в словаре.

По типу словарь является *толковым тематическим словарем-справочником*. В связи с привязанностью тематики словаря к определенному историческому периоду – периоду пандемии коронавирусной инфекции (2020–2021) – словарь является *историческим*.

Целью составителей словаря было включение в него как можно большего количества обнаруженных в СМИ слов, с одной стороны, для отражения огромного реализованного в этот период словообразовательного потенциала стихийного словотворчества, с другой – для демонстрации его системности и регулярности.

В основной корпус словаря включались новообразования и новые заимствованные слова различных частей речи, образованные от ключевых слов преимущественно аффиксальными способами по моделям русского языка. В обязательном порядке в основной корпус словаря были включены все обнаруженные авторами глаголы и наречия – как традиционно наиболее редкие для процесса неологизации части речи. Также включались номинации, образованные путем контаминации, так как чаще всего такие слова ярко характеризуют процесс языковой игры эпохи и при этом нуждаются в словообразовательной справке.

Слова, образованные путем сложения основ, включались в корпус словаря только в тех случаях, если они были очень частотны, стали обозначать актуальные реалии (*ковид-больница, ковид-больной*) или обрели концептуальную значимость (*ковид-диссидент, коронанигилист, коронаскептик* и т.п.).

Таким образом, словарь и монография включают лексику, связанную с темой коронавирусной инфекции, пандемией COVID-19, с периодом карантина в связи с данной инфекцией, а также с такими социальными практиками, ставшими следствиями данной ситуации, как удаленная работа, институционализированное в связи с пандемией дистанционное обучение и массовое общение людей посредством компьютерных сервисов для видео-конференц-связи (в частности Zoom).

Е.А. Казак

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Бондаренко Е.Д.

**НАИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ДИАЛЕКТНОЕ
ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ. –
М. : ИНДРИК, 2021. – 584 с.
(Реферат)**

Ключевые слова: диалектология; наивная лингвистика; метаязык; метаязыковая рефлексия; диалектоносители.

Монография представляет собой комплексное исследование феномена наивной лингвистики носителей диалекта. Обсуждаются общие вопросы, связанные с изучением наивной метаязыковой рефлексии. Анализируются представления наивных лингвистов о специфике функционирования языка в обществе: социальной, территориальной, стилистической дифференциации языка, – а также специфика наивного восприятия различных разрядов лексики, как ономастической, так и аппелятивной. Ставится проблема художественного осмысления носителями диалекта языковых явлений; рассматриваются особенности функционирования рефлексивов в фольклорных текстах, сюжеты которых включают ситуацию лексических несовпадений участников коммуникации. Особое внимание автор уделяет феномену авторского толкования словаря как продукта прикладной деятельности наивных лингвистов.

Итак, в центре внимания исследования – тексты (метаязыковая лексика, метаязыковые высказывания, фольклорные произведения) и единицы системы языка, в которых отражена рефлексия рядовых носителей языка над собственной речью, т.е. проявления так называемой наивной лингвистики носителей диалекта.

Изучение метаязыковой деятельности «обычных» носителей языка находится в русле антропоцентрической парадигмы языко-

знания и позволяет обращаться к опыту смежных с традиционной лингвистикой дисциплин и направлений – прежде всего этнолингвистики, а также социолингвистики, лингвопрагматики, когнитивной лингвистики и пр.

Анализ лексических и текстовых данных в работе проводится с опорой на положения и подходы этнолингвистики – науки, направленной на «выявление информации о духовной культуре и ментальности народа, которая может быть эксплицирована по данным естественного языка» (с. 9).

Ставя своей задачей реконструкцию определенного фрагмента духовной культуры (а именно – представления носителей диалекта о языке), автор обратился к исследованию народной картины мира, которая является основным предметом изучения этнолингвистики. Таким образом, в данной работе осуществляется попытка реконструкции фрагмента наивной языковой картины мира, точнее – фрагмента «языковой картины языка».

Далее отмечается, что исследование выполнено на стыке этнолингвистики, социолингвистики и лингвистической прагматики – и представляет собой попытку комплексного этносоциолингвистического описания феномена наивной лингвистики диалектоносителей с привлечением материала в виде разных видов метаязыковых текстов: 1) свободных высказываний диалектоносителей (фактов спонтанной речи, в которых отражаются условия коммуникативной ситуации и языковой среды); 2) любительских словарей диалектоносителей (при понимании словаря как гипертекста, отражающего в дискретной форме значимую информацию о мире); 3) фольклорных текстов (примеров организованной речи, нацеленной на передачу культурной традиции).

Интерпретация языковых данных осуществляется с комплексным применением различных методических приемов и процедур лингвистики: контекстный анализ (в том числе анализ контекстной семантики); мотивологический анализ, который в первую очередь применяется при изучении народной ономастической терминологии (диалектных терминов со значениями ‘имя’, ‘кличка’, ‘название’ и др.); лингвопрагматический анализ, предполагающий главным образом изучение интенций диалектоносителей, становящихся создателями авторских словарей; контрастивно-типологический анализ лексических и текстовых единиц русского

и польского языков; текстологический анализ фольклорных произведений; направленный полевой сбор материала в условиях диалектологической экспедиции, в рамках которого, по сути, проводился эксперимент, моделирующий ситуацию активизации метаязыковой рефлексии диалектоносителей при контакте с носителями другого идиома (собирателями диалекта, владеющими «правильным», «городским» языком).

Метаязыковая деятельность диалектоносителей может быть обращена к осмыслению единиц различных уровней языка как своеобразных маркеров, указывающих на тот или иной вид социальных отношений участников коммуникации. Эта рефлексия реализуется в высказываниях носителей языка о проблеме синонимии языковых средств; в представленной в лексических фактах и метаязыковых текстах социальной стратификации языков; в размышлениях «наивных лингвистов» относительно взаимодействия и противопоставления различных идиомов (оппозиции «индивидуальное – общеупотребительное», «нормативное – ненормативное», «письменное – устное», специфика социальной и территориальной дифференциации идиомов). Кроме того, носители говоров осуществляют оценку уместного / неуместного в речи.

Осмысление диалектоносителями языка в его речевой реализации обуславливает сосуществование в народном сознании общих и «ситуативных» параметров оценки или классификации тех или иных явлений. В частности, свое представление о стратификации языка диалектоносители выстраивают, опираясь как на общие параметры (нормированность, письменность), так и на ситуативные, фиксирующие частные характеристики речи различных социальных групп.

На особенности метаязыковой рефлексии (что является ее объектом, как оценивается объект рефлексии, когда происходит активизация рефлексии) могут влиять разного рода «социальные» факторы. Значимую роль в построении метаязыковых высказываний, касающихся осмысления чужого диалекта или чужого языка, играет специфика территории проживания носителей рефлексии.

Некоторая зависимость «наивнолингвистических» представлений от особенностей языковой ситуации была выявлена, в частности, при рассмотрении метаязыковой рефлексии диалектоносителей, касающейся межъязыковых различий. Проживая в

монолингвальной среде (в изолированном от контактов с носителями иностранных языков положении), носитель диалекта склонен осмыслять другие языки как чужие, непонятные, оценивать их негативно и нередко наделять магическими функциями. Проживание в зоне постоянных языковых и этнокультурных контактов с носителями «чужого» языка стимулирует активность рефлексии над различиями языков, причем характер этой рефлексии может быть обусловлен как собственно языковыми, так и экстралингвистическими (социальными, историческими, политическими) факторами (ср., например, ситуацию на Балканах: языковое самосознание носителей болгарского и македонского языков является крайне обостренным, так как, по сути, отражает политическое и национальное самоопределение). Оценка диалектоносителями фактов «чужого» языка зависит также от системно-языковых особенностей контактного идиома. Например, при сравнении близкородственных языков весьма часто осмыслению подвергается в первую очередь звуковая сторона речи (наименование поляков *пшеки* , метаязыковая отмеченность белорусского *дзеканья*). В осмыслении же более «далеких» языков особенности произношения «чужаков» не являются столь релевантными и большую важность приобретает расхождение с лексикой «чужого» языка.

С этой точки зрения показательным оказался анализ польских данных. Языковая ситуация в Польше, очевидно, отличается от ситуации в России: находясь в центре Европы, Польша со всех сторон окружена другими государствами (Германия, Чехия, Словакия, Украина, Белоруссия, Литва). Соответственно, поляки вынуждены активно осмыслять «чужие» языки, причем на уровне мифологических представлений о «чужом», а, скорее, отталкиваясь от непосредственных контактов. Кроме того, в силу исторических событий носители польского языка были вынуждены находиться в ситуации постоянного общения с носителями других языков (немецкий, русский), причем «чужой» язык в то время занимал доминирующее положение, вытесняя собственный. С темой сохранения польского языка в неблагоприятных исторических обстоятельствах связано большое количество польских нарративов.

Автор полагает, что черты, которые отличают, по мнению диалектоносителей, их язык от языка соседей, становятся своеобразными «пограничными столбами», отделяющими друг от друга

локально-территориальные группы населения, причем такие «языковые» границы могут в сознании носителей рефлексии «корректировать» административные.

В центре исследования оказалась, в частности, рефлексия (осуществляемая как изнутри, так и снаружи) «вятчан» – локально-территориальной группы населения, находящейся на границе нескольких диалектных зон русского языка: костромских, нижегородских и вятских говоров. Вятчане активно осмысливают особенности собственного наречия, выделяют некоторые его специфические черты. В сознании жителей Вятки собственный говор, с одной стороны, противопоставляется литературному языку и другим диалектам (ср.: «Говорили свысока *по-московски* “малако”, “карова”, не “середа”, а “кухня”, не “хлев”, а “закутка”...»), а с другой – сам подвергается внутреннему дроблению на более мелкие единицы (ср. *ошишки*, *щекалы* ‘жители юго-западной части Вятской губернии’). «Вятское наречие» является одной из самых значимых характеристик языкового образа вятчан.

Вятский говор, согласно мнению соседей вятчан (главным образом костромичей), характеризуют различные особенности фонетики и просодии (аканье, чоканье, сохранение мягкости шипящих звуков, речь «с ростягом» и др.). На примере речи *вятчан vs вохмяхов* (жителей бассейнов р. Вохма) и *вятчан vs вочагов vs южаков* (жителей бассейнов рек Вочь и Юг) в работе проанализировано, каким образом метаязыковая рефлексия диалектоносителей может «сдвигать границы» проживания отдельных групп жителей.

Еще одно значимое для диалектоносителей направление метаязыковой мысли связано с тем, что язык нередко используется для категоризации явлений действительности, создавая сетки понятий. Например, сложная сеть социальных отношений с необходимостью влечет за собой разветвленную классификацию видов обращений и именованья – соответственно, в наивной картине языка формируется разветвленный терминологический аппарат народной антропонимики, а также формулируются «правила пользования» различными формами имени и обращения. Анализ особенностей народного осмысления конкретных языковых феноменов – имен собственных (антропонимов, зоонимов, топонимов) – с позиции «народной социолингвистики» также обнаружил, что осо-

бая роль, которую играют имена собственные в метаязыковой рефлексии, обусловлена их специфическими функциями в мифопоэтической традиции (в частности, в обрядах и магических практиках имя способно замещать самого человека), с одной стороны, и высокой социальной значимостью – с другой (имя может становиться своеобразным маркером положения человека в обществе, а способ именованья – маркером коммуникативной ситуации).

«Эталонность» мышления диалектоносителей реализуется, как уже отмечалось в работе, и в осмыслении ими механизмов наименования. Важность нормы для носителей народного сознания обуславливает, с одной стороны, развитие представлений о том, что является отступлением от нормы (ср. многочисленные правила выбора имени для ребенка), а с другой – приводит к установлению подробных правил функционирования имен в речи. В частности, детально разработана народная дифференциация личных имен, в основании которой лежат следующие параметры: степень официальной закреплённости (дихотомия «официальное – неофициальное имя»); способ функционирования в речевой практике (оппозиции «официальное – неофициальное имя»); способ функционирования в речевой практике (оппозиции «официальное – не официальное», «полное – не полное имя»); происхождение (оппозиция «свое – чужое имя», при этом маркированным является только один член оппозиции – «чужое имя»); время создания и функционирования (оппозиция «старое – новое имя»); степень «традиционности» (оппозиция «обычное – необычное, странное имя», где маркированным является «странное имя»). Что касается прозвищ, то они дифференцируются по функциональному параметру: разводятся прозвища, главная функция которых – собственно идентифицирующая, выделяющая человека среди других и относящая его к определенному роду (*по-старейшему*), и прозвища – закрепившиеся «*дразнилы*», функция которых – оценка и экспрессия (*курьезные*). Выделяются прозвища, данные представителям социальной группы, жителям соседней деревни, жителям определенного дома, членам определенной семьи, а также прозвища, функционирующие в определенной среде (ср. *домашняя фамилия, уличная кличка*).

Специфичность рефлексии носителей польского языка, касающейся особенностей восприятия личных имен и прозвищ, во

многим определяется социокультурными особенностями польского общества (ситуация «двойного имени», которая существует в Польше в настоящее время).

Еще один аспект наивной рефлексии диалектоносителей связан с такой специфической чертой диалектной личности, как использование языка, прежде всего, в его меморативной функции, что наиболее ярко проявляется в феномене наивной лексикографии.

Наивные словари сопоставимы по ряду параметров с другими феноменами рукописных собраний (рукописными календарями, народными сборниками фольклорных текстов). Общими оказываются проблемы, связанные с классификацией, подачей материала в собрании, а также некоторые авторские установки (меморативная функция произведений авторской собирательной культуры) и особая значимость отбора материала при сопоставлении собрания того или иного вида. Это может быть внешний взгляд носителя литературного языка или какого-либо диалекта на чужой идиом или взгляд «изнутри» (в словариках, составленных самими носителями описываемого диалекта). Можно выделить этнографические, энциклопедические, переводные, идеолого-популяризаторские интенции наивных лексикографов. Основная же установка авторов – меморативная – выражается лексикографами эксплицитно – в определении жанра словаря (словарь-воспоминание), в предисловии к словарю – или имплицитно – в принципах отбора и подачи лексики в словаре.

Наконец, метаязыковая рефлексия может реализовываться не только в жанре свободных нарративов и любительского диалектного словаря, но и в фольклорных текстах, а конкретнее – в бытовых сказках, устных нарративах, лингвистических дразнилках и анекдотах. Анализ механизма преобразования различных языковых явлений (в первую очередь тех, которые могут стать препятствием для коммуникации), осмысляемых диалектоносителями как сюжетообразующий элемент текста, приводит к следующим выводам. В текстах бытовых сказок, анекдотов, нарративов, дразнилок нередко обыгрывается несовпадение элементов лексического кода у участников коммуникации (как персонажей, так и «реальных» людей), и это может быть как художественным приемом, так и значимой составной частью сюжета. Основные лингвистические (точнее – лексикологические) проблемы, которые обыгрываются в

фольклорных текстах, – полисемия, омонимия, паронимия, междиалектная синонимия, буквализация внутренней формы слова / фразеологизма и др. Несовпадения вербальных кодов участников ситуации зачастую возникают в типовых коммуникативных ситуациях (обрядовые ситуации испытания молодой невестки или зятя, ситуации, связанные с несовпадением кодов диалектоносителей и жителей города, приехавших в гости; ситуации лексических недопониманий, в которые попадают дети, еще не овладевшие в полной мере лексической системой говора, и т.д.).

В заключении, на основании анализа различных каналов передачи метаязыковой информации, автор обозначает некоторые направления метаязыковой мысли, аспекты наивно-лингвистической проблематики, представляющие особую значимость для носителей диалекта.

Е.А. Казак

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

ЛИНГВОДИДАКТИКА

УДК: 81

DOI: 10.31249/ling/2022.02.05

Майорова Е.В.

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ INSTAGRAM ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ (Обзор)

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Аннотация. В последнее время вопрос об эффективности онлайн-обучения приобрел особую актуальность. Преподаватели активно изучают и внедряют в свою практику все новые и новые цифровые инструменты для обучения и тренировки студентов. В данном обзоре рассматриваются работы российских и зарубежных авторов, исследующих актуальность и возможные преимущества использования социальной сети Instagram в преподавании иностранных языков.

Ключевые слова: преподавание иностранного языка; онлайн-обучение; социальные сети; Instagram.

Дискуссии об эффективности онлайн обучения не утихают уже второе десятилетие. Актуальность этой темы возросла в разы, когда в 2020 г. школьники и студенты во многих странах мира были вынужденно переведены на дистанционную форму обучения в связи с пандемией COVID-19. Мировое преподавательское сообщество разделилось на два лагеря. В то время как одни критикуют онлайн-формат обучения, другие ищут возможность применения все новых и новых инструментов в преподавании различных дисциплин, включая иностранные языки. В данном обзоре будут рассмотрены работы российских и зарубежных преподавателей и

лингвистов, исследующих актуальность и возможные преимущества использования социальной сети Instagram в преподавании иностранного языка, в частности для развития отдельных навыков (письма, чтения, аудирования), расширения активного и пассивного словарного запаса и укрепления мотивации студентов.

Социальные сети (сокр. соцсети; англ. social networking service, SNS) – это онлайн-платформы, выполненные в виде сайта или мобильного приложения, используемые для создания социальных отношений, коммуникации или работы. Значимость присутствия в цифровой среде возрастает с каждым годом. Согласно отчетам за 2020 г., количество интернет-пользователей увеличилось на 7% по сравнению с данными за 2019 г. и составило 4,54 млрд человек. 3,8 млрд человек являются пользователями социальных сетей, и их количество также продолжает расти [Lukina, Lopteva, Gurova, 2020]. Соцсети представляют собой интерактивные платформы, что позволяет пользователям не только создавать свой собственный контент, но и активно участвовать в создании контента другими пользователями, «соавторствовать» с ними. Несмотря на некоторые функциональные различия, социальные сети бесплатны и легко доступны для пользователей, а также позволяют им делиться своими цифровыми публикациями с широкой аудиторией других участников интернет-сообщества [Berti, 2020, p. 6]

Социальная сеть Instagram (рус. «Инстаграм») – американская соцсеть, принадлежащая в настоящий момент компании Meta (бывш. Facebook). Ее основной функцией является обмен фотографиями и короткими видео с другими пользователями. Согласно [Basith, Syafi'i, 2020], Instagram является одной из самых популярных социальных сетей в мире, с количеством пользователей, превышающим 300 млн человек; в ней публикуется более чем 70 млн фотографий ежедневно (по данным на 2015 г.). Изначально данная социальная сеть представляла собой мобильное приложение, предоставляющее пользователям возможность делиться лишь фотографиями определенного формата и комментировать фотографии других пользователей, однако с течением времени разработчиками были добавлены новые функции. На данный момент пользователям доступны следующие форматы контента:

- посты (posts) – публикации в виде фотографий (или подборок до 10 фотографий) с возможностью комментирования автором (до 2200 символов с пробелами), которые сохраняются на личной странице автора (в профиле), в одноименной вкладке и демонстрируются другим пользователям в их ленте (feed) – подборке недавно опубликованных постов людей из числа их подписок;

- сторис или сторис (stories) – публикации в виде фотографий или коротких видео (до 15 секунд; с ноября 2021 г. компания Meta тестирует возможность публикации 60-секундных видео для отдельных авторов), которые доступны другим пользователям в течение 24 часов, после чего они становятся недоступны для просмотра. Сторис отображаются в отдельной ленте;

- рилз (reels) – публикации в виде 15-секундных видео, с наложенными сверху другими звуковыми дорожками и визуальными эффектами. Все рилзы автора отображаются как у него в профиле в одноименной вкладке, так и в ленте его подписчиков.

В своей статье [Basith, Syafi'i, 2020] упоминают следующие типы контента личной страницы пользователя Instagram, доступные для взаимодействия его подписчикам: (1) личные данные пользователя (сведения из биографии, фото профиля, количество опубликованных постов и подписчиков автора); (2) содержание профиля (несколько миниатюр фотографий постов автора, доступных для предпросмотра); (3) опубликованные фотографии и посты, которые можно комментировать самостоятельно или взаимодействовать с ранее опубликованными чужими комментариями (отвечать на них или ставить «лайки», демонстрирующие одобрение); и (4) инструменты навигации – иконки-кнопки, позволяющие переключаться между различными вкладками приложения [Basith, Syafi'i, 2020, p. 13].

Среди причин, по которым Instagram может вызывать интерес у пользователей вообще и изучающих иностранные языки в частности, в: [Basith, Syafi'i, 2020] называются следующие:

- 1) возможность делиться снимками из своей жизни, придумать к ним различные подписи, тем самым проявляя свою креативность;

- 2) социальное взаимодействие, лежащее в основе самого явления социальных сетей и заключающееся в возможности узнавать новое об окружающих и вести с ними активную коммуникацию

посредством подписок, комментариев к публикациям и личной переписки во встроенном мессенджере;

3) возможность присоединиться к «комьюнити» – глобальному сообществу людей по всему миру, разделяющих общие ценности и имеющих схожие интересы и увлечения;

4) возможность обучиться чему-то новому (в контексте своей работы [Basith, Syafi'i, 2020] авторы уделяют тут особое внимание возможности развития именно навыка письменной речи, хотя, на наш взгляд, развитие письменной речи в большей степени соответствует п. 1).

А.К. Й. Бестари в своей работе [Bestari, 2020], ссылаясь на других исследователей данного вопроса, пишет о том, что применение социальных сетей в преподавании является наилучшим способом связать обучение с реальной жизнью и заинтересовать студентов в процессе обучения. Использование социальных сетей на уроках английского языка, с одной стороны, помогает сблизить самого учителя с аудиторией, а с другой – предлагает обширный материал для анализа «живого языка» и создания большого количества различных упражнений и творческих заданий для развития навыков письменной речи, аудирования и лучшего понимания грамматических структур. В работе [Agustin, Ayu, 2021] авторы заявляют о невозможности и нецелесообразности изучения иностранного языка в эпоху глобальной цифровизации посредством одних только бумажных книг без использования многочисленных доступных онлайн-инструментов. Авторы также говорят о временной ограниченности аудиторных часов при изучении иностранного языка и возможности увеличить это время при помощи активного применения социальных сетей. Согласно многочисленным работам, касающимся данного вопроса, активное использование социальной сети Instagram на уроках английского языка положительно сказывается на результатах студентов. Кроме того, Instagram является доступным и удобным способом создания и поддержания вокруг себя искусственной языковой среды [Lukina, Lopteva, Gurova, 2020].

Одним из ключевых элементов в любом обучении (не только в изучении иностранных языков) являются мотивация студента его интерес и желание разобраться в предмете. Под интересом авторы работы [Senolinngi, Damayanti, Asmin, 2020] подразумевают жела-

ние взаимодействовать с предметом изучения, чувства вовлеченности, любопытства и восхищения. Таким образом, по мнению авторов, именно интерес к определенной теме движет студентами при изучении и запоминании лексики. Несмотря на доступность большого количества разнообразных электронных словарей, тезаурусов и справочников, интерес к какому-то определенному предмету толкает студентов к поиску информации на иностранных (чаще всего англоязычных) сайтах, форумах и страницах экспертов в соцсетях, что в конечном итоге приводит к более частому взаимодействию с лексикой иностранного языка и, как следствие, ее лучшему запоминанию.

В работе [Gonulal, 2019] исследован портрет студента, готового проявлять автономность в обучении (англ. learner autonomy) и самостоятельно искать способы дополнительного взаимодействия с аутентичным языковым материалом за пределами аудиторных занятий. В процессе исследования были опрошены 128 студентов турецкого вуза, изучающих английский язык как иностранный. Их ответы были подвергнуты квантитативному анализу. Среди участников, признавших активное использование Instagram как инструмента обучения, автор сумел выделить две группы: (1) студенты, не знакомые с большим количеством цифровых инструментов для изучения иностранных языков, но страстно желающие улучшить свой уровень языка, активно использовали готовые решения, предлагаемые Instagram (читали публикации, смотрели англоязычные видео, пытались участвовать в дискуссиях); (2) более технически подкованные студенты, которые в большей степени осуществляли свою коммуникацию во всех социальных сетях на английском и активно пользовались сторонними мобильными приложениями, нацеленными исключительно на изучение иностранных языков (например, Duolingo). Примечательно, что уровень владения языком у представителей второй группы оказался заметно выше, чем у представителей первой группы. Автор исследования, ссылаясь на предыдущие работы других авторов, делает предположение о наличии обоюдно направленной связи между мотивацией к изучению иностранных языков и интересом к использованию современных технологических решений. Кроме этого, автор работы [Gonulal, 2019] искал ответ на вопрос о готовности студентов рассматривать социальные сети как полноценный

инструмент для изучения иностранных языков. Согласно полученным им данным, большинство студентов остались довольны практикой взаимодействия с языком в социальной сети, отметив возросшую мотивацию и интерес к неформальному общению с другими пользователями. Тем не менее отдельными студентами был отмечен серьезный недостаток Instagram как полноценного и самостоятельно инструмента для изучения языка: из-за многообразия пользователей, представляющих различные варианты английского языка и не всегда являющихся грамотными носителями, язык многих публикаций и в большей степени язык личных переписок был далек от общепризнанного стандарта.

Обучение иностранному языку в процессе коммуникации в соцсетях может происходить неосознанно: студенты обновляют свой статус и заполняют информацию о себе, просматривают чужие публикации и загружают собственные посты и видео. В своем эксперименте [Lukina, Lopteva, Gurova, 2020] попытались измерить количество новой лексики на иностранном языке, запоминаемой студентами при взаимодействии с различными публикациями в сети Instagram в течение недели. Для этого была отобрана контрольная группа из 60 студентов. Авторы исследования тщательно проанализировали страницы, на которые были подписаны участники исследования. В ходе эксперимента авторы обрабатывали все новые публикации, которые отражались в ленте студентов. По истечении недели для каждого из участников эксперимента был разработан индивидуальный вариант теста, оценивающего усвоение им лексических единиц, встречавшихся в просмотренных им публикациях прошедшей недели. В результате этих тестов была выявлена высокая эффективность изучения новой лексики через взаимодействие с контентом в Instagram: 73% новых слов стали частью активного вокабуляра студентов. Стоит отметить, однако, что данное исследование проводилось не на основе лайфстайл-блогов (в которых авторы публикуют личные фотографии и тексты, относящиеся к их частной жизни), а на основе страниц, посвященных именно изучению английского языка, где авторы делятся с аудиторией новыми выражениями, объясняют грамматические конструкции, обучают правильному произношению и дают определения новых слов. Следовательно, можно предположить, что участники эксперимента были осведомлены о необходимости запоминать но-

вую лексику, что заставляет иначе оценить результаты исследования.

Вопрос об осознанности запоминания иностранной лексики изучается в работе [Senolinngi, Damayanti, Asmin, 2020]. Авторы работы предположили, что студенты, заинтересованные в изучении новой лексики из публикаций в социальных сетях, будут осознанно обращать внимание на новые лексические единицы и пытаться применять их в своей речи, а значит, необходимо выяснить, сколько студентов могут быть заинтересованы во взаимодействии именно с англоязычным контентом в Instagram. Для этого авторами был разработан опросник, состоящий из 20 вопросов, который был разослан 49 индонезийским студентам. Их ответы были проанализированы и графически оформлены в таблицы и схемы. В результате исследования было выявлено, что около 67% студентов интересуются англоязычными публикациями в соцсети и готовы взаимодействовать с другими англоязычными пользователями, а 44% проявляют интерес к изучению новой лексики посредством такого взаимодействия.

В другом исследовании, также посвященном расширению словарного запаса в процессе общения и просмотра контента в Instagram [Agustin, Auy, 2021], авторы предполагают, что повышенный интерес к запоминанию новой лексики из публикаций в соцсети может быть вызван наличием картинки, более яркой и динамичной, чем стандартные иллюстрации в учебнике (при их наличии). Забавные видео и яркие снимки провоцируют желание узнать больше о языке. Расширение словарного запаса, а также постоянное взаимодействие не только с фото-, но и с видеопубликациями, в свою очередь, ведут к улучшению навыков аудирования. Авторами были опрошены студенты в возрасте 18–24 лет, изучающие английский язык в высшем учебном заведении Индонезии. Согласно их данным, 85% опрошенных студентов пользуются соцсетью Instagram, а 80% подписаны на профили, в которых часто публикуются видео на английском языке. 95% студентов признались, что хоть раз подписывали собственные публикации на английском. В общей сложности 60% опрошенных согласились с утверждением, что просмотр англоязычного контента положительно сказался на их навыках аудирования.

Уже упомянутые подписи к фотографиям на английском языке в качестве материала для изучения языка предлагает в своей работе и А.К.Й. Бестари [Bestari, 2020]. Автор исследовал отношение студентов к использованию текстов из социальных сетей. Как и в упомянутых выше работах, был проведен опрос среди студентов вуза, после которого каждый из участников исследования был дополнительно проинтервьюирован в устной форме. Вопросы из опросника и интервью относились к одной из пяти категорий: (1) навыки письменной речи; (2) грамматические компетенции; (3) мотивация к обучению; (4) испытываемые трудности и (5) преимущества и недостатки данного метода. Интересно, что наиболее часто отмечаемым недостатком применения Instagram на уроках были не академические трудности, а проблемы с интернет-соединением и, как следствие, невозможность оперативно реагировать на происходящее в ходе урока. Также студенты признавались, что при работе с соцсетями часто прибегают к помощи систем машинного перевода (Google Translate), из-за чего эффективность использования подобных аутентичных материалов на уроках снижается. Тем не менее многие студенты согласились, что использование на занятиях текстов из Instagram мотивировало их больше работать над собственными навыками письма, вследствие чего они сами стали чаще писать комментарии к постам на английском. Автор отмечает, что по следам его исследования Instagram стал чаще и активнее использоваться на занятиях и другими преподавателями.

Еще больше способов использовать тексты из социальных сетей для развития навыков письменной речи предлагается в работе [Basith, Syafi'i, 2021]. Авторы считают, что написание коротких текстов-заметок на различные темы является одним из наиболее эффективных методов изучения иностранного языка, а формат приложения Instagram делает подобные задания более интерактивными и интересными для студентов: помимо языковой практики они получают возможность проявить свои творческие навыки при подборе и редактировании изображений, а также могут просматривать и комментировать работы своих однокурсников.

М. Берти [Berti, 2020] рассматривает перспективу применения Instagram на уроках иностранного языка с другой стороны – как источник информации о культуре и нравах страны – родины изучаемого языка. Автор отмечает, что применение социальных

сетей на занятиях в качестве источника аутентичного языкового материала уже давно и активно обсуждается в международном преподавательском сообществе, однако сведений об эффективности использования Instagram именно как источника культурологической информации довольно мало. Кроме того, автор исследует способы применения соцсетей в качестве инструмента развития навыков критического мышления у студентов.

Автор определяет понимание культуры студентами как их способность признавать изучаемую культуру как общий, динамичный и меняющийся аспект страны изучаемого языка и способность распознавать и оценивать отдельные ее характеристики, как конкретные, так и абстрактные, свойственные данной культуре обобщения и стереотипы. Иными словами, студенты должны уметь выделять отдельный культурный элемент и проследить, какие изменения он претерпевает в других социальных группах и у представителей других стран.

Существует несколько причин использовать Instagram для развития культурного взаимопонимания. Во-первых, его популярность среди молодых людей по всему миру и, как следствие, широкое многообразие пользователей с различными интересами позволяют использовать его как платформу для быстрого и качественного поиска языковых партнеров – людей из стран изучаемого языка – для неформального общения на интересующие обоим темы. В то время как в Facebook пользователи часто попадают в «информационный пузырь», состоящий в основном из публикаций знакомых им пользователей, алгоритмы Instagram выдают к просмотру публикации незнакомых авторов, а простая система поиска по хештегам позволяет быстро находить профили и публикации на интересующие темы. Именно система поиска по меткам-хештегам является второй причиной успешного применения этой соцсети для развития культурологических компетенций. Студенты могут находить публикации с фото и видео, вводя в строке поиска интересующие их лексические единицы. Зачастую по таким поисковым запросам становятся доступны именно личные публикации людей со всего мира, что позволяет студентам проанализировать и лучше понять особенности этих выражений и отдельные оттенки значений. В качестве примера М. Берти приводит различия в культуре употребления кофе-эспрессо в южных и северных регионах

Италии. Подобную информацию невозможно найти в привычных учебниках, однако в Instagram по одному только поисковому запросу #coffee можно увидеть тысячи публикаций с фотографиями, видео и текстами от людей со всего мира и проанализировать, как такое бытовое действие отличается от страны к стране, от региона к региону. Более того, студенты могут оставить комментарий к любой заинтересовавшей их публикации и начать диалог с автором поста. Еще одной полезной функцией Instagram является возможность для пользователя сохранять заинтересовавшие его публикации в отдельные тематические подборки и возвращаться к ним в любое время.

Тем не менее существуют и определенные трудности, связанные с применением социальных сетей на уроках. Во-первых, несмотря на всю популярность Instagram, некоторые студенты в аудитории могут оказаться не знакомы с этим мобильным приложением. Кроме того, даже знакомые с этой соцсетью студенты могут испытывать трудности в использовании определенных его функций, что накладывает на преподавателей необходимость обучить их техническим аспектам работы с приложением, перед тем как переходить непосредственно к изучению языкового и культурологического материала. В-третьих, молодые люди, привыкшие пользоваться соцсетями исключительно в развлекательных целях, могут отвлекаться и не выполнять инструкции учителя. Еще одна трудность, уже упомянутая выше в контексте работы [Bestari, 2020], – доступность данного приложения для студентов. Если в исследовании [Bestari, 2020] студенты жаловались на проблемы с интернет-соединением, то М. Берти отмечает еще один аспект этой проблемы: личные мобильные телефоны студентов могут по какой-либо причине не поддерживать данное мобильное приложение, а функции данной соцсети при работе со стационарного компьютера сильно ограничены. Таким образом, учитель вынужден интегрировать использование Instagram в ход урока, чтобы студенты имели возможность делиться гаджетами друг с другом. Это, в свою очередь, может вызвать у одних нежелание делиться ставшим столь интимным устройством с посторонними, а у других – негативные мысли по поводу собственного социального и материального статуса, не позволяющего приобрести более современный гаджет.

Неочевидным на первый взгляд преимуществом Instagram в обучении иностранным языкам является возможность создания тематических подборок публикаций и личных цифровых портфолио студентов. Вообще практика создания и наполнения языковых портфолио студентов уже не одно десятилетие активно применяется преподавателями по всему миру. Создание подборки студенческих работ, включающей результаты их тестов, примеры письменных работ и другие важные продукты обучения, позволяет стимулировать рефлексию как у самих студентов, так и у преподавателей, оценивать проделанный путь, анализировать полученные результаты и ставить новые цели в обучении. Кроме того, индивидуальное языковое портфолио обладает мотивирующим эффектом. Цифровые же портфолио, помимо прочего, более доступны активным пользователям соцсетей и практически не ограничены ни в объеме, ни в формате загружаемых в них «продуктов». Автор предлагает вовлекать студентов в создание тематических подборок по различным культурологическим аспектам. Такая работа, помимо развития социокультурных компетенций, учит студентов критическому мышлению и рефлексии. Анализируя свои и чужие подборки, исследуя и комбинируя публикации по тематическим разделам, студенты глубже познают культуру стран изучаемого языка.

Необходимым кажется также отметить перспективы применения других социальных сетей в обучении иностранным языкам. Так, в работе [Lukina, Lopteva, Gurova, 2020] авторы проводили свое исследование на материалах публикаций не только в Instagram, но и в другой популярной соцсети из Китая – TikTok (публикации в ней представляют собой короткие видео с наложенными сверху звуковой дорожкой и дополнительными визуальными эффектами), и пришли к выводам о том, что ее применение в процессе обучения иностранным языкам оказывает такой же положительный эффект на запоминание новой лексики. В статье [Berti, 2020] упоминается исследование, доказавшее положительное влияние использования сети Twitter (платформы для обмена короткими текстовыми сообщениями) на произношение студентами сложных слов. В другой работе было выявлено, что регулярное общение с другими пользователями в Twitter помогает преодолеть языковой барьер. А использование крупнейшей международ-

ной социальной сети Facebook позволяет развивать у студентов социопрагматические навыки. Общение в чатах Facebook с пользователями из других стран развивает культурологические и языковые компетенции у студентов и разрушает границы между представителями разных культур.

Таким образом, применение социальных сетей в процессе преподавания иностранных языков обладает широким спектром преимуществ. Наиболее весомыми, на наш взгляд, являются развитие у студентов автономности в обучении и укрепление мотивации. Совокупность этих двух факторов гарантирует стабильный интерес к занятиям у студентов и, как следствие, более заметный прогресс. Другим несомненным преимуществом становится возможность развивать не только языковые, но и социокультурные компетенции, практиковать навыки общения, «ломать» языковой барьер. Практика навыков аудирования, чтения и письма, а также расширение активного и пассивного словарного запаса в таком случае перестают быть основным фокусом подобной деятельности, однако, несомненно, получают дополнительное развитие за счет погружения в искусственную языковую среду и регулярного взаимодействия студентов с аутентичным языковым материалом. Тем не менее как преподавателям, так и студентам следует учитывать определенные ограничения, накладываемые таким инструментом. Язык публикаций в социальных сетях может отличаться от стандартного, принятого за эталон обучения в учебном заведении, вследствие чего преподавателям следует уведомлять студентов о необходимости анализировать встречаемые языковые единицы. Также могут возникать технические трудности при использовании такого инструмента: нестабильное интернет-соединение, отсутствие навыков работы с мобильным приложением, недоступность технических средств. Тем не менее, имея представление о возможных трудностях и при должном планировании взаимодействия студентов с социальными сетями в образовательных целях, преподаватели могут активно и успешно применять их на занятиях иностранным языком.

Список литературы

Agustin R.W., Ayu M. The impact of using Instagram for increasing vocabulary and listening skill // *Journal of English Language Teaching and Learning.* – 2021. –

- № 1. – С. 1–7. – URL: <http://jim.teknokrat.ac.id/index.php/english-language-teaching/article/download/767/291> (дата обращения: 06.12.2021).
- Basith A., Syafi'i A.* Instagram as Media in Teaching Writing Recount Text for Senior High School Students // SALEE : Study of Applied Linguistics and English Education. – 2020. – № 01. – С. 11–20. – URL: <http://ejournal.stainkepri.ac.id/index.php/salee/article/download/66/36> (дата обращения: 06.12.2021)
- Berti M.* Instagram in the Foreign Language Classroom: Considerations and Limitations // Journal of Second Language Acquisition and Teaching. – 2020. – URL: file:///C:/Users/mayor/Downloads/1_Instagram_in_the_Foreign_Language_Classroom_Considerations_and_Limitations-with-cover-page-v2.pdf (дата обращения: 06.12.2021).
- Bestari A.C.Y.* Students' perceptions of Instagram captions as media in English language teaching // Journal of Applied Linguistics (ALTICS). – 2020. – № 1. – URL: <https://e-journal.unper.ac.id/index.php/ALTICS/article/download/366/371> (дата обращения: 06.12.2021).
- Gonulal T.* The use of Instagram as a mobile-assisted language learning tool // Contemporary Educational Technology. – 2019. – № 3. – С. 309–323. – URL: <https://www.cedtech.net/download/the-use-of-instagram-as-a-mobile-assisted-language-learning-tool-6249.pdf> (дата обращения: 06.12.2021)
- Lukina D.A., Lopteva A.D., Gurova N.A.* Learning foreign languages on the Instagram and TikTok platforms: problems and prospects for development // Functional aspects of intercultural communication. Translation and interpreting issues. – 2020. – P. 575–581. – URL: <http://conferences-ifl.rudn.ru/wp-content/uploads/2021/01/Proceedings-7.pdf#page=575> (дата обращения: 06.12.2021 S1).
- Senolinngi F., Damayanti S., Asmin A.I.* Are Senior High School Students Interested in Learning Vocabulary in ELT Context Using Instagram Platform? // CLLiENT (Culture, Literature, Linguistics, and English Teaching). – 2020. – № 2. – С. 1–11. – URL: <https://ojs.unsiq.ac.id/index.php/cllient/article/download/1834/1174> (дата обращения: 06.12.2021).

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

ЗАКЛЮЧЕНИЕ : КУЛЬТУРНАЯ ГРАМОТНОСТЬ В ДЕЙСТВИИ /

Лехдемеки Т., Баранова Ю., Юленен С., Койстинен А.-К.

**Conclusions: cultural literacy in action / Lähdemäki T.,
Baranova J., Ylönen S., Koistinen A.-K. [et al.] // Learning cultural
literacy through creative practices in schools: cultural and
multimodal approaches to meaning-making / Lähdemäki T.,
Baranova J., Ylönen S., Koistinen A.-K. [et al.] [Электрон.
ресурс]. – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-89236-4_9¹
(Реферат)**

Ключевые слова: язык и культура; развитие языковой и коммуникативной компетенции у детей; совместная творческая деятельность; концепты; вербальный нарратив и визуальный код – их взаимодействие.

В реферируемой главе монографии авторы излагают результаты эксперимента, целью которого было установить, насколько совместная творческая практика, опирающаяся на мультимодальную деятельность, такая как создание рисунков и языковые описания их, способствует осознанию важных общечеловеческих концептов и способности их вербализовать у детей школьного возраста. В эксперименте принимали участие дети, принадлежащие к разным языковым и культурным сообществам, а также к разным возрастным группам. Под визуальными артефактами, ко-

---

¹ Монография, как и описываемый ниже эксперимент, представляют собой часть программы по изучению способов развития культурной грамотности (Cultural Literacy Learning Programme, сокращенно CLLP). – *Прим. реф.*

торые использовались в эксперименте, имеются в виду карандашные рисунки, коллажи, видео и скульптуры; к вербальным – известные детям и подросткам тексты и их собственные пояснения.

Используемые артефакты воспроизводили образы и темы, знакомые детям по книгам, фильмам, телепередачам и другим медиапрограммам. Опора на известные тексты и «картинки» позволяла оценить роль «заимствованного» образа или темы и воспроизведения как семиотического процесса, в ходе которого происходят переинтерпретация и трансформация имеющегося знания. Ключевым условием этого процесса авторы считают диалог, в режиме которого находились дети и подростки в данном опыте. Имеется в виду как диалог со знакомыми темами и образами, так и друг с другом.

Подобный диалог, в котором использовались разные коммуникативные коды, позволил детям «подхватывать» и развивать цепочки знаний. Например, одной из групп было предложено репрезентировать свое понимание концепта 'дом' и эмоции по отношению к нему. Как известно, грани этого концепта выражаются в английском языке двумя лексемами: *home* 'дом как свое пространство; домашний уют' и *house* 'дом как строение и жилище'. Оба концепта получили свое отображение в результатах эксперимента с англоязычными школьниками и с теми, кто владеет английским. При изображении интерьера дома повторялись темы: *my bedroom, feel happy / make me happy, relax, games / gaming*. При изображении внешнего вида строения, однако, также повторялись компоненты, указывающие на 'свое' и на взаимосвязь двух аспектов 'дома': «*I drew my family because they live in the house with me and I think of them when I think about home*»; «*Home is where you are safe... <...>, I drew my home*» (с. 138). Опыт явно продемонстрировал, что предпочтения в интерпретации концепта, выражаемые преобладанием тех или иных лексем, распределяются по группам. Это расценивается как эффект, названный авторами «*chain of thinking*» – передача «цепочки мысли», происходившая между непосредственными участниками коммуникации [там же]. Эксперимент также доказал, что создание визуальных образов и нарративов неразрывно взаимосвязано. При этом школьники постоянно отбирают, трансформируют, соединяют знаки для создания новых значений и оттенков смы-

слов. В возникших образах и нарративах либо развиваются сюжеты из книг и фильмов, либо выстраивается новый нарратив.

В программу CLLP включались также другие темы для изучения реакции и творческих возможностей детей школьного возраста: разнообразие / различия, равенство, солидарность, права человека, социальная активность. Участники экспериментов продемонстрировали высокий уровень терпимости и готовности помочь, например поделиться чем-либо. Эмпатия распространяется и на животных и окружающую среду.

Рисунки детей не фокусируются на различиях между людьми, особенно на различиях, относящихся к этносу и полу, также не проявлялось неприятие, если кто-то из сверстников оказывался носителем иной культуры и иных взглядов. Общая установка отражена в теме, связанной с пандемией COVID-19: тревога и солидарность выходили за рамки ближайшего окружения и сообщества, распространяясь на глобальный уровень.

Имеющаяся у школьников культурная и языковая компетентность проявлялась в том, что даже в младшей группе они смогли правильно опознать и назвать эмоции персонажей из книг и фильмов, рассказать, как они сами переживают подобные эмоции.

В выводах к главе авторы отмечают следующие позиции.

Используемое ими понятие культурной грамотности отличается от тех походов, на которых основывались Э.Д. Хирш и Н. Сигал. Первый относил данный термин к знанию и способности к воспроизведению существующих норм и канонов¹, второй – к способности ассоциировать культурные и социальные явления с литературной основой². В данной программе в фокусе понятия культурной грамотности была способность коммуницировать, получать и создавать знание через позитивное взаимодействие с другими, в том числе с теми, кто может отличаться от тебя.

Эксперимент показал, что в режиме диалога, включающего визуальный и вербальный коды, дети и подростки активно создают новые для себя идеи и новое знание. Они выстраивают свое миро-

---

¹ Hirsch E.D. Cultural literacy: what every American needs to know. – New York, 1987. – XVII, 251 p.

² Segal N. Introduction // From literature to cultural literacy : In 2 vol. – London, 2014.

понимание, включая не только мыслительную, но и эмоциональную составляющую.

*Е.О. Опарина
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

**КУЛЬТУРНО МАРКИРОВАННЫЕ И ЭКСПРЕССИВНЫЕ
ЗНАКИ ЯЗЫКА В ТЕКСТЕ И ДИСКУРСЕ //**

**Когнитивные исследования языка / гл. ред. Болдырев Н.Н. ;
Мин-во науки и высш. образования РФ, Рос. акад. наук,
Ин-т языкознания. РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина,
Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – Москва : Ин-т
языкознания РАН ; Тамбов : Издат. дом «Державинский»,
2021. – Вып. 2(45) : Знаки языка и смыслы культуры :
сб. науч. тр., посвящ. памятному юбилею Вероники
Николаевны Телия. – С. 494–574.
(Реферат)**

Ключевые слова: культурная маркированность языковых единиц; экспрессивность; перевод; фразеологизмы; тропы; научный текст; языковая игра; вымышленные языки.

В реферируемом разделе сборника исследуются вопросы, связанные с важными для антропологической парадигмы в лингвистике темами: знаки языка как знаки культуры, языковые средства выражения эмоций и экспрессии, перевод, языковое творчество.

Раздел открывается статьей И.И. Валуйцевой и Г.Т. Хухуни «“Текстоцентричность” в переводе : за и против», в которой сопоставляются преимущества и недостатки двух переводческих стратегий, основанных на противоположных принципах, – текстоцентричной и функционально-коммуникативной. Первый из данных подходов ориентируется на текст оригинала (ИТ), стараясь сохранить в переводе (ПТ) его специфику, в то время как второй – на цель перевода и конкретную коммуникативную ситуацию¹.

---

¹ Одним из примеров такого подхода является теория «скопос» (Skopos-theorie) – переводческая концепция, в рамках которой наиболее важными считаются цель и задачи каждого отдельного переводческого проекта и интересы его

Именно второй подход в последние два десятилетия признается ведущим в современном переводе и переводоведении. Он рассматривается как антропоцентрический, так как в нем в наибольшей степени учитывается «человеческий фактор», а именно заказчик / адресат перевода.

Авторы статьи, цитируя В.В. Сдобникова, видят опасность использования функционально-коммуникативной концепции перевода, особенно ее крайних выражений, в том, что «главным в переводном акте становится не соответствие ПТ исходному тексту в семантическом и даже в функциональном отношении, а соответствие созданного в результате переводческого акта продукта потребностям и ожиданиям получателя или инициатора перевода» (с. 496)¹. Подобная концепция может привести и к противоположному эффекту, т.е. к тому, что переводчик начнет навязывать заказчику свою волю. Установка на уважение «коммуникативных нужд клиентов или получателей» [с. 497] как доминирующий принцип отодвигает на периферию важнейший принцип адекватности перевода. Следование такой установке придает переводу субъективный характер и способно сделать его результат конъюнктурным и, по сути, цензурированным. В любом случае имеется угроза игнорирования или преуменьшения значимости ИТ и связанной с ним культуры, что, с точки зрения авторов статьи, недопустимо.

Отмечается важная роль художественного перевода в процессе разработки переводческих принципов. Именно художественный текст дает возможность создать множество переводческих версий, что является основой для сопоставительных исследований, необходимых переводоведению.

А.В. Вдовиченко, В.Я. Порхомовский и О.И. Романова в статье «Антропоморфизмы в Ветхом Завете по версиям Септуагинты и Вульгаты» анализируют традиции перевода канонического текста Ветхого Завета (*Biblia Hebraica*) в версиях перевода с библейского иврита на древнегреческий и латынь².

предполагаемого адресата. Ее создателями являются немецкие исследователи Ганс Вермеер и Катарина Райс. – *Прим. реф.*

¹ См.: Сдобников В.В. Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода : дис. ... д-ра филол. наук. – Н. Новгород, 2015. – С. 27.

² Создание грекоязычной Септуагинты относится к III–I вв. до н.э. В статье рассматриваются две версии перевода Библии на латынь (Вульгаты): выпол-

Авторы статьи сопоставляют две стратегии перевода. Первая из них, состоящая в максимально точном воспроизведении в переводе письменного оригинального текста, определяется как филологическая; вторая, состоящая в адаптации текста к принципам монотеизма, – как идеологическая. Филологическая традиция стремится сохранять антропоморфизмы, в то время как идеологическая предполагает их исключение из текста перевода или переформулировку.

Септуагинта предназначалась, как подчеркивают авторы статьи, не для «греческого читателя», а в первую очередь для иудейской общины Александрии (с. 504). Так что ее «вербальные клише были ориентированы не на правила “греческого языка”, а на аутентичный самодостаточный узус, бытовавший в синагогальных практиках восприятия “Священного текста”» [там же]. Поэтому предметный смысл некоторых вербальных элементов и их коммуникативные интерпретации различаются. Подобное несовпадение характерно не только для Септуагинты, но также для Вульгаты, и учет этого фактора – ключевое условие анализа переводов Ветхого Завета.

Способы перевода антропоморфизмов (*глаз, рот, рука, ноги, бедро*) свидетельствуют об абсолютном преобладании филологической стратегии перевода во всех рассмотренных версиях. Подобная установка характерна в целом для ранних переводов Библии.

Д.Б. Никуличева в статье «Время Бога и время человека в паремиях датского языка» прослеживает эволюцию представлений о времени на основе сопоставления старейшего перевода Библии на датский язык: самого раннего (1550) и созданных в XX в. (1931 и 1992). Исследование проводится на примере строк из Екклесиаста, которые в русском Синодальном переводе представлены в следующем виде: «*Всё соделал Он прекрасным в свое время, и вложил мир в сердце их*» (Екклесиаст 3: 11) (с. 519).

В наиболее раннем переводе Библии на датский язык, выполненном с текста Лютера, 'время' трактуется как 'время Бога' (*i*

ненная в конце XVI в. под эгидой папы Климента VIII (Климентина), нацеленная на исправление ошибок предыдущих изданий; «Новая Вульгата» – полный перевод 1979 г. Еще одно, обновленное издание, ставшее каноническим для всей Римско-католической церкви, вышло в 1986 г. Все данные версии учитываются и рассматриваются в статье. – *Прим. реф.*

---

sin tid «в свое время»). Однако в переводе 1931 г., сделанном с языка оригинала, эта категория трактуется уже как 'правильное время' (*den rette tid*), а хромотопное понятие 'мир' заменено на временное 'вечность' (*Evigheden*). В новейшем переводе 1992 г. время также определяется как «правильное», а мир – как находящийся в движении (*verdens gang* «ход мира») (с. 519). Кроме того, в новых переводах Екклесиаста лексема *tid* чередуется со словом *et tidspunkt* «некий момент времени», представляя время дискретным и неопределенным. Д.Б. Никуличева делает вывод о том, что концепт времени, представленный в новых датских переводах Библии, трактуется как антропоцентрический. Он по своему смыслу ориентирован не на понятие вечности, на человека и условия его жизни, что отражает светский характер культуры современной Дании.

Аналогичное развитие смыслов прослеживается в английских переводах Библии: если в версии 1611 г. (King James Bible) время однозначно понимается как принадлежащее Богу (*in his time*), то в переводах 1996 и 2001 гг. *time* относится к созданным Богом вещам: «*made every thing beautiful for its own time*»; «*made everything beautiful in its time*» (с. 520).

В статье Н.А. Николиной, З.Ю. Петровой и Н.А. Фатеевой «Культурно-специфичные лексические единицы как компоненты компаративных тропов» исследованы семантические характеристики и определены функции метафор и сравнений в текстах современной русской прозы. В центре внимания авторов – образные единицы с культурно-специфичными компонентами. Такое направление исследования позволяет установить, «в какой мере у современных авторов сохраняется историческая память и одновременно выявить, с одной стороны, устойчивые образные параллели, с другой – проследить возможности их обновления» (с. 525).

Авторы статьи установили, что наиболее часто в роли образов сравнения выступают: 1) антропонимы, обозначения мифических антропоморфных существ и сказочных персонажей: «*Неприятная баба. <...> Я даже посочувствовал Сергею, что у него такая Яга*» (Л. Зорин. Юпитер); 2) зоонимы, значимые для славянской и русской национальной картины мира: «*Рыжая “шапка” старого “Москвича” выросла перед ней как сивка-бурка*» (К. Сурикова. Ира – дура); 3) предметы, отражающие своеобразие народной культуры и народного быта: «*Взматерел я и выстарел,*

залоснился и вытерся, как в обиходе хомут» (Саша Соколов. Между собакой и волком).

Рассматриваемые тропы, создающие в текстах национальный или местный колорит, обычно характеризуют свойства или внешность персонажей. Также можно говорить об интертекстуальной функции, так как они содержат отсылку к прецедентным текстам, как, например, цитата из молитвы: *«Никаких следов Арсения <...> слободские не нашли. Может статься, он растаял, яко тает воск от лица огня, подумали они»* (Е. Водолазкин. Лавр).

Рассмотренные компаративные тропы характеризуются разным диапазоном охвата предметов сравнения. Наиболее широк он у общеязыковых метафор, однако в художественной прозе привычные образы обновляются с помощью необычных определений: *«Луна в черном небе висела надо мной непропеченным блином»* (В. Токарева. Центровка). Сделанные авторами статьи наблюдения свидетельствуют об устойчивости образной картины мира русского языка, но также о развитии традиций, заложенных в национальной культуре.

С.Ю. Семенова и Е.В. Тарасова в статье «О языковой игре в газете “Научное сообщество”» представляют схему лингвистического анализа случаев языковой игры (ЯИ) в рубрике «Анекдоты» ежемесячной газеты, предназначенной для широкой академической аудитории. Статья основана на материале 2000 высказываний, помещенных в выпусках 2001–2018 гг.¹

Разработанная схема включает следующие пункты: 1) наименование использованных приемов языковой игры (каламбур, цитата, многозначность лексем, звуковое сходство, метатеза и др.); 2) расшифровка использования приема с целью объяснения комического эффекта; 3) жанровая принадлежность высказывания; 4) тематика (бытовая, философская, политическая, экономическая и др.); 5) комментарий (фоновые знания, прецедентные тексты). Высказывание: *«И днем, и ночью ток включенный все ходит по цепи кругом»* (2014, № 4) (с. 540) характеризуется как: 1) содержащее цитацию, каламбур, паронимическую аттракцию, метатезу,

---

¹ Материал был частично представлен в выпускной квалификационной работе, защищенной Е.В. Тарасовой в магистратуре Института лингвистики РГГУ под руководством С.Ю. Семеновой в 2019 г. (с. 537).

балагурство; 2) изменение известной пушкинской фразы посредством замены фонетически сходных слов путем метатезы; 3) шутка; 4) бытийная тематика; 5) отсылка к прецедентной строке из поэмы «Руслан и Людмила» А.С. Пушкина.

Авторы статьи также проследили определенные параллели между проанализированными русскими юмористическими высказываниями, основанными на языковой игре, и аналогичным явлением в английском языке. Разработанная классификация приемов ЯИ дает материал для сопоставительного анализа.

Л.В. Тарамжина и И.Г. Василькова в статье «Использование экспрессивных средств языка в современной научной коммуникации» исследуют средства и функции экспрессивности в английских текстах из сфер математики, физики и информатики.

Изучение материала показало специфику экспрессивности в научных текстах. Она прагматически направлена на то, чтобы заинтересовать читателя оригинально сформулированной идеей или необычной гипотезой в тексте, основная направленность которого остается логико-мыслительной, базирующейся на рациональной аргументации. Другая важная цель автора научного текста состоит в преодолении дистантности и установлении диалога с адресатами. Эти ключевые цели обуславливают ведущие приемы экспрессивности в современных научных текстах: юмор (введение в статью шуток, анекдотов и афоризмов), метафоры как средство объяснения еще не изученных явлений, значительное количество разговорных фразеологических единиц и прецедентных выражений, как, например, цитация общеизвестной фразы из «Гамлета»: «*After all, as Shakespeare and this discovery of SNAG <...> remind us: "There are more things in heaven and earth, Horatio, than are dreamt in your philosophy"*» (с. 548) – «Есть многое на свете, друг Горацио, // Что и не снилось нашим мудрецам» (перевод Н. Полевого).

В целом анализ материала показал, что экспрессивность стала характерной чертой англоязычной научной коммуникации.

В работе А.И. Ефимовой «“Свой / чужой” в конструировании вымышленного языка: (На материале научно-фантастической повести Барри Брукса Лонгиера “Враг мой”)» исследуются принципы создания вымышленного языка драков в повести американского писателя Б.Б. Лонгиера ('Enemy Mine', Barry Brookes Longyear).

Вымышленные языки – класс внутри более широкого явления искусственных языков, которые включают в себя пиктограммы, языки международного общения и языки программирования. Названные виды искусственных языков создаются для упрощения коммуникации в тех ситуациях, когда естественные языки неэффективны. Вымышленные языки, напротив, создаются для усложнения коммуникации¹.

Анализ «дракских» лексических единиц и фраз в повести показывает, что Б.Б. Лонгиер стремился создать язык, который, с одной стороны, звучал бы непривычно для читателя, но с другой – имел определенные смысловые и структурные параллели в естественных земных языках. Так, среди вымышленных лексических единиц прослеживаются измененные английские слова (*Irkman* – *Earthman*; *ne* – *no*). Другие придуманные слова имитируют нелогичность естественных языков (*vi*, *va* – «мой» и «твой», но *vo* и *vu* – «деревня» и город»). Особо отмечаются единицы, которые по своей логике и семантике ассоциируются с важными обозначениями культурных ценностей в человеческих языках. Например, слово *Talma* – это не только название священной книги драков, но также обозначение понятий «жизнь», «путь», «ответ»; производные *Talmat* и *Talman* означают «правило» и «амулет». Это слово ассоциируется с ивритом, так как по звучанию и смысловому наполнению напоминает «Талмуд» – свод религиозно-этических и правовых положений в иудаизме. Порядок слов в полных предложениях вымышленного языка имитирует японский язык, в котором глагол стоит на последнем месте.

Таким образом, с помощью вымышленного языка в повести конструируется мир, который является чужим, но в то же время содержит аллюзии к человеческому и потому воспринимается как тот, который может быть понят.

В разделе помещены также статьи: Е.В. Шелестюк, Д.Л. Шкарин «Концептуальный состав англоязычной поэзии о Второй мировой войне в сопоставлении с советской военной поэзией»; Е.Б. Яковенко «Концептуализация тревоги в советской

---

¹ В рассматриваемой повести излагается история долгой и ожесточенной войны между землянами и драками (*Dracs*), причины которой не упоминаются. Драки описаны как разумные ящеры. – *Прим. реф.*

предвоенной литературе», которые были включены в обзор, опубликованный ранее¹.

Е.О. Опарина

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

---

¹ Опарина Е.О. Эмоциональные языковые средства в художественном тексте. Обзор // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6: Языкознание. Информационно-аналитический журнал / РАН. ИНИОН. – М., 2021. – № 4. – С. 190

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

УДК: 81: 34

DOI: 10.31249/ling/2022.02.06

Опарина Е.О.

ЯЗЫК ПРАВА В СВЕТЕ РАЗЛИЧИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУР (Обзор)

Аннотация. В обзоре исследуется проблематика межъязыковой и межкультурной коммуникации в правовой сфере. В центре внимания – вопросы перевода, среди трудностей которого – не только языковая специфика терминологических единиц, но также особенности юридических концептосфер, вызванные различиями культурных и коммуникативных стереотипов, характерных для носителей языков.

В обзоре показано, что подобные различия касаются не только далеких друг от друга языков и культур, но даже одного языка, функционирующего в странах с близким социально-политическим устройством.

Ключевые слова: языковая семантика; немецкий язык; язык права (ФРГ, Австрия, Швейцария); юрислингвистика; юридический перевод; терминология; межкультурная коммуникация; язык и равноправие.

Вопросы юридического перевода тесно связаны с проблемами языкового и гражданского равноправия участников юридического процесса. А. Матулевска и А. Вагнер в статье «Третье пространство юридического перевода: между изменчивыми значениями, правовыми культурами и стратификацией коммуникации» [Matulewska, Wagner, 2021] рассматривают перевод в юридической сфере как автономную область межъязыковой и межкультурной коммуникации, при исследовании которой необходимо учитывать

не только специфику юридических концептов, но также историю и культуру стран исходного языка и языка перевода (ИЯ и ПЯ) в их сопоставлении. В числе трудностей юридического перевода выделяются следующие компоненты: 1) изменчивые значения; 2) разные культурные коды и коммуникативные стереотипы; различающиеся между собой правовые / юридические культуры, кроме того, постоянно подвергаются трансформациям; 3) национально-культурные и языковые различия между участниками коммуникации и возникающие вследствие этого проблемы. Учет всех названных условий необходим для обеспечения принципа равенства сторон в межъязыковом общении в сфере закона.

Юридический перевод рассматривается как эволюционирующее явление, в процессе которого концепты / понятия, закрепленные в ИЯ, в его культуре и социальных практиках, должны быть трансформированы в систему ПЯ и могут со временем интегрироваться в нем. В результате первоначальное пространство ПЯ расширяется, изменяются не только его языковые средства, но также понятия и социальные практики.

Таким образом, в процессе перевода участвуют два кода, которые по аналогии с компонентами концептуальной метафоры получили название «исходное пространство» и «пространство-цель» (**source space vs target space**). Сам процесс юридического перевода получил название «третьего пространства», в котором элементы языков и культур постоянно гибридизируются и эволюционируют, что ведет к созданию новых смыслов и форм¹. Потенциально при переходе от одного языка и культуры к другим могут возникнуть различные варианты смыслов и форм, которые, действуя ограниченное время в каком-то языке и социуме, затем также изменяются. Поэтому «третье пространство» является неопределенным, «текущим», что обуславливает возможности перевода и взаимодействия культур. Вместе с тем, «третье пространство» именно в силу неопределенности создает возможность для манипуляций, особенно опасных в сфере юридического перевода [Matulewska, Wagner, 2021].

---

¹ Авторы статьи ссылаются, в частности на терминологию, используемую в: Rutherford J. The Third space: Interview with HomiBhabha // Identity: Community, culture, difference. – London, 1990. – P. 207–221.

Цель своей статьи А. Матулевска и А. Вагнер формулируют как попытку выявить компоненты, наиболее важные для успешной передачи значений исходного юридического текста. Среди них – не только специфика понятий и законы развития языковых знаков, но также идеологическая и социально-культурная идентичность адресанта и адресата (реципиента) переводного текста.

Прежде всего, как и в других терминосистемах, эволюционирует юридическая терминология: ее единицы частично или полностью изменяют значение, некоторые выходят из употребления, постоянно возникают новые слова и значения. Такие изменения ведут к употреблению в переводе полисемантических единиц, неэквивалентных или лишь частично эквивалентных терминов. В условиях, когда различными являются не только лексические единицы, но и понятия, идеологемы и юридические системы, переводчику нелегко найти твердую основу для выбора правильного варианта.

Примером могут служить изменения, произошедшие за два последних десятилетия, прежде всего в юридических системах западных стран и в их словаре, в тематической области «брак и его участники». Так, в англоязычных терминологиях радикально изменилось смысловое наполнение термина *marriage* – оно стало включать однополые пары (*same-sex couples*); вошел в юридический обиход термин *civil partnership* – «гражданское партнерство». Соответствующие им явления были постепенно узаконены в Великобритании в 2004–2014 гг. Однако таких изменений не произошло, к примеру, в Польше, где термин *małżeństwo* по-прежнему относится только к браку между мужчиной и женщиной. Поэтому он более не может рассматриваться как эквивалент англ. *marriage*. Изменения произошли в понимании гендерной системы в целом, что также отразилось в юридической терминологии.

Особенности культурных кодов у носителей разных языков проявляются также в различиях прагматических значений слов, связанных с оценками явлений, даже если их денотаты аналогичны. Так, ядерное денотативное значение термина *president* понимается в разных культурах и юридических системах как «глава государства», однако прагматический смысл далеко не идентичен. Различий множество: они касаются объема власти президента и тех функций, которые исполняет лицо в этой должности в разных

государствах, гендерного или религиозного ценза для кандидата на этот пост, а также такого признака, как возраст, необходимый для получения права на должность президента. Серьезные различия могут быть даже в странах, близких по политическому устройству, таких как европейские. Например, в Польше и Португалии минимальный возраст – 35 лет, во Франции, Финляндии, Хорватии это 18 лет, а в Германии, Чехии, Эстонии президент должен быть не моложе 50 лет [Ibid.]. Каждый из данных законов может расцениваться в иных культурах либо как дискриминационный по отношению к представителям определенной возрастной группы, либо как дискредитирующий страну. В результате восприятие текста с одним и тем же термином *президент* носителями ИЯ и ПЯ будет различным. Стратегия перевода в подобных случаях должна быть направлена на объективное информирование и сокращение коммуникативной дистанции между носителями разных языков и культур.

Другое условие, которое необходимо учитывать в юридическом переводе, – стратификация общества, т.е. наличие в нем разных социальных групп. Высшие и обеспеченные слои общества, как и в целом более развитые и благополучные страны, где жители имеют лучший доступ к образованию, чем бедные группы населения и страны, не достигшие высокого уровня развития. Переводчик часто оказывается в роли посредника между представителями социально неравных групп, и его задачей становится поиск языковых средств, понятных обеим сторонам, участвующим в юридической коммуникации. Необходимо также учитывать объективно существующее лингвистическое неравенство: языки развитых стран, как правило, лучше приспособлены для деятельности в разных профессиональных сферах, так как они располагают более развитой терминологией. Это относится и к правовой сфере. В результате носители развитых языков, как правило, знакомы с большим объемом юридических концептов и, соответственно, лучше знают современные правовые реалии; в них в целом выше уровень фоновых знаний.

Авторы статьи также анализируют роль принципа политкорректности в юридическом переводе. С одной стороны, политкорректные эвфемизмы затемняют смысл многих обозначаемых явлений. Так, в англоязычных юридических текстах применяется

термин *disorderly houses* – букв. «беспорядочные дома», так как наименования *whorehouses* и *brothels bordellos* – «публичные дома», «бордели» считаются слишком грубыми¹. Однако многие изменения в юридическом языке англоязычных стран, вызванные соображениями политкорректности, отражают позитивную эволюцию в менталитете современного общества. Например, выражения *non-marital children* и *children out of wedlock* – «дети, родившиеся вне брака» заменили привычное ранее словосочетание *illegitimate children* – «незаконные дети» и лексему *bastard*, расцениваемую как оскорбительная [Matulewska, Wagner, 2021].

Другой компонент «третьего пространства», который может повлиять на результат коммуникации, – феномен высококонтекстных и низкоконтекстных культур. Представители низкоконтекстных культур более открыто задают вопросы и не боятся показывать, что они что-то не понимают в происходящем. Представители высококонтекстных культур, наоборот, избегают это делать: в культурах такого типа задавать вопросы считается невежливым поступком, нарушающим социальную иерархию. Вопрос также может расцениваться как признание коммуникантом своей некомпетентности. Поэтому человек, не понимая смысла обращенного к нему послания, молчит, боясь «потерять лицо».

Таким образом, возможное неравенство сторон в процессе межъязыковой юридической коммуникации может быть вызвано целым рядом социально-культурных причин, которые следует учитывать в переводе и которые требуют внимательного изучения. Эффективная коммуникация в юридической сфере должна основываться на том, что ее участники адекватно понимают логический и прагматический смысл обращенного к ним текста и способны правильно реагировать на ситуацию. Только так можно обеспечить равенство сторон и соблюдение прав коммуникантов – носителей ИЯ и ПЯ.

Различия правовых концептосфер и их языковых выражений характерны даже для стран с общим государственным языком и сходным социально-правовым устройством, как показано в статье А.В. Березовской [Березовская, 2021]. А.В. Березовская анализи-

---

¹ Авторы статьи отмечают, что многие английские юридические эвфемизмы восходят еще к Викторианской эпохе. – *Прим. редф.*

рует сходства и различия юридической (правовой) терминологии трех немецкоязычных стран: ФРГ, Австрии и Швейцарии. Подчеркивается, что правовые терминосистемы этих стран имеют ряд различий, обусловленных особенностями их систем права, которые вызваны, в свою очередь, особенностями истории стран и менталитетов народов, их ценностями и традициями. Юридическая терминология трех стран сопоставляется также с терминами, выбираемыми для немецкоязычных документов Европейского союза (ЕС). Система права ЕС обладает верховенством по отношению к национальным системам права стран-участниц, при том что понятийная система европейского права является для них общей. Правовые установления Европейского союза констатируют, что в процессе перевода документов ЕС на национальные языки переводчики обязаны «максимально приблизить текст документа к реалиям своей страны и использовать принятую в национальном юридическом языке терминологию» [Березовская, 2021, с. 12].

В центре внимания автора статьи – вопросы эффективности юридической коммуникации и равноправия ее участников. Подчеркивается, что «законодатель вынужден тщательно отбирать речевые средства, чтобы избежать двойного толкования текста и сделать его понятным всем участникам правовых отношений» [там же].

Когнитивная лингвистика создала основу для нового подхода к терминологии и ее изучению: термин рассматривается как языковое выражение ментальной единицы – концепта, в котором те или иные признаки выходят на первый план или, наоборот, «затушевываются». В результате культурно-исторических расхождений в юридических терминосистемах немецкоязычных стран один и тот же денотат может обозначаться различными языковыми единицами. А.В. Березовская называет подобные случаи, следуя терминологии Л.А. Чернышевой, национально-когнитивными синонимами. Например, несмотря на схожесть государственного устройства ФРГ и Австрии, для названия государственных органов в этих странах используются разные языковые единицы. Так, при общем обозначении субъекта федерации в Германии и Австрии – *Bundesland* для наименования главы субъекта федерации в ФРГ используется термин *Ministerpräsident*, а в Австрии – *Landeshauptmann*. Для обозначения главы правительства в Швейцарии приме-

няется термин *Bundespräsident*, в ФРГ в качестве синонима используется термин *Bundeskanzler*.

Большое значение для установления различий в образе мышления представителей наций имеет внутренняя форма языковой единицы. В Основном законе ФРГ субъект права обозначается как *Mensch* или *Deutsche*, в Австрии – как *Person*, *Staatsbürger*, *Bundesbürger*. В проекте Конституции ЕС выбирается термин *Person* или *Unionsbürger / Unionsbürgerinnen*. Отмечается, что в законодательстве Австрии внутренняя форма термина фиксирует наличие у субъекта гражданства, в Германии акцентируется принадлежность к национальному сообществу, в то время как для Конституции ЕС законодатели выбирают обобщающий термин – «гражданин Союза» [Березовская, 2021].

В настоящее время имеется явно выраженная тенденция к унификации права европейских стран, стремление сделать юридическую терминологию и тексты документов понятными любому работающему с ними человеку, будь то профессионал-юрист или «обыватель».

Сопоставление юридических терминосистем разных стран и их анализ в синхронии и диахронии является перспективным направлением юрислингвистики.

Список литературы

- Березовская А.В. Национально-культурная специфика языка немецкого права // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. – М., 2021. – № 6 (848). – С. 11–21.
- Matulewska A., Wagner A. Third space of legal translation: Between Protean meanings, legal cultures and communication stratification // Intern. j. for the semiotics of law. Researchgate [Электрон. ресурс]. – 2021. – N 34. – P. 245–260. – URL: <https://doi.org/10.1007/s11196-020-09796-5> (дата обращения 11.11.2021).

Уважаемые читатели!

В настоящее время вышли в свет:

Потапова Р.К., Потапов В.В., Комалова Л.Р. Восприятие мультимодальной моно- и полиэтнической коммуникации : монография / отв. ред. Л.Р. Комалова. – Москва : ИНИОН РАН, 2020. – 210 с.

Содержательной доминантой исследования является воспринимаемый диапазон интерпретации мультимодальной моно- и полиэтнической коммуникации. Исследуются особенности восприятия информации, исходящей от источника коммуникации и получаемой реципиентом по слуховому и зрительному каналам. Подтверждается тезис об относительной конгруэнтности двух видов исходящей и входящей информации применительно к моно- и полиэтнической коммуникации. Тезис о воздействии мультимодальной коммуникации на эмоционально-модальное состояние и речевое поведение реципиентов аргументируется результатами исследований интернет-опосредованного общения в социальных сетях. Для исследователей и специалистов в области теории коммуникации, социолингвистики, психолингвистики и прагмалингвистики, а также обучающихся по профилям «Теоретическая и прикладная лингвистика», «Фундаментальная и прикладная лингвистика». URL: <http://inion.ru/ru/publishing/publications/vospriatie-mul-timodalnoi-mono-i-polietnicheskoi-kommunikacii/>

Трошина Н.Н. Немецкий язык в науке эпохи глобализации : Аналитический обзор / РАН, ИНИОН, Центр гуманит. науч.-информ. исслед., Отдел языкознания ; редкол.: Опарина Е.О., Раренко М.Б., Яковлева Э.Б. – Москва, 2021. – 52 с. – (Серия: теория и история языкознания).

Анализируется языковая ситуация в немецкой научной сфере, сложившаяся в результате негативного изменения коммуникативного статуса немецкого языка и перехода многих жанров научного общения на английский язык как основной язык глобализации. Для специалистов в области социолингвистики и теории коммуникации. URL: <http://inion.ru/ru/publishing/publications/nemetckii-iazuk-v-nauke-epokhi-globalizatcii-analiticheskii-obzor/>

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2022 № 2

Художник обложки и художественный редактор М.Б. Шнайдерман

Компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор А.Я. Кузьменко

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 01.03.2021

Формат 60×84/16
Печать офсетная
Усл. печ. л. 11,5
Тираж 300 экз.
(1–150 экз. – 1-й завод)

Бум. офсетная № 1
Цена свободная
Уч.-изд. л. 8,4
Заказ № 2

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),**
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418

<http://inion.ru>, https://instagram.com/books_inion

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел. : (925) 517-36-91, (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У